Л. А. ЧАРСКАЯ
Ради семьи
РИСУНКИ А. ВЕСТФАЛЕНЪ
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ МОСКВА

Лидія Чарская.

РАДИ СЕМЬИ.

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

МОСКВА,
Изданіе І. Кнебель.
1914.

Акционерное Товарищество
печатного и издательского
дела, Москва.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ

РАДИ СЕМЬИ.

ГЛАВА I.

...Гдѣ-то по близости съ шумомъ упало яблоко, и Катя раскрыла милые сонные глаза.

У входа въ ея шалашикъ стоялъ крестьянинъ Ефремъ и протягивалъ ей какую-то сѣрую бумажку.

— Иштафета издалеча. Отнеси маменькѣ. Расписаться велятъ.

Катя не сразу поняла, чего хочетъ отъ нея этотъ сѣдобородый, сухой, какъ спичка, человѣкъ въ ветхомъ зипунѣ, исполняющій въ сосѣднемъ селѣ должность почтаря и посыльнаго.

Въ ея растрепанной головкѣ еще плыли сонныя грезы, какіе-то сладкіе сны, съ которыми такъ не хотѣлось сейчасъ разстаться.

А кругомъ звенѣлъ своимъ лѣтнимъ звономъ ея любимецъ садъ. Жужжали пчелы, пѣли стрекозы, чиликали

птицы, порхая между вѣтвями старыхъ яблонь и липъ. Въ узкое отверстіе входа заглядывало ласковое солнце, и изъ шалашика, любимаго мѣста Кати, куда она приходила мечтать, грезить, а иногда и спать, можно было видѣть наливавшіеся въ послѣдней стадіи назрѣванія сочные яблоки, словно алой кровью пропитанныя ягоды краєной смородины и играющій изумрудными огнями сквозь тонкую пленку кожицы, дозрѣвающій на солнцѣ крыжовникъ.

Однимъ общимъ ласковымъ взглядомъ черные глазки дѣвочки обняли родную ея сердцу картину, и она быстро вскочила на ноги.

— Телеграмму привезъ? Давай, давай!

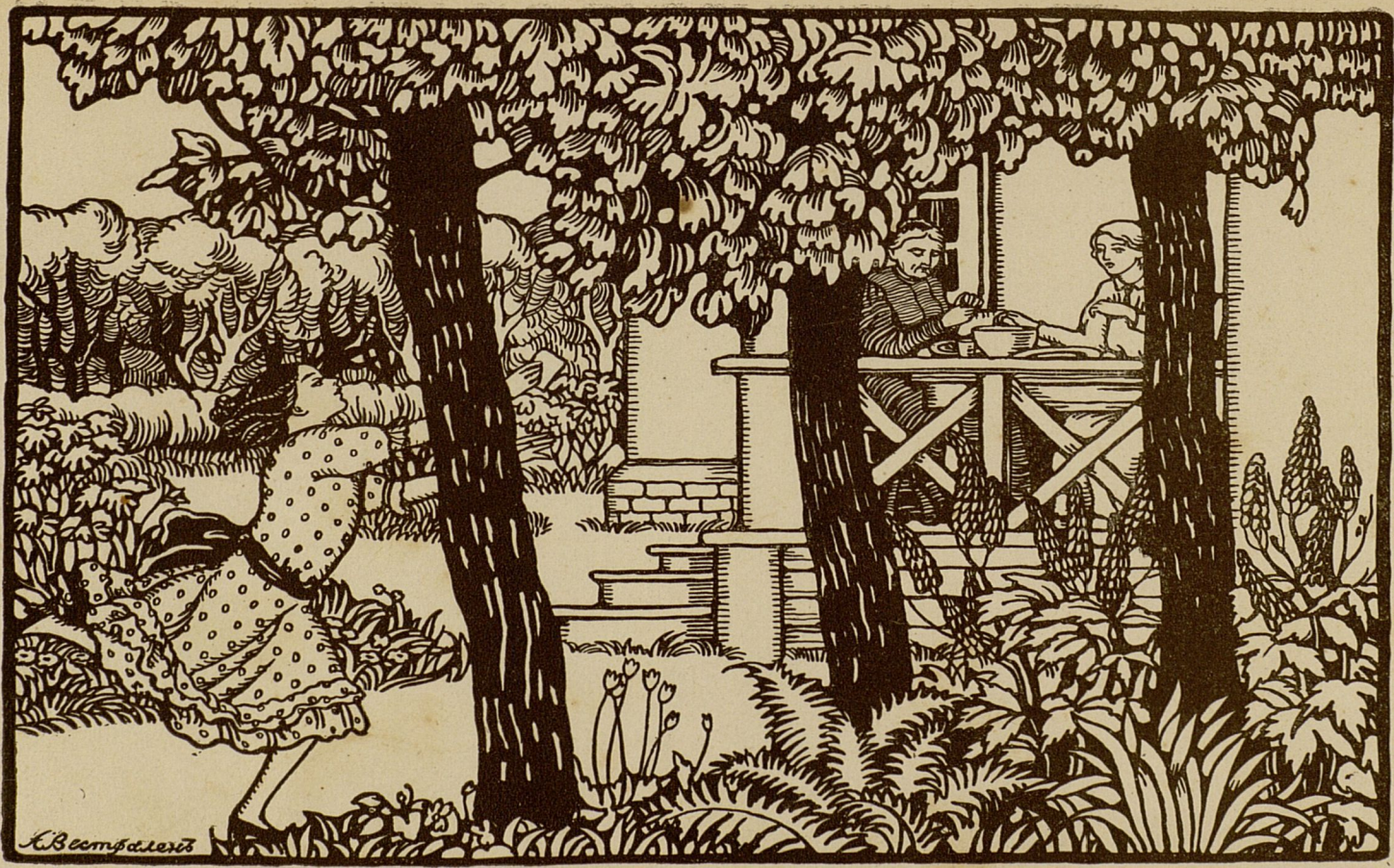
Выхвативъ изъ рукъ Ефрема депешу, она съ быстротою, такъ свойственной ея рѣзвымъ четырнадцатилѣтнимъ ножкамъ, птицей метнулась мимо него и помчалась къ крыльцу, мелькая краснымъ ситцемъ платья между деревьями и кустами.

— Ма-моч-ка, те-ле-грам-ма! — кричала она изъ сада, безъ тѣни тревоги на оживленномъ, загорѣломъ какъ у цыганки лицѣ.

— Отъ Андрюши изъ Венеціи... Вѣрно, пріѣдетъ скоро!.. Траляляля! Траляляля! Пріѣдетъ нашъ Андрюшенька, пріѣдетъ, — запѣла Катя.

Послѣдняя фраза прозвучала уже на порогѣ крошечной террассы, гдѣ Юлія Николаевна Басланова, хозяйка маленькой усадьбы „Яблоньки“, сидѣла за чисткой крыжовника для варенья.

Склонивъ сѣдѣющую голову съ добрыми глазами, такими же черными какъ у Кати, но далеко не такими жизнерадостными, какъ у той, она вооруженной ножницами рукой тщательно подстригала мохнатую бородку на каждой ягодѣ, вынимая ихъ изъ корзины, и отбрасывала очищен-


К. Вестфалех

ный крыжовникъ на большое блюдо, стоявшее передъ нею на столѣ.

Ей помогала старшая дочь, семнадцатилѣтняя дѣвушка съ поэтичной головкой блондинки и серьезнымъ лицомъ, въ которомъ большой неожиданностью являлся энергичный складъ тонкихъ сжатыхъ губъ, придававшій нѣкоторую суровость всему ея хрупкому облику.

Большіе сѣрые глаза дѣвушки смотрѣли задумчиво и строго.

Ія Басланова и по внѣшнему виду казалась полной противоположностью своей младшей сестрѣ,—олицетворенію жизнерадостности и веселія.

Катя съ шумомъ ворвалась на маленькую терассу и теперь, приплясывая и прищелкивая пальцами, кружилась передъ матерью и сестрою, распѣвая во весь голосъ и потрясая высоко надъ своей черной растрепанной головкой только что полученной телеграммой.

— Траляляля!.. отъ Андрюши... траляляля!—напѣвала она.

Юлія Николаевна поблѣднѣла. Она замѣтно встревожилась уже съ той минуты, когда услышала звонкій Катинъ голосъ въ саду. Сама по себѣ телеграмма уже являлась изъ ряда вонъ выходящимъ явленіемъ въ ихъ бѣдной событіями жизни. А тутъ еще депеша пришла изъ Италіи, отъ ея сына Андрея, молодого художника, отправившагося совершенствоваться туда, въ эту поэтичную прекрасную страну, издавна славившуюся колыбель высшаго художественнаго искусства.

Было отъ чего взволноваться и встревожиться любящему материнскому сердцу.

Ія поспѣшно встала изъ-за стола и подошла къ сестрѣ.

— Перестань, шалить Катя... Давай скорѣе телеграмму,—тономъ, не допускающимъ возраженій, проговорила она и быстрой рукою взявъ у сестры депешу, вскрыла ее.

Дыханіе захватило въ груди дѣвушки. Она волновалась за мать. Телеграмма могла принести одинаково какъ хорошія, такъ и дурныя вѣсти. Но лицо Іи ни одной своей черточкой не выдало охватившаго молодую дѣвушку волненія. Сѣрые глаза казались попрежнему спокойными, и такимъ же спокойнымъ былъ ея голосъ, когда она громко читала полученную депешу.

Въ телеграммѣ стояло нѣсколько строкъ.

„Прошу безцѣнную мамочку благословить мой бракъ съ княжной Анастасіей Вадберской. Свадьба завтра. Цѣлую всѣхъ. Андрей“.

Пока Ія съ трудомъ разбирала русскія слова, написанныя латинскими буквами (такъ принято писать депеши за границей), лицо Юліи Николаевны передало цѣлую гамму самыхъ разнородныхъ ощущеній. Здѣсь были: и огромное всепоглощающее удивленіе, и испугъ, и боль разочарованія, и, наконецъ, отчаяніе.

Когда послѣднее слово въ депешѣ было дочитано, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди матери.

— Андрюша... милый... дорогой Андрюша!.. О... О Господи!..—прошептала Юлія Николаевна, откинувшись на спинку стула, и закрыла глаза.

Изъ-подъ сомкнутыхъ рѣсницъ по блѣднымъ щекамъ покатились крупныя слезы.

Катя, хранившая до сихъ поръ на своемъ смугломъ отъ загара личикѣ выраженіе самаго жгучаго, ничѣмъ непреодолимаго любопытства, вдругъ по-дѣтски скривила ротъ и тоже залилась слезами.

Она не могла видѣть равнодушно материнскихъ слезъ.

— Мамочка, мамочка, дорогая!—рыдая, шептала дѣвочка, прижимаясь къ плечу матери черной кудлатой головенкой,—мамочка, не надо плакать... не на-до.

Слезы матери и младшей дочери смѣшались.

Одна Ія сохраняла, повидимому, свое обычное спокойствіе.

Стройная тонкая фигурка дѣвушки приблизилась къ Юліи Николаевнѣ. Бѣлокурая, отягощенная пышной тяжелой косой головка склонилась надъ нею. И тихо, мягко, любовно прозвучалъ нѣжный голосъ Іи надъ ухомъ матери:

— Мамочка, не плачьте. Слезами горю не помочь. Этого надо было ожидать давно. Что дѣлать, судьба сильнѣе насъ, и вы должны себя утѣшить мыслью, что были всегда безупречною матерью и воспитательницей въ отношеніи Андрюши и насъ съ Катей. Что же касается Нетти, то... Милая мамочка, я слышала отъ опытныхъ людей да и сама читала въ книгахъ, что искреннее чувство часто мѣняетъ, облагораживаетъ самыя эгоистичныя натуры. А Нетти любитъ нашего Андрюшу, и подъ вліяніемъ этого чувства, расцвѣтетъ и возвысится ея, можетъ быть, сейчасъ и мелкая, пустенькая душа. Право, мамочка! Не надо же приходить преждевременно въ отчаяніе. Я увѣрена, что Андрюша будетъ счастливъ съ Нетти.

— Но все это такъ внезапно, Іюшка, такъ неожиданно,—поднимая на старшую дочь заплаканные глаза, произнесла Юлія Николаевна.

— Она—противная эта Нетька! Я ея терпѣть не могу!—непроизвольно вырвалось изъ груди Кати, и черная головка отдѣлилась отъ материнскаго плеча.

— Важничаетъ... фыркаетъ... Воображаетъ, что нѣтъ лучше ея на свѣтѣ!

— Перестань, Катя,—строго остановила младшую сестру Ія,—ты еще маленькая дѣвочка, и не твое дѣло осуждать старшихъ. Къ тому же, надо быть вполнѣ безупречной самой, чтобы имѣть право критиковать поступки другихъ. И вообще, Катя, чѣмъ меньше ты будешь разсуждать обо всемъ этомъ, тѣмъ будетъ лучше. Возьми-ка корзину, тамъ крыжовника осталось всего лишь на донышкѣ, и пойди въ садъ, набери тамъ еще ягодъ.

Послѣднія слова Ія произнесла такъ энергично, что Катѣ, волей неволей, оставалось лишь послушаться и исполнить приказанье сестры.

Надувъ пухлыя губки, дѣвочка захватила со стола корзину и съ недовольнымъ видомъ отправилась въ садъ.

— Классная дама какая, подумаешь. Только и знаетъ нотаціи читать,—ворчала она, хлопоча у кустовъ крыжовника.—Кончила институтъ весною и воображаетъ, что командовать можетъ, сколько ей вздумается теперь. Только дудки, я не позволю.—И говоря это, Катя съ ожесточеніемъ срывала ягоды и бросала ихъ въ корзину.

Послѣ ея ухода Ія подсѣла къ матери. Нѣжнымъ, полнымъ невыразимой ласки движеніемъ обняла ея плечи и заговорила:

— Кати нѣтъ, можно теперь обо всемъ побесѣдовать свободно, мамочка; только не волнуйтесь, родная. Правда, Андрюшина женитьба является для всѣхъ насъ большимъ сюрпризомъ, но... не это безпокоитъ меня. Если Андрюша любитъ Нетти и та отвѣчаетъ ему такимъ же чувствомъ—бракъ ихъ является желательнымъ и счастливымъ. Но, мамочка, другое тревожитъ меня. Вѣдь вы знаете, что Вадберскіе разорены, и что молодые будутъ принуждены жить исключительно на заработокъ Андрея, на тѣ деньги, которые онъ получалъ и получаетъ отъ продажи картинъ

и которыми до сихъ поръ такъ щедро дѣлился съ нами Теперь, мамочка, у него будетъ своя семья, молодая жена. избалованная родителями, привыкшая ни въ чемъ не имѣть отказа, могутъ скоро явиться и дѣти, и Андрюшѣ предстоятъ новыя заботы и расходы. Значитъ, надо избавить его, во что бы то ни стало, отъ прежнихъ. Онъ, какъ чуткій и благородный сынъ, конечно, будетъ стремиться помогать намъ, какъ помогалъ до сихъ поръ, но этого допускать нельзя... Художественный талантъ Андрюши долженъ развернуться и расцвѣсти безо всякихъ мелкихъ лишеній, и безъ малѣйшей нужды должна протекать его жизнь. Надо, чтобы мысль о заработкѣ какъ можно меньше тяготила его, по крайней мѣрѣ, хотя бы теперь, когда онъ только-что вступаетъ на новый путь и начинаетъ свою карьеру.

И вотъ, мамочка, я рѣшила сейчасъ, что всѣ обязательства по отношенію къ семьѣ, которыя несъ до сихъ поръ Андрюша, я возьму на себя. Вѣдь „Яблоньки“ приносятъ такъ мало, расходъ по усадьбѣ едва-едва покрывается доходомъ, и намъ его не хватаетъ и на самыя насущныя потребности. Значитъ, безъ помощи со стороны обойтись никакъ нельзя: надо одѣваться, платить за Катю, за ея ученье и содержаніе въ интернатѣ, словомъ, добывать ту ежемѣсячную субсидію въ 50 рублей, которые намъ до сихъ поръ посылалъ Андрюша, и на которые мы теперь не имѣемъ права разсчитывать. И это сдѣлаю я. Я постараюсь найти хорошее мѣсто, мамочка, бухгалтерши, телеграфистки, гувернантки, кассирши, наконецъ, которое бы давало мнѣ хорошій заработокъ, а...

— Іюшка, — тоскливо сорвалось съ губъ Юліи Николаевны,—голубка моя, да какъ же я безъ тебя-то?.. Вѣдь уѣхать придется, Іюшка, разлучиться намъ съ тобою!.. А я такъ мечтала: вотъ кончитъ курсъ моя старшая дѣвочка,

будетъ со мною жить безотлучно, вмѣстѣ хлопотать будемъ, хозяйничать. А тутъ уѣхать вдругъ...

— Конечно, уѣхать, мамочка, не въ нашемъ же миломъ захолустьѣ искать мѣста, въ Петербургъ придется поѣхать, въ столицу.

— Въ Петербургъ? Такой молоденькой? Одной? Да что ты, Іюшка!—испуганно проронили губы матери.

Тихій смѣхъ Іи прозвучалъ несовсѣмъ естественно, когда она отвѣчала матери, стараясь успокоить ее:

— Полно, мамочка, вѣдь до сихъ поръ вы считали такой благоразумной вашу большую Ію! Неужели же теперь вы такъ мало вѣрите въ ея энергію и силы? Не вѣрите? нѣтъ?

И говоря это, Ія серьезнымъ взглядомъ своихъ сѣрыхъ, вдумчивыхъ глазъ встрѣтила обращенные къ ней любящіе глаза матери.

— Іюшка!—могла только произнести со слезами Юлія Николаевна и нѣжно обняла прильнувшую къ ней бѣлокурую головку.

Этой лаской она какъ бы давала молчаливое благословеніе на новый путь своей благоразумной дочери.

ГЛАВА II.

Студеная августовская ночь съ ея призрачнымъ сіяніемъ далекаго мѣсяца, отъ котораго небесныя высоты кажутся какимъ-то фантастическимъ сказочнымъ царствомъ, стояла надъ „Яблоньками“...

Ткалъ свою серебряную прозрачную пряжу мѣсяцъ, заливая млечными лучами и маленькую усадьбу, казавшуюся игрушечной съ ея домикомъ въ четыре окна и неболь-

шимъ яблоновымъ садомъ, и прилегавшія къ ней сто десятинъ поля, утилизированныхъ подъ скромные посѣвы.

За „Яблоньками“ тянулись поля и лѣсъ, принадлежащіе разорившимся князьямъ Вадберскимъ, и теперь отданные въ аренду. У самой опушки лѣса находилась красивая помѣщичья усадьба, полуразрушенная временемъ, съ запущеннымъ дикимъ садомъ и барскими угодьями. Уцѣлѣлъ одинъ только главный домъ, огромный, какъ палаццо, старинной архитектуры съ колонами и башенками, со всевозможными затѣями, увидѣвшій свѣтъ чуть ли не во времена императрицы Екатерины.

Въ блѣдномъ, обманчивомъ свѣтѣ мѣсяца онъ казался средневѣковымъ замкомъ.

За помѣщичьей усадьбой, носившей названіе „Лѣсного“, тянулась дорога въ ближнее село, лежавшее въ пятнадцати верстахъ отсюда и отъ сосѣднихъ съ нимъ Яблонекъ. Въ селѣ находилась церковь, школа, почтово-телеграфная контора и главная пристань Волги. Отъ ближайшаго губернскаго города С. насчитывалось отсюда сорокъ верстъ.

Ія стояла на порогѣ терасски и смотрѣла въ садъ. Была полночь.

Мать и сестра давно спали. Первая, конечно, дѣлала только видъ, что спитъ. Ей было не до сна. Бракъ старшаго сына мѣнялъ совершенно всю давно налаженную программу ихъ жизни. Помимо того, что въ ихъ семью входила несимпатичная, крайне избалованная юная особа, въ лицѣ княжны Анастасіи Вадберской, или Нетти, какъ ее называли близкіе, Юліи Николаевнѣ приходилось отпускать Ію на трудный, тяжелый заработокъ, къ чужимъ людямъ, въ чужой городъ, и это не могло не тревожить мать.

Но сама Ія нимало не тревожилась предстоящей ей перемѣной въ жизни. Правда, ей было жаль до слезъ разставаться съ матерью, жаль было уѣзжать изъ этого милаго гнѣздышка, гдѣ родились и выросли онѣ обѣ съ Катей, гдѣ всякій кустикъ, всякое деревцо срослись и сроднились съ ними. Каждое лѣто пріѣзжала сюда она дѣвочкой изъ института и проводила здѣсь самые отрадные часы своей юности.

Правда, въ этихъ милыхъ „Яблонькахъ“ узнала она и свое первое тяжелое горе. Здѣсь умеръ отецъ, всегда такой ласковый и добрый, умеръ въ ту пору, когда самой Іи было всего десять лѣтъ отъ роду.

Онъ былъ когда-то учителемъ гимназіи и, не выслуживъ пенсіи, вышелъ въ отставку съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ; на свои крошечныя сбереженія онъ пріобрѣлъ у сосѣдей Вадберскихъ эту усадьбу, и поселился въ ней съ молодой женой и крошечнымъ сыномъ.

Князья Вадберскіе являлись, такимъ образомъ, сосѣдями отставного учителя.

Глядя на серебряный океанъ небесъ со скользящими по нему облаками самыхъ фантастическихъ очертаній, Ія думала сейчасъ объ этой семьѣ, вспоминая до малѣйшихъ подробностей нѣкоторыя картины своего дѣтства.

Ей десять лѣтъ. Андрею семнадцать.

Отецъ умеръ нѣсколько дней тому назадъ.

Князь Вадберскій, высокій, красивый старикъ въ блестящемъ мундирѣ отставного кавалериста, присутствовалъ на всѣхъ панихидахъ вмѣстѣ съ дочерью Нетти и двумя сыновьями Леонидомъ и Валерьяномъ.

Ихъ мать, черноглазая подвижная женщина, итальянка родомъ, съ нѣсколько вульгарными манерами, такъ мало согласовавшимися съ ея княжескимъ титуломъ, вторая жена

князя происходившая изъ простой мѣщанской семьи, съ которой онъ послѣ потери первой жены случайно встрѣтился за границей, прислала вдовѣ учителя записку, пропитанную запахомъ духовъ и искреннимъ выраженіемъ сочувствія и утѣшенія въ постигшемъ несчастную семью горѣ.

Въ ближайшій же праздникъ Юлія Николаевна, еще не опомнившаяся отъ горя, послала своихъ старшихъ дѣтей благодарить за сочувствіе княжескую семью, съ которою они до смерти отца не были знакомы.

Какъ ярко встаетъ этотъ первый ихъ визитъ въ княжескій домъ въ воспоминаніи Іи!

Тогда былъ чудесный солнечный полдень.

Она, въ своемъ скромномъ ситцевомъ траурномъ платьицѣ, сшитомъ на скорую руку матерью и сидѣвшемъ на ней мѣшкомъ, и Андрюша въ его куцой гимназической курткѣ, изъ которой онъ порядочно выросъ въ то лѣто, появились среди блестящаго шумнаго общества, завтракавшаго среди цвѣтовъ на большой стеклянной терассѣ. У нея, буквально, тогда закружилась голова при видѣ шикарнаго многочисленнаго общества, находившагося на терассѣ.

Князья Вадберскіе, несмотря на грозившій имъ уже и въ то время призракъ разоренья, вели открытую шумную жизнь.

Красавица-княгиня любила быть окруженной гостями, поэтому и въ лѣтнее время, которое они проводили въ „Лѣсномъ“, барскій домъ усадьбы шумѣлъ и звенѣлъ, не умолкая, смѣхомъ, пѣніемъ и веселыми молодыми голосами. Цѣлыми днями тамъ звучала рояль, раздавались дуэты и хоровое пѣніе. Гостившіе родственники и родственницы князя Юрія Львовича, его молоденькіе племянники и племянницы заполняли своими звонкими голосами всѣ уголки дома.

И въ тотъ день за столомъ, — Ія помнитъ это отлично, — сидѣло человѣкъ двадцать, отъ присутствія которыхъ она, маленькая дикая провинціалочка, смутилась и растерялась совсѣмъ, а тутъ еще и сама княгиня увеличила ея смущеніе.

Очень недалекая, и рѣзкая въ манерахъ, но безусловно добрая и чуткая, она посадила около себя маленькую сиротку и стала громко восторгаться ею на весь столъ...

Она во весь голосъ хвалила большіе сѣрые глаза Іи, ея пышные бѣлокурые волосы, ея тонкое задумчивое личико, съ котораго не сошла печать только что пережитаго горя.

Потомъ стала удивляться ея нѣжному голоску и кончила неожиданной фразой, обращенной къ гостямъ:

— Если бы моя Нетти была хоть чуточку похожа на эту очаровательную дѣвочку, я сочла бы себя счастливѣйшей матерью въ мірѣ.

Хорошенькая двѣнадцатилѣтняя Нетти, унаслѣдовавшая отъ матери ея черные огневые глаза итальянки, скривила въ презрительной улыбкѣ свой очаровательный ротикъ. Она въ своемъ нарядномъ платьѣ съ эффектно разбросанными вдоль спины черными локонами имѣла видъ настоящей маленькой феи этого стараго барскаго гнѣзда.

Маленькая красавица высокомѣрнымъ взглядомъ окинула скромную сандрильону и шепнула сидѣвшему подлѣ молоденькому кузену пажу:

— Она безподобна, эта дѣвочка, въ ея куцомъ мѣшкѣ. Неужели ее не могли одѣть поприличнѣй?

— Куцомъ мѣшкѣ, — повторилъ маленькій пажъ, захлебываясь отъ смѣха.

Очевидно, до слуха княгини Констанціи Ивановны долетѣли слова ея дочери, потому что она бросила въ сто-

рону Нетти уничтожающій взглядъ и быстро-быстро заговорила по-итальянски. Послѣ этого обычно розовое личико княжны стало малиновымъ отъ смущенія.

Въ тотъ день дѣти Вадберскіе играли въ лаунъ-теннисъ въ саду со своими юными гостями. Оба князя не понравились Іи. Ни черненькій какъ жукъ, на одно лицо съ Нетти, Валерьянъ, ни рыжій вялый Леонидъ. Какая разница была между ними и ея милымъ неуклюжимъ увальнемъ Андрюшей, съ его нѣсколько угрюмыми смотрѣвшими исподлобья сѣрыми глазами и кудрявой всегда растрепанной головой! Оба мальчика учились въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣли прекрасныя манеры и тщательно причесанныя на проборъ головы. Особенно старшій. Младшій казался проще. Одѣты они были въ новенькіе съ иголочки кителя, сверкавшіе бѣлизною, вѣжливо шаркали, безъ умолку болтали по-французски и старались всѣми силами, во что бы то ни стало, исправить невѣжливость ихъ надменной сестрички въ отношеніи юныхъ гостей. Но Іи они показались какими-то автоматами, а не живыми подростками. Совмѣстная бесѣда какъ-то не клеилась у дѣтей. Между бѣдными сиротами учителя и молодыми отпрысками блестящаго стариннаго аристократическаго рода, никакъ не могли установиться простыя, искреннія отношенія.

— Нога моя здѣсь больше не будетъ!—ворчалъ на обратномъ пути Андрюша, — это какія-то куклы на пружинахъ „parlez français, merci beaucoup“ только и знаютъ, что трещатъ по-французски, терпѣть не могу такихъ верченыхъ.

И онъ сдержалъ свое слово. До самаго окончанія курса гимназіи юноша не бывалъ въ Лѣсномъ. Не бывала тамъ больше и Ія.

Между тѣмъ наступила пора ученья для дѣвочки, и Ію отдали на казенный счетъ въ С-ій институтъ. Теперь она могла только на время лѣтнихъ каникулъ пріѣзжать гостить въ милыя Яблоньки изъ большого губернскаго города, гдѣ находилось ея учебно-воспитательное заведеніе.

А годы шли... Мало-по-малу разросся небольшой фруктовый садикъ въ Яблонькахъ.

Выросли и окрѣпли въ немъ стройныя плодовыя деревья. Выросли и поднялись незамѣтно вмѣстѣ съ юными деревцами и дѣти вдовы Баслановой, бившейся, какъ рыба объ ледъ, со дня смерти мужа въ своемъ крошечномъ имѣньицѣ.

Андрюша блестяще закончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ университетъ.

Серьезный, вдумчивый, немного угрюмый юноша съ дѣтства питалъ большое влеченіе къ живописи. Еще будучи мальчикомъ, онъ очень недурно рисовалъ небольшія картины, этюды, эскизы, и давно уже поговаривалъ о карьерѣ художника. Но мать и слышать не хотѣла объ Академіи Художествъ, прежде нежели ея первенецъ не покончитъ съ общимъ высшимъ образованіемъ.

И только по полученіи университетскаго диплома Андрей Баслановъ поступилъ въ Академію, куда непреодолимая сила влекла молодого человѣка.

Новое воспоминаніе выплыло изъ недавняго прошлаго въ бѣлокурой головкѣ Іи.

Это было года два тому назадъ.

Они съ братомъ проводили лѣтнія каникулы въ Яблонькахъ, помогая матери въ ея несложномъ хозяйствѣ. Андрей, продолжавшій заниматься въ Академіи, былъ отмѣченъ тамъ, какъ крупный талантъ. Онъ уже помогалъ семьѣ своимъ заработкомъ, получавшимся отъ продажи его не-

большихъ вещицъ, которыя распродавались по рукамъ среди друзей и знакомыхъ. Какъ не закончившій еще своего художественнаго образованія ученикъ, онъ не имѣлъ права выступать со своими картинами на выставкахъ. Но онѣ охотно покупались знатоками и цѣнителями искусства.

Этими своими первыми заработанными деньгами онъ радостно дѣлился съ семьей.

Въ то утро пышный зеленокудрый красавецъ-лѣсъ подслушивалъ пылкія мечты молодого художника, довѣрчиво повѣряемыя имъ сестрѣ.

Въ зеленомъ укромномъ уголку этого лѣса устроился онъ со своимъ мольбертомъ, занося на полотно ближайшую группу кустовъ лѣсного болотца, покрытаго незабудками, и синій шатеръ неба, развернувшійся надъ ними.

Ія читала вслухъ брату „Дворянское гнѣздо“. Передъ ними въ блестящихъ краскахъ развертывались вдохновенныя картины творца-художника... Мелькали образы Лаврецкаго, Лизы, Ленина... Несравненный языкъ Тургенева звучалъ какъ музыка. Братъ и сестра забыли весь міръ, погруженные въ свое занятіе.

Вдругъ негромкій возгласъ восторга послышался за ихъ плечами. Кисть выскользнула изъ рукъ Андрея. Смущенно опустила книгу на колѣни Ія. Передъ ними стоялъ князь Вадберскій подъ руку съ женой. Въ то время княжеская семья шла уже быстрыми шагами по пути къ разоренію. Лѣсъ, единственное богатство ихъ, частью продавался, частью сдавался въ аренду. Наполовину вырубленный, исковерканный, онъ уже не могъ прокормить своихъ владѣльцевъ. Вотъ почему Вадберскіе большую часть года проводили теперь въ Венеціи, откуда была родомъ сама княгиня Констанція Ивановна, и откуда пріѣзжали лишь на три лѣтніе мѣсяца въ свое Лѣсное.

Наткнувшись случайно на работу молодого художника, чета Вадберскихъ пришла отъ нея въ восторгъ. Князь Юрій Львовичъ, тонкій цѣнитель искусства, когда-то самъ увлекался живописью, мечталъ стать художникомъ.

Онъ расхвалилъ работу Андрюши и пригласилъ его къ себѣ съ его молоденькой сестрой.

Когда-то нелюдимый, угрюмый гимназистикъ, теперь превратился въ красиваго стройнаго молодого человѣка, съ живописно-вьющимися кудрями, съ мягкимъ взглядомъ сѣрыхъ добрыхъ глазъ. Къ тому же онъ, этотъ молодой художникъ, подавалъ большія надежды. Младшее поколѣніе княжескаго дома радушно встрѣтило своего прежняго знакомаго.

Знакомство возобновилось. Андрей Баслановъ сталъ теперь часто бывать у сосѣдей. Онъ написалъ удачный портретъ княгини, и престижъ молодого художника еще болѣе окрѣпъ.

Въ ту же осень Вадберскіе убѣдили его уѣхать съ ними за границу, въ ихъ милую Венецію, предлагая поселиться у нихъ въ домѣ.

Поѣздка въ Италію, слывущую лономъ искусства, живописи, давшую міру такія великія имена какъ Рафаэль и Леонардо да-Винчи, была давнишней тайной мечтой Андрея. Памятники классической старины манили къ себѣ издавна молодого художника. Но онъ не смѣлъ даже надѣяться попасть туда. И вдругъ, мечта воплощалась. Греза становилась дѣйствительностью. Было отъ чего притти въ восторгъ молодому человѣку.

Самъ старый князь рѣшилъ снова заниматься живописью и приглашалъ къ себѣ въ домъ Андрея, какъ человѣка, обладающаго художественной системой и талантомъ,

могущаго помочь ему уроками и совѣтами на этомъ поприщѣ.

Не колеблясь ни минуты, юноша согласился.

Италія, какъ живая академія классическихъ искусствъ, могла дать ему больше всякихъ художественныхъ классовъ, и онъ безъ горечи разстался съ послѣдними.

Была тутъ еще и другая причина, почему такъ охотно схватился юноша за предложеніе своего новаго покровителя.

Черные глазки шестнадцатилѣтней красавицы Нетти такъ ласково при встрѣчахъ поглядывали на него, а сама Нетти, надменная и гордая со всѣми, но добрая чуткая съ нимъ, казалась Андрею какой-то сказочной феей.

Ія, повѣренная всѣхъ плановъ, надеждъ и переживаній своего талантливаго брата, первая узнала о чувствѣ его къ юной княжнѣ. Тогда еще пятнадцатилѣтняя дѣвочка, она не могла понять, какъ могъ ея добрый, ласковый ко всѣмъ, исключительно благородный по натурѣ братъ, отличить эту пустенькую, вѣтренную и крайне эгоистичную барышню, предававшуюся до самозабвенья свѣтскимъ выѣздамъ и нарядамъ.

Но тѣмъ не менѣе это было такъ.

Андрюша полюбилъ Нетти чистой, прекрасной, молодой любовью,—дѣвушка отвѣчала ему тѣмъ же.

Въ Италіи онъ весь ушелъ въ работу.

Чувствуя себя обязаннымъ князю, такъ благородно и чутко предложившему ему свою помощь на поприщѣ его художественной карьеры, молодой Баслановъ старался оправдать всѣми силами возложенныя на него надежды. Онъ учился и работалъ за границей безъ устали.

Кочуя изъ музея въ музей, Андрей дополнялъ на образцахъ классиковъ свои пробѣлы по художественному обра-

зованію. Въ школахъ онъ проходилъ азбуку живописи, начиная свое образованіе съ азовъ.

И въ часы отдыха писалъ на продажу эскизы, портреты, этюды и небольшія картины.

Ежемѣсячно самымъ аккуратнымъ образомъ въ далекія Яблоньки присылалась субсидія въ размѣрѣ большей половины его заработка. Вторую половину онъ вносилъ за свое содержаніе князю, не желая обязываться оказавшему ему и безъ того незамѣнимую услугу Юрію Львовичу.

Умный и чуткій отъ природы, Андрей не могъ не понять, что занятія его съ Юріемъ Львовичемъ являлись только предлогомъ со стороны послѣдняго, дабы дать возможность ему — молодому художнику, устроиться съ бо́льшими удобствами у нихъ въ домѣ, нежели гдѣ-нибудь на мансардѣ холостого жилища.

И Андрей не могъ не цѣнить этого.

Въ семьѣ Вадберскихъ его полюбили, какъ родного, о чемъ онъ съ радостью сообщалъ въ письмахъ матери и сестрѣ.

Сообщалъ онъ попутно въ нихъ и о своихъ робкихъ надеждахъ и планахъ на будущее. Его талантъ признали и на чужбинѣ, критика лестно отмѣтила его, сбытъ картинъ увеличился. Будущее улыбалось молодому художнику. И надеждами на это будущее жила теперь въ Яблонькахъ маленькая семья.

И вдругъ этотъ бракъ съ княжной Нетти!

Ія, любя всемъ сердцемъ брата, должна была бы радоваться его счастью.

Но... образъ холодной насмѣшливой дѣвочки, еще жилъ въ ея воспоминаніяхъ, и самый типъ Нетти, пустенькой свѣтской барышни, любившей выѣзды, наряды, мишурный блескъ свѣтской жизни, не могъ нравиться ея серьезной и глубокой натурѣ.

О Нетти, вѣрнѣе, о счастьѣ любимаго брата, думала она сейчасъ гораздо больше, нежели о предстоящей ей самой перемѣнѣ.

А, между тѣмъ, перемѣна въ ея собственной жизни предстояла не малая.

Передъ Іей неожиданно открывался новый путь, полный неожиданностей, непредвидѣнныхъ случайностей, превратностей, а можетъ статься, и многихъ разочарованій.

Путь самостоятельнаго труда.

ГЛАВА III.

Катя, босая, въ одномъ легкомъ ситцевомъ капотѣ, проворно сбѣжала со ступеней крыльца и быстрой птичкой порхнула въ свой шалашикъ.

Тамъ царила пріятная полутьма, сладко пахло яблоками.

Они лежали правильными рядами на свѣжей подстилкѣ изъ соломы.

Тутъ же стояла пустая корзина, приготовленная для сорванныхъ плодовъ. Катя, отбросивъ назадъ то и дѣло спадавшую ей черезъ плечо тяжелую косу, стала бережно укладывать яблоки въ корзину.

Сердце дѣвочки сжималось тоскою.

На глазахъ поминутно навертывались слезы.

Сегодня уѣзжаетъ Ія. Богъ знаетъ, когда придется еще увидѣть ее,—въ сотый разъ повторила мысленно въ это утро дѣвочка, въ то время какъ ея загорѣлыя руки бережно укладывали въ корзину съ соломой румяные сочные плоды.

Яблоки предназначались для Іи. Ихъ вчера еще, когда всѣ спали, черненькая Катя остооржно сняла съ деревьевъ

при лунномъ свѣтѣ августовской ночи. Какимъ чарующимъ при этомъ свѣтѣ казался ей задумчивый садъ! И милыя стройныя яблоньки точно нѣжные призраки высились въ его серебристомъ сіяніи.

Вчера, занятая своимъ дѣломъ, Катя еще не грустила. Сборъ яблокъ и красота лунной ночи совсѣмъ поглотили ее.

Но сегодня вся ея веселость и жизнерадостность исчезли безслѣдно. И острая тоска предстоящей разлуки мучила маленькую душу.

Съ тѣхъ поръ, какъ начинаетъ себя помнить Катя, ея жизнь была всегда тѣсно связана съ жизнью Іи.

Старшая сестра постоянно трогательно заботилась о младшей. Въ раннемъ дѣтствѣ Кати Ія являлась какъ бы ея покровительницей и няней. Она играла съ нею, забавляла ее, умѣла разсказывать ей такія дивныя сказки. А когда позднѣе пріѣзжала на каникулы изъ института, то сама готовила въ пансіонъ младшую сестру. Она же знакомила ее впервые съ русскими и европейскими классиками, учила всему тому, что знала сама, въ то же самое время стараясь урегулировать нѣсколько взбалмошную, черезчуръ живую натуру своей шалуньи - сестренки. Несмотря на такую маленькую разницу въ лѣтахъ между ними, Ія казалась много старше Кати.

Какъ часто Катя негодовала на Ію, называя ее въ насмѣшку классной дамой и гувернанткой, какъ часто сердилась на нее за ея замѣчанія и „нотаціи“, на которыя, по ея мнѣнію, не скупилась Ія. Но въ глубинѣ души дѣвочка не могла не сознавать, что болѣе строгая и требовательная къ ней, нежели ихъ чрезвычайно добрая и мягкая мать, Ія права; и если и взыскательна она къ ней,—Катѣ, то только изъ желанія добра младшей сестрѣ.

А теперь вотъ Ія уѣзжаетъ, и Катѣ кажется, что никогда она не любила сестру сильнѣе, чѣмъ въ эти дни. Все послѣднее время она безропотно принимала замѣчанія Іи, не дулась и не обижалась за нихъ на сестру.

Недѣлю тому назадъ пришло письмо отъ знакомой Баслановыхъ начальницы пансіона изъ Петербурга, куда Ія посылала прошеніе о принятіи ея на должность классной наставницы.

Лидія Павловна Кубанская писала своей старой пріятельницѣ Юліи Николаевнѣ, о томъ, что просьба о мѣстѣ ея дочери пришла какъ разъ кстати, что сейчасъ они нуждаются въ хорошей наставницѣ, что должность классной дамы четвертаго класса пустуетъ, такъ какъ бывшая тамъ наставница больна, уѣзжаетъ лѣчиться, и она рада принять Ію на ея мѣсто. Счастье какъ будто сразу улыбнулось молодой дѣвушкѣ. Заработокъ былъ найденъ. Оставалось только ѣхать въ далекую, незнакомую столицу и поступить на мѣсто. Обливаясь слезами, Юлія Николаевна провожала дочь. Страхъ и волненіе за Ію не давали ей покоя.

Доброй матери Ія казалась теперь бѣднымъ безпомощнымъ ребенкомъ, котораго судьба забрасывала далеко-далеко отъ родной семьи.

Одно только примиряло Юлію Николаевну съ предстоящей новой жизнью дочери—это то, что Ія попадала подъ крылышко къ ея старой знакомой, съ которою вмѣстѣ училась сама госпожа Басланова когда-то въ пансіонѣ.

И, пока черноглазая Катя бережно укладывала яблоки на дорогу сестрѣ, Юлія Николаевна, съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ, давала послѣднія наставленія старшей дочери.

— Іюшка, голубка моя, береги ты себя хорошенько. Богъ знаетъ что за болѣзни, эпидеміи разныя бываютъ въ

Питерѣ. Не приведи, Господи, заболѣешь,—сейчасъ же къ Лидіи Павловнѣ... За докторомъ пошлите, не запускай болѣзни... И потомъ, на улицахъ остерегайся... трамваи тамъ на каждомъ шагу, ты не привыкла къ движенію, не приведи, Господь, несчастье случится!... Каждый день о несчастныхъ случаяхъ пишутъ въ газетахъ... Что будетъ тогда со мною, Іюшка! Береги себя, голубка, береги себя!

Повидимому, спокойная по своему обыкновенію, но глубоко затаившая въ душѣ волненіе, Ія цѣловала руки матери, стараясь утѣшить ее насколько возможно. Она обѣщала беречься, писать аккуратно обо всемъ, писать каждую недѣлю непремѣнно.

Къ двѣнадцати часамъ къ крыльцу крошечной усадьбы подкатила бричка.

Это работникъ арендатора Лѣсного предложилъ Баслановымъ свою лошадь проводить на пристань старшую барышню.

Это было значительно дешевле нежели ѣхать поѣздомъ. Отъ Рыбинска же до Петербурга приходилось прибѣгнуть къ помощи желѣзной дороги.

Съ громкимъ рыданьемъ обняла въ послѣдній разъ Юлія Николаевна старшую дочь, покрыла ея лицо поцѣлуями и слезами, крестила ее дрожащей рукой, впиваясь въ худенькое юное личико Іи любящимъ взоромъ.

— Пиши, Іюшка, пиши!..

— Да, мамочка, непремѣнно, родная...

— Ничего не скрывай... Ничего не таи... Обо всемъ, обо всемъ подробно пиши, моя дѣточка.

— Конечно, конечно, голубушка мама!

— Ія! Ія! Не забывай насъ, пожалуйста!

Это Катя съ залитымъ слезами личикомъ бросается на шею сестрѣ.

Ія нѣжно освобождается изъ объятій матери и переходитъ въ объятія сестренки. Катя горько плачетъ, цѣлуя Ію.

— Изъ-за нея, изъ-за Нетьки противной, все шиворотъ навыворотъ у насъ теперь пойдетъ — ворчитъ она, надувая губки.

— Андрюша любитъ Нетти... Она его жена, и мы должны тоже любить и уважать ее,—говоритъ печально-серьезно Ія.

— А я ее ненавижу. Противная! Зачѣмъ отняла у насъ Андрюшу?

И черные заплаканные глазки Кати мечутъ искры негодованія и гнѣва.

Послѣднее объятіе... Послѣдніе поцѣлуи, и Ія вскакиваетъ въ бричку.

— Іюшка... Ія!..—Пожилая женщина и дѣвочка съ одинаковой стремительностью бросаются къ уѣзжающей. Мать цѣлуетъ ея глаза, щеки, губы... Катя, вскочивъ на подножку, обвиваетъ руками ея шею. И обѣ задыхаются отъ слезъ. Работница Ульяна, живущая около пятнадцати лѣтъ у нихъ въ усадьбѣ, пожилая бобылка, утираетъ слезы передникомъ и голоситъ, причитывая словно по умершему:

— Ба-а-ры-ш-ня ми-лень-ка-я. На ко-го ты насъ по-о-оки-да-ешь, го-лу-бка си-и-и-за-я на-а-ша-а!

Но вотъ взмахнулъ кнутомъ работникъ арендатора, взяла съ мѣста пѣгая лошадка, и, визжа рессорами, покатила бричка.

— Пиши, Іюшка, пиши!—долетало въ послѣднемъ привѣтствіи до ушей Іи, махавшей платкомъ.

Точно желѣзные тиски сжали сердце матери. Юлія Николаевна стояла, прислонясь къ изгороди сада, и затуманенными глазами провожала бричку. Самыя тяжелыя, самыя нелѣпыя мысли шли ей на умъ. Ей казалось, что

она уже не увидитъ больше свою Ію. Что тысячи несчастій обрушатся на бѣлокурую головку уѣхавшей дочери. Что, по крайней мѣрѣ, десятокъ несчастныхъ случаевъ уже предназначенъ для молодой дѣвушки со стороны караулившей ее злодѣйки-судьбы.

Слезы непроизвольно катились по лицу старушки Баслановой, падали ей на грудь, смачивая ситецъ ея полинявшаго капота. Вдругъ что-то горячее и влажное коснулось ея безсильно повисшей руки.

— Катюша?

— Да, мамочка, это я. Ія уѣхала, я осталась. Ія просила меня поберечь тебя. Пусть она работаетъ и служитъ спокойно, наша Ія, а я буду утѣшать тебя. Всѣ вы считаете меня еще маленькой глупышкой, я шалю и дурачусь—это правда, но... но я очень-очень люблю тебя, мамочка, и буду стараться не огорчать тебя ничѣмъ. Черезъ двѣ недѣли я уѣду въ пансіонъ въ С., а пока я съ тобою, ты увидишь, какъ проказница Катя умѣетъ успокаивать и оберегать свою дорогую мамусю.

И ласкаясь, какъ кошечка, дѣвочка обняла мать и повела ее въ домъ.

Растроганная участіемъ и лаской младшей дочери, Юлія Николаевна постепенно перестала плакать.

Да и нельзя было долго предаваться отчаянію бѣдной вдовѣ. Жизнь предъявляла свои требованія. Жизнь не ждала. Не ждали и работы въ маленькой усадьбѣ.

Необходимо было приниматься за нихъ.

Въ тотъ же день огромный, какъ домъ, волжскій пароходъ, уносилъ вверхъ по рѣкѣ Ію.

Мелькали знакомыя, дорогія сердцу картины.

Бѣлыя зданія церквей и монастырей. Бѣлыя стѣны старинныхъ русскихъ городовъ. Бѣжали спокойныя, вели-

чавыя волны рѣки-царицы. Попадались навстрѣчу огромные пароходы, плоты, буксиры, бѣляны.

Звучала красивая заунывно-печальная русская пѣснь. Цѣлая стая сѣрыхъ птицъ носилась надъ пароходомъ. Пассажиры кормили ихъ, бросая съ палубы куски хлѣбнаго мякиша и булокъ. Рѣзко кричали чайки, какъ бы посылая свою благодарность за пищу людямъ.

Ія стояла на палубѣ и смотрѣла въ ту сторону, гдѣ находились по ея предположенію родные „Яблоньки“, и гдѣ,— она ясно чувствовала это,—грезила ею сѣдѣющая голова ея опечаленной матери.

И только ночной августовскій воздухъ прогналъ ее въ каюту. Но и тутъ прежде, нежели заснуть, молодая дѣвушка долго и тревожно думала о тѣхъ, кто въ это время, по ея расчету, ложился на отдыхъ въ далекихъ и милыхъ сердцу Яблонькахъ.

ГЛАВА IV.

— Онѣ всѣ очень хорошія, чуткія и славныя, и я увѣрена, вы скоро привыкните къ нимъ. Я укажу вамъ нѣсколькихъ дѣвочекъ, требующихъ особенно чуткаго и внимательнаго къ себѣ отношенія: Маня Струева, Шура Августова и башкирка изъ Уфимскихъ степей, дочь осѣдлаго бека, Зюнгейка Карачъ, да еще Ева Ларская, пожалуй съ этими четырьмя воспитанницами вамъ придется немного повозиться.

Говоря это еще молодая и красивая дѣвушка лѣтъ двадцати семи, съ прозрачно блѣднымъ лицомъ и большими черными глазами, особенно ярко горѣвшими на худомъ съ выступавшими скулами лицѣ, улыбну-

лась Іи ласковой немного искательной улыбкой. И усиленный неестественный блескъ глазъ, и чрезвычайная худоба и блѣдность Магдалины Осиповны Вершининой подчеркивали присутствіе разрушительной и безпощадной болѣзни въ этомъ молодомъ организмѣ. А частый удушливый кашель, разрывавшій каждыя десять минутъ впалую грудь дѣвушки, еще болѣе подтверждалъ наличность злѣйшаго недуга.

У Іи, пріѣхавшей въ частный пансіонъ госпожи Кубанской часъ тому назадъ прямо съ вокзала желѣзной дороги, сердце разрывалось отъ жалости при видѣ этой крайне симпатичной наставницы, обреченной на раннюю гибель. Красивое печальное лицо чахоточной, глубокіе запавшіе добрые глаза, блѣдная какъ будто извиняющаяся улыбка и двѣ тяжелыя черныя косы, спущенныя просто какъ у подростка вдоль спины—все это сразу привлекало къ ней, невольно будило симпатію, а главное глубокое сочувствіе и жалость.

Должно быть, Магдалина Осиповна прочла выраженіе этого сочувствія въ сѣрыхъ глазахъ Іи, потому что легкая краска залила ея блѣдныя щеки и она проговорила своимъ слабымъ глуховатымъ голоскомъ:

— Да... вотъ, заболѣла некстати... Силъ совсѣмъ нѣтъ. И кашель, и головныя боли. Прически даже, какъ слѣдуетъ, сдѣлать не могу. Вотъ ѣду черезъ недѣлю въ Ялту къ дядѣ. Говорятъ, Крымъ дѣлаетъ чудеса въ такихъ случаяхъ. Да и тянетъ меня самое, знаете, къ южному солнцу. Холодно и сыро здѣсь. Какъ листъ, дрожу по ночамъ отъ лихорадки. Ждала васъ только, чтобы уѣхать. Тетя съ дядей живутъ у мена безвыѣздно въ Ялтѣ. Буду у своихъ. И леченье, и уходъ прекрасный. Отчего бы и не поправиться? —неожиданнымъ вопросомъ заключила она свою рѣчь.

— Поправитесь, поправитесь, конечно, — поспѣшила успокоить ее Ія, но сама она плохо вѣрила въ это утѣшенье.

— Пожалуйте къ госпожѣ директрисѣ, онѣ только что вернулись и просятъ васъ къ себѣ — просовывая голову въ дверь пріемной, гдѣ Ія разговаривала со своей предшественницей, доложила франтоватая горничная.

Лидія Павловна Кубанская встрѣтила Ію на порогѣ своей гостиной. Это была маленькаго роста, худенькая, сухая дама лѣтъ пятидесяти пяти.

Отъ ея невзрачной фигурки и некрасиваго желтаго лица вѣяло свѣтской любезностью, корректностью и нѣкоторымъ холодкомъ.

— Очень рада, очень рада привѣтствовать у себя дочь моего большого друга Julie,—пропѣла она, любезно улыбаясь и протягивая навстрѣчу Іи свои маленькія, сплошь унизанныя кольцами руки съ синими выпуклыми на нихъ жилками и тщательно отдѣланными ногтями.—Но, Боже мой, какъ вы еще молоды!—поспѣшила прибавить она съ тою же любезной улыбкой, таившей за собой несомнѣнную долю разочарованія.

— Ну какъ вы, такая юная, справитесь съ дѣвочками, которыя будутъ на какіе-нибудь два или три года моложе васъ?

Услыша эти слова начальницы, Ія замѣтно поблѣднѣла.

„А вдругъ она не возьметъ меня? Вдругъ откажетъ отъ мѣста? Что тогда дѣлать? Куда дѣваться?“—быстрой молніей пронеслась жуткая мысль въ ея головѣ.

Но она успокоилась сразу, когда, замѣтившая ея испугъ Лидія Павловна, заговорила снова:

— Вамъ будетъ, конечно, немного трудно первое время, милая Ія Аркадьевна, такъ кажется, васъ зовутъ? Не

хочу скрывать отъ васъ, что ваши будущія воспитанницы очень избалованы Магдалиной Осиповной, вашей предшественницей.

M-elle Вершинина—милѣйшее существо въ мірѣ, это ангелъ доброты и кротости, весь пансіонъ, буквально, боготворилъ ее. Но... должна сознаться, благодаря этой-то своей исключительной добротѣ, она нѣсколько распустила дѣтей. Четвертый классъ (ваше отдѣленіе) шаловливъ не въ мѣру и шуменъ. Вамъ придется приложить много усилій со своей стороны, чтобы снова вдвинуть въ русло эту временно выступившую изъ береговъ черезчуръ разбушевавшуюся рѣку. Но... но я увѣрена, что вашъ умъ и врожденная тактичность помогутъ вамъ въ этомъ. А теперь, попрошу васъ пройти въ классъ познакомиться съ вашими воспитанницами. Я уже просила Магдалину Осиповну помочь вамъ. Bonne chance!*). И, пожавъ руку Іи, Лидія Павловна съ любезной улыбкой отпустила ее.

. . . . . .

Урокъ въ четвертомъ классѣ только что кончился. Учитель географіи, худощавый, средняго роста господинъ въ длинномъ сюртукѣ проворно сошелъ съ каѳедры и, мимоходомъ поклонившись воспитанницамъ, быстрымъ шагомъ вышелъ изъ класса. Въ тотъ же мигъ дежурная по отдѣленію Таня Глухова вбѣжала на каѳедру, схватила обѣими руками длинный и плоскій классный журналъ и прочла звонкимъ рѣзковатымъ голосомъ:

— Мордвиновой Мирѣ—12.
— Воргъ—7.
— Августовой—единица.
— Леонтьевой—6.

---

*) Желаю успѣха.

— Недурныя отмѣтки, нечего сказать!—протянула она насмѣшливымъ голосомъ.

— Единица? Мнѣ? За что мнѣ единица? Mesdames, что за свинство! Лепешка мнѣ единицу вклеилъ безъ всякаго спроса!—хорохорилась миловидная шатенка съ вздернутымъ носикомъ и высоко приподнятой „заячьей“ губой.

— Это за невниманіе. Ты помнишь, онъ спросилъ притоки Днѣпра съ мѣста, а ты молчала. Ну, вотъ,—предупредительно пояснила черненькая дѣвочка, съ тяжелой ниже пояса густою косой.

— Да какъ онъ смѣетъ? Я ему за единицу такой бенефисъ закачу,—продолжала, волнуясь и возмущаясь, Августова.

— Надо было внимательнѣе слушать—не было бы единицы!—иронически произнесла Таня Глухова, пожимая своими широкими, сутуловатыми плечами.

— Это ужъ мое частное дѣло—слушать внимательно или вовсе не слушать, и безъ замѣчаній, je vous prie!—дурачилась и комически раскланивалась передъ нею Шура, гримасничная какъ обезьянка.

— Шура, Шуренокъ, представь Лепешку, представь!—послышались вокругъ дѣвочки веселые голоса.

— Ну нѣтъ, милыя мои, вотъ гдѣ сидитъ у меня вашъ Лепешка,—и ребромъ правой руки Августова слегка ударила себя пониже затылка.

— Mesdames, новая классная дама идетъ. И Магдалиночка съ нею! Мо-ло-день-кая!—врываясь въ классную дверь, зашептала маленькая худенькая дѣвочка лѣтъ тринадцати съ растрепанными пепельными волосами и ямками на щекахъ, Маня Струева „премьерша отъ шалостей“ 4-го класса, по общему отзыву пансіона.

— Идутъ! Идутъ!—выскакивая откуда-то изъ-за двери

слѣдомъ за Маней, въ голосъ кричала невысокая плечистая, ширококостая брюнетка съ некрасивымъ лицомъ калмыцкаго типа и рѣзко обозначенными монгольскими скулами.

Черные узенькіе монгольскіе же глазки Зюнгейки Карачъ такъ и сверкали, такъ и искрились неисчерпаемымъ источникомъ любопытства, а широкій ротъ растягивался чуть не до ушей, обнажая въ улыбкѣ ослѣпительно бѣлые зубы.

— Идутъ, идутъ!—вопила она источнымъ голосомъ, пулей влетая въ классъ.

— Молчи, Зюнгейка, не кричи. Опять непріятности будутъ. Я дежурная и должна останавливать васъ всѣхъ.

Не успѣла Таня Глухова договорить своей фразы, какъ на порогѣ класса появилась Ія, въ сопровожденіи Магдалины Осиповны.

— Милыя мои дѣвочки,—начала своимъ слабымъ глухимъ голосомъ Вершинина,—я привела къ вамъ вашу новую наставницу Ію Аркадьевну Басланову, которая заступитъ мое мѣсто. Вы видите, какая она молоденькая, какая милая,—со своей обаятельной улыбкой добавила Магдалина Осиповна,—и ей будетъ нелегко справиться съ такимъ шумнымъ шаловливымъ народцемъ. Но у каждой изъ васъ, я это знаю твердо, бьется въ груди чуткое воспріимчивое сердечко, и вы должны помочь вашей новой классной дамѣ своимъ добрымъ отношеніемъ къ ней. Вѣдь Ія Аркадьевна сама окончила институтъ только этою весною, и, слѣдовательно, ей гораздо доступнѣе, нежели другой пожилой наставницѣ, всѣ ваши юныя переживанія и интересы. Она въ этомъ отношеніи гораздо болѣе подходитъ къ вамъ, нежели я и...

— Нѣтъ,—неожиданно послышался чей-то рѣзкій го-

лось изъ толпы воспитанницъ,—нѣтъ, васъ намъ никто не замѣнитъ, и никто не можетъ болѣе васъ подойти къ намъ.

И дѣвочка, нѣсколько минутъ тому назадъ возмущавшаяся несправедливостью географа Лепешкина, поставившаго ей единицу, выступила впередъ и вызывающе уставилась въ лицо Іи дерзкими синими глазами.

— Перестань, Шура,—тихо остановила ее смутившаяся Магдалина Осиповна,—развѣ можно такъ говорить?

— А развѣ нельзя говорить правду? Вѣдь m-elle Басланова сама отлично сознаетъ, что она не можетъ быть намъ особенно желанной уже по одному тому, что является вашей замѣстительницей!—и новый взглядъ, еще болѣе вызывающій, съ легкой примѣсью насмѣшки, полетѣлъ по адресу Іи.

Послѣдняя стойко выдержала его.

— Такъ похвально, что вы любите вашу уважаемую наставницу, — произнесла спокойнымъ голосомъ Ія, переходя взглядомъ съ одного лица на другое, толпившихся вокругъ нея и ея спутницы пансіонерокъ,—и мнѣ остается только радоваться, что я буду имѣть дѣло съ такими чуткими и привязчивыми натурами, — скрѣпляя улыбкой свои слова, заключила она.

— Старайтесь привыкать скорѣе къ Іи Аркадьевнѣ,— продолжала снова Вершинина,—черезъ недѣлю я уѣду...

— Черезъ недѣлю?.. Уже? Такъ скоро? Но это невозможно!—послышались испуганные голоса.

— Магдалиночка, ангелъ, солнышко, божество, Аллахъ мой!

И черненькая Зюнгейка, со свойственною ей одной стремительностью энергично растолкала подругъ и упала къ ногамъ Вершининой, обвивая смуглыми руками ея колѣни.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград

— Что ты! Что ты, Карачъ!—почти испуганно вскричала молодая наставница.

— Нѣтъ, нѣтъ, не мѣшайте мнѣ, вы—Аллахъ мой, вы ангелъ его садовъ, вы моя жизнь!—страстно сорвалось съ губъ юной башкирки, и она покрывала поцѣлуями и слезами платье и руки Вершининой.

За смуглой Зюнгейкой заплакали и другія. Потянулись за носовыми платками въ карманы дрожащія руки. Послышались всхлипыванія, сморканье, прерывающійся отъ волненія шопотъ.

— Не уѣзжайте отъ насъ, дорогая, милая, солнышко наше, мы такъ любимъ васъ!—слышались взволнованные вздрагивающіе голоса.

Магдалина Осиповна совсѣмъ растерялась. Сильныя руки Зюнгейки обнимали ея дрожащія колѣни такъ крѣпко, что молодая дѣвушка, колеблемая этимъ энергичнымъ объятіемъ, едва могла устоять на ногахъ.

Маленькая Маня Струева, казавшаяся восьмилѣтнимъ ребенкомъ, благодаря своему крошечному росту, успѣла принести стулъ, вскочить на него позади Магдалины Осиповны и, обнявъ ея шею руками, осыпала непрерывными поцѣлуями черную, гладко причесанную голову классной наставницы. Кто-то схватилъ одну косу общей любимицы и тянулъ ее къ себѣ, стараясь достать до нея губами. Другою косою завладѣла Шура Августова и нѣжно проводила концомъ ея по своему разгорѣвшемуся лицу.

— Милыя мои дѣвочки... славныя мои... малютки мои... Ну какъ я васъ оставлю... какъ покину васъ? Ія Аркадьевна, будьте къ нимъ добры, вы видите, что за чуткія, что за драгоцѣнныя сердца у этихъ дѣтей,—обращаясь къ своей замѣстительницѣ, едва найдя въ себѣ силы, произнесла Вершинина и вдругъ, сильно и продолжи-

тельно закашлялась отъ подступившихъ къ ея горлу рыданій.

Теперь задыхавшаяся въ остромъ пароксизмѣ волненія, Магдалина Осиповна вся дрожала, какъ листъ. Ея ноги подкашивались, плечи вздрагивали. А кругомъ нея тѣснились плачущія дѣвочки, еще больше усиливавшія ея волненіе своими слезами.

Ія была единственнымъ спокойнымъ человѣкомъ среди этой, такъ элегически настроенной толпы. И какъ всегда трезвая и здоровая по натурѣ, врагъ сентиментальностей и всякихъ безполезныхъ волненій, она возвысивъ голосъ, обратилась къ окружающимъ ее воспитанницамъ:

— Ну, дѣти, довольно! Вы видите, какъ ваши слезы вредно дѣйствуютъ на вашу наставницу, какъ нервируютъ ее... Перестаньте же плакать. Магдалинѣ Осиповнѣ и такъ не легко разставаться съ вами. Не надо же усугублять ея горя. Иногда приходится сдерживать себя, стараться не показывать своего волненія, когда это является во вредъ другому. Магдалина Осиповна, голубушка, вамъ не хорошо? Разрѣшите напоить васъ водою. Можетъ быть, вы пройдете отдохнуть немного? Я васъ отведу.

И, энергично взявъ подъ руку Вершинину, Ія вывела ее изъ кружка толпившихся воспитанницъ и повела въ коридоръ.

Лишь только обѣ дѣвушки скрылись за дверью, слезы пансіонерокъ прекратились сами собой... Мало-по-малу затихли всхлипыванія, попрятались платки, исчезая въ карманахъ коричневыхъ форменныхъ платьевъ. Но потребность вылить такъ или иначе накопившуюся боль и горечь еще не миновала у дѣвочекъ.

— Вотъ такъ штучка, нечего сказать!—первая, приходя въ себя, произнесла недовольнымъ голосомъ Маня Стру-

ева, — чуткости ни на волосъ, то-есть ни-ни... Мы плачемъ по Магдалиночкѣ нашей, а она нотаціи, видите ли, читаетъ.

— Идолъ безчувственный!—всхлипывая выпалила башкирка.

— Изъ молодыхъ да ранняя!—вставила Шура Августова.

— Да неужели же ей, mesdames, только семнадцать лѣтъ?—прозвучалъ чей-то удивленный голосъ.

— А вы замѣтили какія у нея губы? Злыя, тонкія, и улыбается она какъ-то странно.

— А все-таки она прехорошенькая... Этого отнять нельзя.

— Ну вотъ еще! Ничего хорошаго нѣтъ абсолютно.

— Волосы ничего себѣ еще. А глаза, какъ у змѣи, такъ и жалятъ насквозь.

— Вѣдьма она! Ненавижу такихъ. Воображаю, какъ намъ легко будетъ съ нею послѣ ангела нашего Магдалины Осиповны!

— Mesdames, слушайте: въ память Магдалиночки, всѣ мы обязаны игнорировать эту противную, холодную Басланову. Совершенно не сближаться съ нею. И первая, кто будетъ нѣжничать съ нею — измѣнитъ нашей бѣдной дорогой Магдалиночкѣ...—пылко заключила Шура.

— Августова, ступай сюда къ Зюнгейкѣ. Зюнгейка хочетъ цѣловать тебя за такія слова,—и непосредственная, порывистая башкирка порывисто бросилась на шею Шурѣ.

— И такъ, mesdames, помните, первая изъ насъ, пожелавшая войти въ дружескія отношенія съ этой черствой, сухой Баслановой—становится врагомъ класса. Всѣ ли поняли меня? И Маня Струева энергично тряхнула своей, всегда растрепанной головкой.

— А я, представь себѣ, Струева, не поняла тебя, ни тебя, ни твоихъ единомышленницъ,—произнесла высокая, худая дѣвушка въ очкахъ, казавшаяся много старше ея четырнадцатилѣтняго возраста Надя Копорьева, дочь инспектора классовъ частнаго пансіона Кубанской,—представьте, не могу и не хочу васъ понять. Чѣмъ заслужила такое отношеніе съ вашей стороны такая классная дама?

— Копорьева, что съ тобою? Какъ ты можешь итти одна противъ класса? Вѣдь это измѣна Магдалиночкѣ! Заступаясь за эту противную Басланову, ты доказываешь только то, что никогда не любила и не любишь нашего ангела Вершинину,—послышались протестующіе голоса.

— Ничего подобнаго это не доказываетъ, mesdames,—спокойно проговорила Надя, и ея каріе, близорукіе глаза блеснули подъ стеклами очковъ.—Нельзя обвинять человѣка, строя свои обвиненія на одной внѣшности обвиняемой.

— Обвиненія, обвиняемая, Философія Ивановна, и всякія мудрыя разглагольствованія, — закричала со смѣхомъ Маня,—какъ ты можешь пускаться въ такія скучныя разсужденія, Копорьева? И откуда это берется у тебя, профессорша ты и ораторша хоть куда!

— А по моему, Копорьева совершенно права, и вы всѣ поступаете довольно таки неостроумно тѣмъ, что, не узнавъ хорошенько человѣка, сразу объявляете ему войну.

И очень блѣдная, болѣзненнаго вида дѣвочка съ короткой косичкой и нервнымъ лицомъ, на которомъ выдѣлялись своимъ упорнымъ, и совершенно не дѣтскимъ взглядомъ свѣтлые выпуклые глаза, выступила впередъ. Это была племянница одного извѣстнаго государственнаго дѣятеля и сановника, дѣвочка, непрерывно мѣнявшая учебныя заведенія столицы, такъ какъ она не была въ состояніи удержаться подолгу ни въ одномъ изъ нихъ.

Ева Ларская, лѣнивая и безпечная по натурѣ, избалованная до послѣдней степени благодаря своей болѣзненности, а главное высокому положенію своего дяди, была и здѣсь въ пансіонѣ Кубанской на исключительномъ счету. Она изъ свойственнаго ея натурѣ упрямства всегда старалась быть не солидарной со своими товарками и оставалась при „особомъ мнѣніи“, какъ о ней говорили, во всѣхъ предпріятіяхъ и затѣяхъ. Взбалмошная и экстравагантная, кумиръ семьи, сдѣлавшей ее таковою, Ева любила оригинальность, любила слыть особенной, тѣмъ болѣе, что и въ пансіонѣ съ нею носились не менѣе, чѣмъ дома. Она была любимицей дяди-сановника, игравшаго большую роль среди женскихъ гимназій и многое, что не простилось бы другой воспитанницѣ — прощалось начальствомъ Евѣ Ларской.

Въ классѣ она не дружила ни съ кѣмъ. Надменная, гордая дѣвочка считала другихъ воспитанницъ ниже себя по положенію. И воспитанницы въ свою очередь не долюбливали Еву. Ее прозвали въ насмѣшку „сановницей“. Но эта кличка не обижала, повидимому, дѣвочку, напротивъ, она принимала ее, какъ должную дань.

Ей нравилась одна только Маня Струева, веселая, жизнерадостная, остроумная тринадцатилѣтняя дѣвочка, казавшаяся малюткой, благодаря своему крошечному росту.

Впрочемъ, Маню, добрую и веселую проказницу, любилъ весь пансіонъ. Ея шалости были такъ же невинны, какъ были невинны ея свѣтлые голубые глазки.

Сейчасъ она выбѣжала впередъ, очутилась въ центрѣ кружка своихъ подругъ одноклассницъ и быстро, быстро заговорила:

— Конечно, Ева по своему права... и Надя Копорьева тоже... Нельзя презирать Басланову за то только, что у

нея строгіе глаза, холодное лицо и что она является замѣстительницей Магдалиночки. Вѣдь Магдалина Осиповна должна была бы уйти все равно отъ насъ... И намъ дали бы другую классную даму... Но... но... вы видѣли, какъ смотрѣла на насъ эта строгая дѣвица? Какимъ великолѣпнымъ взглядомъ высокомѣрнаго презрѣнія окидывала она всѣхъ насъ, пока мы ревѣли тутъ всѣ, какъ бѣлуги, оплакивая нашего кроткаго ангела? И этого взгляда я ей не прощу во вѣки вѣковъ. Аминь!—заключила Маня, потрясая для чего-то своими крошечными кулачками.

— И я!

— И я также!

— И я! Всѣ мы! Всѣ мы! — послышались отовсюду волнующіеся громкіе голоса.

— Не говорите за всѣхъ, дѣти мои!—произнесли блѣдныя безкровныя губки Евы,—я, напримѣръ, не только не собираюсь не прощать чего бы то ни было m-elle Баслановой, но, напротивъ того, хочу быть ея покровительницей и защитницей. И ты, Надя, надѣюсь тоже?

— Да, да,—подтвердила высокая дѣвочка въ очкахъ.

— Профессорша и сановница заключили трогательный alliance (союзъ),—смѣясь звонко выкрикивала маленькая Струева.—Vive la наука! vive la аристократія! Мира, какъ это будетъ по-французски—переведи!

— Оставьте меня въ покоѣ или вы не знаете, что я всегда держу нейтралитетъ,—отвѣчала спокойная симпатичная брюнетка Мира Мордвинова.

— Mesdames, батюшка идетъ! По мѣстамъ!—кричала, надрываясь, дежурная Таня Глухова. И почти въ тотъ же мигъ на порогѣ класса появился молодой бѣлокурый священникъ съ лицомъ аскета, въ лиловой рясѣ и съ академическимъ значкомъ на груди.

Вмѣстѣ съ нимъ въ отдѣленіе четвертаго класса вошла Ія. Дѣвушка успѣла успокоить Магдалину Осиповну, уложить ее въ постель и теперь, вернувшись въ классъ, заняла предназначенное ей мѣсто классной дамы за маленькимъ столикомъ у окна.

Пока отецъ Евгеній вызывалъ пансіонерокъ, прослушивалъ ихъ отвѣты и объяснялъ заданное къ слѣдующему уроку Закона Божія, Ія могла, хотя бы съ внѣшней стороны, познакомиться со своими будущими воспитанницами.

Ея зоркіе проницательные глаза самымъ подробнымъ образомъ изучали сидѣвшихъ за партами дѣвочекъ.

Ихъ было двадцать человѣкъ. И всѣ эти двадцать, за малымъ развѣ исключеніемъ, отвѣчали новой наставницѣ довольно недоброжелательными взглядами. Въ глазахъ нѣкоторыхъ воспитанницъ Ія прочла какъ будто даже какую-то затаенную угрозу. У иныхъ—насмѣшку. Нѣкоторыя изъ пансіонерокъ смотрѣли на нее съ откровеннымъ вызовомъ. Другія съ любопытствомъ. Но Ія не смутилась. По крайней мѣрѣ, ничѣмъ не выдала своего смущенія. Только темныя брови ея нахмурились, а сѣрые, „строгіе“, какъ ихъ назвали пансіонерки, глаза, встрѣтивъ чей-нибудь черезчуръ откровенно-непріязненный взглядъ, становились еще строже.

Легкій, чуть замѣтный вздохъ, вылетѣлъ изъ груди дѣвушки.—Да нелегко мнѣ здѣсь будетъ,—подумала Ія,—слишкомъ очевидно вліяніе на дѣтей этой мягкой, избаловавшей ихъ бѣдняжки Вершининой. Придется много потратить энергіи и силъ, прежде чѣмъ удастся исправить то, что посѣяла эта невольно навредившая имъ Магдалина Осиповна, совсѣмъ не подходящая къ роли воспитательницы и классной дамы.

Такъ думала Ія, продолжая незамѣтно наблюдать за своей маленькой паствой.

Первые же шаги ея здѣсь, въ пансіонѣ не обошлись безъ инцидента.

Отецъ Евгеній объяснилъ воспитанницамъ таинство крещенія, заданное къ слѣдующему уроку. Пансіонерки слушали. Но далеко не всѣ слушали съ одинаковымъ вниманіемъ. Шура Августова, вынувъ изъ ящика пюпитра узкую полоску канвы, самымъ спокойнымъ образомъ вышивала по ней крестиками какіе-то замысловатые узоры.

Ія безшумно поднялась со своего мѣста и приблизилась къ Шурѣ.

— Оставьте вашу работу. Мнѣ кажется, что такое занятіе далеко не своевременно на урокѣ Закона Божія— спокойно проговорила она.

Лицо Шуры приняло непріязненное выраженіе. Быстро поднялись на Ію вызывающіе, дерзкіе глаза.

— А Магдалина Осиповна намъ разрѣшала иногда работать, пока поясняетъ заданное господинъ преподаватель,—отвѣчала рѣзкимъ голосомъ Августова.

— Магдалина Осиповна была слишкомъ снисходительна къ вамъ,—неосторожно сорвалось съ губъ Ія,—но это еще не значитъ, что то, что разрѣшалось ею, должна позволять вамъ я.

— Она была ангелъ!—съ многозначительнымъ вздохомъ произнесла, подчеркивая, Шура.

— Но вашу вышивку вы все-таки спрячьте въ столъ, —неумолимымъ тономъ замѣтила Ія и въ упоръ взглянула въ устремленные на нее съ вызовомъ глаза дѣвочки. Потомъ тихо повернулась и медленно и неслышно пошла на свое мѣсто.

— Ну и характерецъ!—зашептала Таня Глухова своей сосѣдкѣ Шурѣ.

— Вѣдьма!—безапеляціонно рѣшила сидѣвшая впереди нихъ Маня Струева.

— Да, жаль Магдалиночку... прошли наши красные дни,—со вздохомъ роняла Шура, неохотно пряча злополучную вышивку въ столъ.

Звонокъ, прозвучавшій въ эту минуту въ коридорѣ, далъ новое направленіе мыслямъ воспитанницъ.

Урокъ Закона Божія кончился. Наступало время обѣда. Дежурная прочла молитву. Отецъ Евгеній благословилъ воспитанницъ и вышелъ изъ класса, столкнувшись въ дверяхъ со спѣшившей въ свое отдѣленіе Вершининой.

Глаза чахоточной наставницы блестѣли еще сильнѣе послѣ недавнихъ слезъ, а два предательскія пятна ярче рдѣли на ея выдающихся вслѣдствіе худобы скулахъ.

Замѣтно было, что весь этотъ часъ Магдалина Осиповна проплакала.

— Магдалиночка! Магдалиночка! Ангелъ нашъ! Золото! Радость!—зазвучали снова взволнованные голоса, и дѣвочки бросились къ ней со всѣхъ сторонъ, окружили ее и безпорядочной толпою повели изъ класса въ столовую.

Напрасно сама Вершинина взывала своимъ надломленнымъ голоскомъ:

— Въ пары, дѣти! Въ пары! Становитесь въ пары! Такъ нельзя! Лидія Павловна будетъ недовольна безпорядкомъ...

Но никто не слушалъ ее. Смѣхъ и поцѣлуи звучали ей отвѣтомъ на эти слова.

Ію оставалось только слѣдовать въ нѣмомъ молчаніи за дѣвочками и ихъ любимицей.

Не весело было на душѣ молодой дѣвушки. То, что предчувствовала Ія съ первой минуты ея появленія здѣсь,

являлось теперь неоспоримою истиной. Да, много заботъ, непріятностей и осложненій принесетъ ей ея новое поприще!

И эта кроткая, мягкая Магдалина Осиповна, своей слабостью и чрезмѣрной добротою съ воспитанницами еще усугубляла и безъ того нелегкое положеніе Іи; она уже однимъ своимъ присутствіемъ разжигала невольную антипатію дѣвочекъ къ ихъ новой, болѣе энергичной и требовательной воспитательницѣ. И съ этимъ явленіемъ Ія рѣшила бороться до послѣднихъ силъ.

ГЛАВА V.

— Какъ, развѣ у васъ нѣтъ отдѣльной комнаты?

— Зачѣмъ мнѣ она? Я такъ привыкла къ постоянному общенію съ моими дѣтками. Я бы соскучилась провести безъ нихъ цѣлую ночь.

— Но ночью онѣ, все равно, не могутъ пользоваться вашимъ обществомъ. Вѣдь онѣ спятъ.

— Я не могу допустить мысли, чтобы онѣ спали вдали отъ меня. Я должна слышать ихъ сонное дыханіе, ихъ лепетъ. Наконецъ, многія изъ нихъ такія нервныя, болѣзненныя, многія боятся ночной темноты и тишины, а я прихожу успокоить ихъ, просиживаю съ ними долгіе часы, пока онѣ засыпаютъ при мнѣ.

— Но развѣ...—Ія начала и запнулась на полуфразѣ.

Чуткость и врожденная деликатность не позволяли ей подчеркивать больной Вершининой того ужаснаго упущенія, которое допускалось ею. Не могла же сказать Ія Магдалинѣ Осиповнѣ, что чахотка заразительная болѣзнь, и что спать чахоточной больной со здоровыми юными созданіями въ одной комнатѣ, по меньшей мѣрѣ, не пред-

усмотрительно въ смыслѣ заразы, не говоря уже о злѣйшемъ кашлѣ, который, разрывая грудь больной каждые четверть часа, не можетъ способствовать спокойному отдыху ея воспитанницъ въ ночное время.

Обѣ онѣ, и бывшая, и настоящая наставницы, стояли теперь въ углу дортуара, отгороженномъ широкими ширмами отъ остальной бо́льшей части помѣщенія, уставленнаго двумя рядами узкихъ кроватей. Здѣсь за ширмами было такъ же шумно, какъ и тамъ въ общей части дортуара. Каждое слово воспитанницъ, произнесенное даже вполголоса долетало сюда. А Ія такъ мечтала имѣть свой отдѣльный уголокъ, свою особую комнату!.. Но умѣвшая легко мириться съ мелочами жизни, она успокоилась и сейчасъ. Къ тому же, изъ окна (какая радость, что здѣсь было окно, въ ея уголку за ширмами!) открывалась чудесная картина на темный городъ, переплетенный гирляндами огней, на черную въ этотъ августовскій вечеръ со вздувшейся осенней поверхностью Неву, на таинственно замолкшій садъ, окружавшій полукругомъ эту часть зданія.

Частный пансіонъ Кубанской находился на одной изъ отдаленныхъ окраинъ города. Здѣсь Петербургъ не казался шумной европейской столицей; здѣсь онъ скорѣе напоминалъ провинцію, и Ія, не любившая шума и суеты, съ удовольствіемъ отмѣтила это.

Теперь она стояла у окна, устремивъ глаза въ звѣздное бархатное небо. Золотые глаза планетъ ласково мигали сверху. Внизу тихо шелестѣлъ деревьями вѣтеръ. Черезъ открытую форточку до нея долеталъ этотъ шумъ, смѣшиваясь съ осеннимъ ропотомъ рѣки.

Ія смотрѣла въ окно и думала о своихъ. Что-то подѣлываютъ онѣ сейчасъ, ея мать и веселая шалунья Катя?

Уѣзжая, она такъ настойчиво просила Катю поберечь мать. Исполнитъ ли Катя эту ея просьбу? Сейчасъ, навѣрное, онѣ обѣ сидятъ за чайнымъ столомъ. Работница подала самоваръ. Принесла вкусный варенецъ съ желтой пѣночкой. Парное молоко, домашніе коржики и ржаныя лепешки стоятъ на столѣ. Но никто не прикасается къ нимъ. Мать думаетъ о ней, Іи, занесенной судьбою такъ далеко, далеко отъ нихъ. И, можетъ быть, плачетъ... а Катя утѣшаетъ. Она бываетъ иногда серьезной и чрезвычайно милой эта маленькая Катя!

— Мама, милая не плачьте,—хочется крикнуть Іи такъ громко, чтобы въ далекихъ Яблонькахъ могли услышать этотъ крикъ,—я вернусь къ вамъ при первой же возможности. Я буду стараться откладывать каждый грошъ на дорогу. Вѣдь лѣтомъ въ пансіонѣ занятій нѣтъ. Я возьму какую-нибудь переписку на лѣтніе каникулярные мѣсяцы и прилечу къ вамъ, мои дорогія.

Эта мысль такъ воодушевляетъ дѣвушку, что первыя невзгоды ея здѣсь, въ этомъ чужомъ ея душѣ пансіонѣ, забываются ею сразу. И улыбка трогаетъ рѣдко улыбающіяся губы.

Но вотъ Ія вздрагиваетъ отъ неожиданности. До ея уголка доносится веселый смѣхъ, шумъ, возня, шаловливыя взвизгиванія и слабый голосъ Вершининой, умоляющій о чемъ-то. Вмигъ отлетѣли далеко отъ бѣлокурой головки Іи сладкія грезы. Она быстро выходитъ изъ-за ширмъ и видитъ: по дортуару несется неуклюжая, широкоплечая Таня Глухова. За нею безудержной стрѣлою летитъ маленькая Струева. Руки Мани покрыты мыльной пѣной. Лицо оживлено. Она громко и весело кричитъ на всю спальню:

— Держите ее, mesdames, держите! Не пускайте, не пускайте! Я должна намылить ее хорошенько за то, что она...

— Ай... ай... Не смѣй меня трогать, Манька,—визжитъ въ свою очередь Таня,—не позволяйте ей трогать меня, mesdames. Это не я ей мѣшокъ сдѣлала, это Зюнгейка.

— Я?

До сихъ поръ молчаливо заплетавшая волосы въ безчисленное множество черныхъ косичекъ башкирка вдругъ вскакиваетъ съ табурета, на которомъ она только что смирно сидѣла подлѣ своей кровати, и несется навстрѣчу Танѣ.

— Я покажу тебѣ, какъ клеветать на бѣдную Зюнгейку!—кричитъ она, мѣшая свои слова со звонкимъ смѣхомъ. Остальныя пансіонерки неудержимо хохочутъ. Однѣ стоятъ за Таню. Другія за ея преслѣдовательницъ. Шумъ въ дортуарѣ дѣлается невообразимымъ.

Напрасно Магдалина Осиповна выходитъ изъ себя, призывая къ спокойствію.

— Тише, дѣти! Нельзя же такъ! Ужъ поздно, пора спать! Ради Бога тише, или я потушу электричество.

Но ея никто не слушаетъ.

Крики, визгъ, хохотъ и возня все растутъ, усиливаясь съ каждой минутой. Магдалина Осиповна повышаетъ голосъ. И вотъ ея грудь снова начинаетъ разрывать кашель. Чѣмъ больше волнуется она, тѣмъ сильнѣе дѣлается этотъ кашель. Лицо молодой дѣвушки становится багрово-краснымъ отъ напряженія и боли. А шумъ вокругъ нея не утихаетъ и смѣхъ не умолкаетъ ни на минуту.

Сердце Іи сжимается острой болью жалости, когда она, повышая голосъ, обращается къ пансіонеркамъ:

— Перестаньте же шумѣть, mesdemoiselles! Или вамъ не жаль Маргариты Осиповны? Смотрите, она задыхается въ безполезномъ стараніи унять васъ!

Эти слова словно холодной водой обдаютъ шумѣвшихъ

дѣвочекъ. Мгновенно обрывается смѣхъ и крики. И четыре десятка глазъ карихъ и сѣрыхъ, синихъ и голубыхъ, и черныхъ устремляются на непрошеную заступницу съ плохо скрытой недоброжелательностью и откровенной враждою.

Однако въ дортуарѣ все же водворяется полная тишина. Съ легкимъ ропотомъ неудовольствія сбрасываются черные передники и коричневыя форменныя платья воспитанницъ. Кое-кто изъ дѣвочекъ успѣлъ уже улечься подъ жидкое сѣрое одѣяло. Въ уголку у своей постели, присѣвъ на корточки, Зюнгейка совершаетъ вечернюю молитву, накрывшись съ головой темной шалью и повернувшись лицомъ въ ту сторону гдѣ долженъ быть востокъ.—Алла верды! Алла верды! (Господи, помилуй!)—жалобно шепчетъ башкирка.

Наконецъ, затихаетъ и этотъ шопотъ. Гдѣ-то раздается протяжный зѣвокъ.

— Не проглоти меня, Шурочка, экъ, ротъ разинула, какъ акула!—слышится звонкій шопотъ Мани Струевой.

— Хи-хи-хи!

— Спать, mesdemoiselles! и чтобы не было больше разговоровъ!

Можетъ быть, Іи не слѣдовало произносить эту фразу такимъ ужъ черезчуръ энергичнымъ тономъ? Въ слѣдующую же минуту она подумала объ этомъ, потому что откуда-то изъ дальняго угла тихо и выразительно понеслось по ея адресу:

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Тѣмъ же самымъ звонкимъ шопотомъ, какимъ только что дѣлалось сравненіе съ акулой.

Снова сдержанно хихикнули въ двухъ-трехъ мѣстахъ... Но Ія предпочла не обращать на это вниманія. Быстро по-

вернула она выключатель, и въ тотъ же мигъ дортуаръ погрузился въ темноту.

Теперь только блѣдный призрачный свѣтъ луны, прорывавшійся сквозь бѣлую штору, освѣщалъ комнату. Да за зеленымъ тафтянымъ переплетомъ ширмы горѣла лампа, бросая свою долю освѣщенія на огромную спальню.

За ширмой то и дѣло раздавался глухой и протяжный кашель. Когда Ія прошла въ свой уголокъ, она увидѣла Магдалину Осиповну, лежащую уже въ постели. Двѣ черныя косы, длинныя какъ змѣи, бѣжали вдоль тѣла дѣвушки. А блѣдное лицо спорило своей бѣлизною съ бѣлизной подушки, на которой покоилась черненькая головка больной. Вершинина держала въ рукахъ книгу, но читать она не могла. Кашель, поминутно разрывавшій ей грудь, мѣшалъ несчастной дѣвушкѣ углубиться въ чтеніе.

Подъ этотъ непріятный аккомпанементъ Ія раздѣлась и легла въ находившуюся тутъ же другую постель, предназначенную для нея. Она такъ нынче устала отъ долгаго пути и постоянной смѣны впечатлѣній. Глаза ея слипались. Голова туманилась отъ сонныхъ грезъ, но каждый разъ, когда раздавался кашель Магдалины Осиповны, Ія, начинавшая уже забываться, вздрагивала всѣмъ тѣломъ и черезъ силу поднимала отяжелѣвшія вѣки.

— Невозможно спать! Бѣдныя дѣти! Какъ они могутъ выносить эту музыку?—невольно въ сотый разъ спрашивала себя Ія.

Наконецъ, ей кое-какъ удалось забыться. Она заснула. Ей снились далекія, милыя сердцу Яблоньки, Катя, мать... Вдругъ чуткое ухо уловило не то смѣхъ, не то рыданіе, раздавшееся подлѣ. Не открывая глазъ, Ія прислушалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, Аллахъ мой, не приказывайте Зюнгейкѣ любить чужую, новую. Раньше, чѣмъ это могло бы

случиться, Зюнгейка умретъ!—разслышала она съ трудомъ прерывающійся шопотъ. И второй голосъ, чуть слышный, глухой отвѣтилъ такимъ же шопотомъ:

— Перестань говорить глупости, Зюнгейка, ты же большая дѣвочка! И если хочешь сдѣлать мнѣ удовольствіе, то ты должна любить, уважать Ію Аркадьевну, такъ же какъ уважала меня.

— Никогда!—пылко вырвалось изъ груди юной собесѣдницы Вершининой, и она зашептала такъ скоро, что Ія, окончательно проснувшаяся, едва успѣвала улавливать ея слова:—Аллахъ мой, сердце мое, не отнимай отъ Зюнгейки твоихъ чудныхъ косъ, — переходя на ты, говорила молоденькая степнячка,—Зюнгейка хочетъ цѣловать ихъ и обливать слезами. Не мѣшай плакать Зюнгейкѣ. Не одна она плачетъ, всѣ мы плачемъ по тебѣ. Пройдетъ еще день, еще день и еще день. Семь разъ взойдетъ на небѣ мѣсяцъ, на восьмую ночь не увидимъ мы нашей Магдалиночки. Далеко на синее море уѣдетъ отъ насъ Магдалиночка наша, алмазъ нашъ, звѣздочка небесная, и останемся мы, сиротки однѣ...

Тутъ Зюнгейка не выдержала и зарыдала.

Вмѣсто того, чтобы утѣшить дѣвочку, Магдалина Осиповна заплакала тоже. Теперь больная наставница и воспитанница рыдали неудержимо одна въ объятіяхъ другой. Въ тотъ же мигъ послышались за ширмой и другіе тревожные голоса.

— Кто плачетъ? Mesdames, это Магдалиночка. Идемъ къ ней утѣшать ее! Бѣдная Магдалиночка, милая Магдалиночка!—и одна за другой, босыя, въ длинныхъ, бѣлыхъ рубашкахъ, пансіонерки повскакали со своихъ постелей и устремились въ уголокъ за ширмами. Чья-то проворная рука повернула выключатель и въ дортуарѣ стало сразу

свѣтло. Въ ногахъ постели Вершининой, сжавшись въ комочекъ, и обвивая руками ея худенькія ноги, лежала рыдающая Зюнгейка Карачъ. А въ отверстіе ширмъ одна за другой пролѣзали небольшія бѣлыя фигурки въ ночныхъ туалетахъ. Съ озабоченнымъ видомъ окружали онѣ постель Вершининой и забрасывали послѣднюю тревожными вопросами:

— Магдалиночка, солнышко наше! Вамъ худо? О чемъ вы плачете? Боже, эта глупая Зюнгейка опять разстроила васъ?

Кое-кто уже плакалъ подъ шумокъ. Кто-то изъ дѣвочекъ опустился на холодный полъ голыми ногами и, присѣвъ у постели Магдалины Осиповны, покрывалъ ея лицо и плечи поцѣлуями. Цѣлымъ градомъ изступленныхъ поцѣлуевъ.

Ія, возмущенная и взволнованная всѣмъ этимъ шумомъ, взглянула на часы. Было два. Глухое раздраженіе противъ безтактности и несообразительности ея предшественницы закипало въ груди дѣвушки. Эти несвоевременныя сцены ночью, не дававшія покоя другимъ и пропитанныя вредной сентиментальностью, окончательно разсердили ее. Но, привыкшая владѣть собою, молодая дѣвушка сдержалась и на этотъ разъ и, насколько могла спокойно, обратилась къ Вершининой:

— Мнѣ кажется, было бы лучше, если бы вы отослали дѣтей спать. Завтра съ утра у нихъ уроки, и онѣ не успѣютъ хорошенько выспаться. Да и вамъ, я думаю, нуженъ отдыхъ.

При первомъ же звукѣ ея голоса, Магдалина Осиповна повернула къ ней свое кроткое, залитое слезами лицо.

— Но что я могу подѣлать? Эти добрыя, милыя крошки такъ любятъ меня,—произнесла она своимъ слабымъ всегда точно извиняющимся голосомъ.

— Да, но любовь ихъ къ вамъ не уменьшится отъ того, если вы будете спать спокойно ночью,—смягчая свои слова улыбкой, отвѣчала Ія.

— Язва!—шепнула Шура Августова Манѣ Струевой.

— Извергъ!—чуть ли не въ голосъ взвизгнула Зюнгейка.

Легкая краска залила блѣдныя щеки Вершининой. Она только сейчасъ поняла, что сентиментальная сцена, разигравшаяся ночью, мѣшаетъ спать ея уставшей сосѣдкѣ. И, смущенная, она проговорила:

— Простите ради Бога, Ія Аркадьевна, мы, кажется, разбудили васъ, Я сейчасъ одѣнусь и уйду съ ними. А вы спите, пожалуйста, не обращайте на насъ вниманія.

„Не обращайте на насъ вниманія“... Хорошо ей было говорить это! Но могла ли спокойно уснуть Ія, когда мысль о томъ, что двадцать дѣвочекъ встанутъ на утро съ тяжелыми отъ безсонницы головами и разсѣянно, не выспавшіяся и уставшія, примутся за обычныя занятія? Къ тому же, свѣтъ электричества, ярко освѣщавшаго дортуаръ, звонкій шопотъ собесѣдницъ, частыя восклицанія и громкіе поцѣлуи, которыми воспитанницы щедро надѣляли всеобщую любимицу, рѣшительно не позволяли Ии забыться ни на минуту.

Нѣтъ, если это продлится такъ цѣлую недѣлю—съ ума можно сойти. Во что бы то ни стало, необходимо, такъ или иначе, удалить поскорѣе отсюда больную наставницу... Вѣдь все равно, она должна уѣхать не сегодня-завтра лѣчиться въ Крымъ. Такъ зачѣмъ же тянуть дѣло, зачѣмъ безполезно трепать нервы дѣтей этими безконечными прощаньями. Завтра же необходимо поговорить съ Лидіей Павловной или съ инспекторомъ классовъ обо всемъ этомъ.

И, покончивъ на этомъ рѣшеніи, Ія засунула голову между двухъ подушекъ, стараясь во что бы то ни стало заснуть.

Это ей удалось, наконецъ, сдѣлать. Усталость взяла свое. И когда передъ самымъ разсвѣтомъ Магдалина Осиповна съ блѣднымъ, измученнымъ отъ безсонницы лицомъ вернулась въ уголокъ за ширмами, новенькая наставница спала, какъ убитая, крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА VI.

— Неправда! Неправда! Ты не могла этого слышать.

— Да правда же, mesdames! Ей-Богу!

— Ложь, не можетъ этого быть!

— Ахъ ты, Господи! Не присягу же мнѣ принимать, чтобы вы повѣрили!

— Она перекрестилась, mesdames! Смотрите. Нельзя же врать подъ крестомъ...

— Конечно...

— Ну неужели же это правда? Такое предательство!

— Такое безсердечіе!

— И жестокость!

— Я же говорила вамъ, что она—змѣя!

— И извергъ!

— Фурія!

— Просто вѣдьма съ лысой горы!

— Опомнитесь, что вы! Вѣдьма съ этими бѣлокурыми волосами и точенымъ личикомъ!

— Профессорша, не философствуй. Вспомни „Майскую ночь“ Гоголя, его вѣдьму-мачеху. Развѣ обязательно, чтобы вѣдьма была уродка?

— Перестаньте болтать ерунду... Понять ничего нельзя. Дайте же по крайней мѣрѣ договорить Шурѣ. Августова, разсказывай все, что слышала, по порядку. Ну!

Голосъ Евы Ларской звучитъ по обыкновенію властными нотками. Но то, что возмущаетъ въ ней въ иное время ея одноклассницъ теперь проходитъ незамѣченнымъ ими. Сейчасъ не до „тона“. Открытіе, сдѣланное сейчасъ этой всевѣдующей и вездѣсущей Шурой, настолько захватило дѣвочекъ, что всѣ остальные вопросы отодвигаются далеко назадъ. Шура Августова внезапно дѣлается центромъ вниманія цѣлаго отдѣленія. Ее берутъ подъ руки и ведутъ на каѳедру. Передъ нею разступаются, даютъ дорогу. Она сама взволнована больше остальныхъ. Ея синіе глаза горятъ. Вся она дрожитъ отъ волненія.

— Да, да, mesdames,—звенитъ ея трепещущій голосъ—да, да! Онѣ и сейчасъ еще тамъ. До сихъ поръ совѣщаются. Досадно, что я не могла дослушать всего до конца. Но то, что слышала — это правда. Я вамъ сказала на спѣшку, теперь разскажу подробно:

Я шла въ перевязочную, уколола перомъ нечаянно палецъ. Вхожу въ коридоръ. Вижу стоитъ „сама“ и идолъ этотъ безчувственный. „Сама“ слушаетъ, идолище говоритъ:—Не могу,—говоритъ,—никакіе нервы не вынесутъ. Нельзя такъ мучить дѣтей. Онѣ и такъ слишкомъ впечатлительны. А тутъ эти слезы. Эти безсонныя ночи. Тутъ никакое желѣзное здоровье не выдержитъ. Если она рѣшила уѣхать, то пусть сдѣлаетъ это, не откладывая въ долгій ящикъ, не мучая понапрасну дѣвочекъ долгими проводами. И потомъ (это опять она, идолище наше, говоритъ):—я нахожу вреднымъ продолжительное присутствіе больной въ одной комнатѣ со здоровыми дѣтьми, а

особенно ночью. Онѣ дышутъ однимъ воздухомъ. Вѣдь чахотка, а она, очевидно, у моей уважаемой предшественницы, заразительная болѣзнь...

— Такъ и сказала?

— Такъ и сказала, какъ отрѣзала.

— Ну, ну! Дальше, дальше...

— А еще, говоритъ, эти безсонныя ночи и безконечныя слезы могутъ вредно отразиться на занятіяхъ дѣтей. Какіе могутъ пойти имъ въ голову уроки, когда организмъ ихъ отравляется принудительными безсонницами и частыми слезами...

— Ну?

— Ну, говоритъ: Если вы, Лидія Павловна, откажете посодѣйствовать скорѣйшему отъѣзду Маргариты Осиповны, придется уѣхать мнѣ.

— Такъ и сказала?

— Дословно.

— Шурка, а ты не врешь?

— Глухова, вы здоровы? Какъ можно клеветать такъ на честнаго человѣка?—и синіе глаза мечутъ молніи по адресу не въ мѣру недовѣрчивой товарки.

— Молчите же, mesdames, дайте докончить „честному человѣку“,—вступается успѣвшая вскочить на край каѳедры Маня Струева, сверкая оттуда на всѣхъ своими разгорѣвшимися отъ любопытства голубыми глазенками.

— Говори, Августова, говори!

— Что говорить-то, mesdames? Ужъ кажется, все сказано. Идолище выгоняетъ нашу кроткую Магдалиночку. Ускоряетъ ея отъѣздъ. Ясно кажется сказала: „она или я“?

— А „сама“ что же?

— А „сама“ раскисла. Въ первый разъ, понимаете ли, нашу „Лидочку“ такой кисляйкой увидѣла. Сама красная,

какъ помидоръ, глаза бѣгаютъ какъ у мыши, а поетъ-то сладко, сладко: — Нѣтъ, поетъ, — я не допущу, чтобъ вы уѣхали. „Намъ“, поетъ, „нужны такія сильныя, здоровыя натуры. Такія трезвыя, какъ ваша“...

— Да она съ ума сошла! Аллахъ нашъ, Магдалиночка, тоже вѣдь въ ротъ вина не беретъ,—вынырнувъ откуда-то изъ-подъ руки сосѣдки, завизжала Зюнгейка, захлебываясь отъ негодованія. Всѣ невольно смѣются ея наивности. Ева мѣритъ дикарку уничтожающими взглядами.

— Боже, какъ глупа эта Карачъ, если думаетъ, что трезвой натурой называется только такая, которая не пьетъ вина! И, повернувшись всѣмъ корпусомъ къ дѣвочкѣ, она говоритъ, отчеканивая каждое слово и сопровождая слова свои взглядомъ презрительнаго сожалѣнія:—Лучше бы ты оставалась въ твоей степной деревнѣ, право, Зюнгейка, и выходила бы замужъ за какого-нибудь бритоголоваго малайку (мальчишка по-башкирски). А то привезли тебя сюда, учиться отдали въ пансіонъ, четыре года зубришь тутъ разныя науки, а ума у тебя ни на волосъ. Написала бы твоему отцу: возьмите, молъ, все равно толку не будетъ.

— Мой отецъ—важный господинъ,—произнесла, вздрагивая отъ охватившей ее тщеславной гордости, Зюнгейка,—у него четыре медали на груди: отъ прежняго царя двѣ, да двѣ отъ теперешняго. Онъ всѣми деревнями заправляетъ, во всемъ уѣздѣ стоитъ большимъ старшиною. И дочка его не можетъ быть неученая. Отецъ говорилъ, мать говорила, когда Зюнгейку отвозили сюда въ большую столицу: учись, Зюнгейка, умной будешь, ученой будешь. Большіе господа къ отцу пріѣзжать въ селеніе будутъ, ихъ принимать будешь. Генераловъ важныхъ со звѣздами на груди разговорами занимать станешь. Чаемъ поить,

кумысомъ... А ты меня оскорблять хочешь,—съ неожиданной обидчивостью заключила свою рѣчь дѣвочка.

— Никто тебя не обижаетъ, дурочка...

— Довольно, mesdames, не въ этомъ дѣло. До прекареній ли тутъ, когда идолище нашего ангела выкуриваетъ!—И Маня Струева, размахивая руками, ловко спрыгнула съ каѳедры въ самый центръ шумѣвшаго и волнующагося кружка. Оттуда вскочила однимъ прыжкомъ на парту.

— Mesdames, что же дѣлать? Что дѣлать, говорите! —послышались растерянные голоса.

— Провѣрить, убѣдиться сначала, что это не утка, что, дѣйствительно, Басланиха потребовала скорѣйшаго исчезновенія Магдалиночки и тогда—бойкотъ!—произнесъ чей-то убѣдительный голосъ.

— Бойкотировать Басланову! Выражать ей на каждомъ шагу свое презрѣніе,—подхватили другія.

— Я ей столъ чернилами оболью,—сорвалось съ губъ башкирки—отомщу за Аллаха моего, за алмазъ сердца—Магдалиночку. Или булавку воткну ей въ сидѣнье стула.

— Ну не глупая ли ты дѣвченка послѣ этого?—съ негодованіемъ вырвалось у Евы,—ну сдѣлаешь гадость Баслановой и сама въ три часа вылетишь изъ пансіона. И не придется тебѣ чаемъ и кумысомъ поить твоихъ генераловъ со звѣздами... Согласись сама, что глупо придумала ты все это, Зюнгейка,—закончила Ева, насмѣшливо поглядывая въ сконфуженное и растерянное лицо башкирки.

— А сама-то ты, Ларская, теперь не будешь итти противъ класса?—обратилась къ ней вызывающе Шура Августова.

— Пока что, я остаюсь при особомъ мнѣніи, mesdames; нужно еще убѣдиться въ достовѣрности факта. Да и потомъ,

я не вижу причины бойкотировать Ію Аркадьевну. Она, по моему, отчасти права. Магдалиночка—ангелъ, но ангелъ не лишенный чрезмѣрной сентиментальности и ужъ такой мягкосердечности, изъ-за которой всѣ вы распустились и стали совсѣмъ какъ уличные мальчишки.

— Что? Да какъ ты смѣешь? Сама-то хороша, пожалуйста, не важничай! Воображаешь, что изъ-за дяди-сановника всѣ твои дерзости будутъ сходить тебѣ съ рукъ. Сама въ трехъ учебныхъ заведеніяхъ побывала, прежде чѣмъ попала сюда. И смѣетъ еще сравнивать насъ съ уличными мальчишками! Выскочка, сановница, терпѣть не можемъ тебя,—зазвучали негодующіе голоса вокругъ Евы.

Послѣдняя, какъ ни въ чемъ ни бывало, сложила руки на груди и оглядывала толпившихся вокругъ нея разсерженныхъ дѣвочекъ спокойными насмѣшливыми глазами.

А дѣвочки волновались все больше и кричали все громче съ каждой минутой.

— Бойкотъ! Бойкотъ! Если то, что передала Шура—правда, будемъ бойкотировать идолище безчувственное, станемъ изводить ее на каждомъ шагу. Выражать ей свое презрѣніе, антипатію, ненависть. Пусть почувствуетъ, какъ дорога намъ была Магдалиночка наша, какъ мы всѣ любили нашего ангела! Да любили, любили, какъ никого.

Вдругъ неожиданно стихли крики. Одна Маня Струева, взобравшаяся съ ногами на парту, кричала еще что-то, повернувшись спиною къ двери.

— Шшш!—зашикали на нее подруги—Струева, слѣзай! Слѣзай скорѣе! Лидія Павловна!

Дѣйствительно, въ дверяхъ класса показалась миніатюрная фигурка начальницы. За нею была видна стройная фигура Іи.

— Струева, — строго обратилась Лидія Павловна къ расходившейся Манѣ,—Богъ знаетъ, что у васъ за манеры. Барышни не должны скакать по столамъ и кричать на всю улицу. Стыдитесь, что до сихъ поръ, несмотря ни на какія старанія съ нашей стороны, вы остались такимъ же отчаяннымъ мальчишкой-сорванцомъ, какимъ и поступили въ наше уважаемое всѣми учебное заведеніе. Да, Магдалина Осиповна была, дѣйствительно, черезъ мѣру добра къ вамъ. И нужно приложить много усилій, чтобы подтянуть вашу распущенность. О ней, именно, о нашей уважаемой наставницѣ я и пришла сообщить вамъ, дѣти. Здоровье Магдалины Осиповны такъ пошатнулось за послѣднее время, что обстоятельства вынудили ее внезапно собраться и уѣхать. Она просила передать вамъ свой прощальный привѣтъ, дѣти. Вы не увидите ее, по всей вѣроятности, вплоть до ея возвращенія изъ Крыма.

Дружное „ахъ“, вырвавшееся изъ устъ двадцати дѣвочекъ, легкимъ вздохомъ пронеслось по классу.

— Она уѣхала! Мы ее не увидимъ! Ее безсовѣстно удалили раньше установленнаго срока изъ пансіона!—вотъ какова была мысль, мелькнувшая въ каждой изъ присутствовавшихъ здѣсь юныхъ головокъ. И словно по мановенію волшебнаго жезла, глаза пансіонерокъ сразу обратились въ сторону Іи.

— Вотъ та, изъ-за которой принуждена была уѣхать внезапно эта милая, кроткая Магдалиночка!—пронеслось новою мыслью въ юныхъ головкахъ. И сколько явнаго, плохо скрытаго подъ маской корректности негодованія отразили всѣ эти свѣтлые и темные глазки!

Ія стойко выдержала недоброжелательные взгляды своихъ будущихъ воспитанницъ. Спокойно, безъ тѣни смущенія смотрѣли ея сѣрые строгіе глаза. И только,

когда кто-то громко зарыдалъ въ углу класса она, не торопясь прошла туда, склонилась надъ плачущей и своимъ ровнымъ спокойнымъ голосомъ негромко проговорила:

— Полно отчаиваться и горевать понапрасну... Если вы, дѣйствительно, любите вашу Магдалину Осиповну такъ сильно, какъ говорите, то вы должны только радоваться тому, что она нашла возможность уѣхать на югъ, для лѣченія.—И, обращаясь уже ко всему классу, добавила, повышая голосъ: — Приготовьте ваши тетради, дѣти, сейчасъ начнется письменная работа по русскому языку. Господинъ Вадимовъ уже пришелъ.

И какъ ни въ чемъ не бывало, она заняла свое мѣсто за маленькимъ столомъ у окна.

ГЛАВА VII.

Это былъ пестрый, богатый впечатлѣніями день. Уже въ то время, пока учитель русской словесности Алексѣй Федоровичъ Вадимовъ, высокій желчный старикъ, ярый поклонникъ классиковъ и гонитель всякихъ новшествъ въ литературѣ, задавалъ тему новаго класснаго сочиненія, и стоя у доски писалъ на ней мѣломъ планъ работы, Ія поймала нѣсколько обращенныхъ по ея адресу взглядовъ, полныхъ откровенной ненависти и вражды. Она сдѣлала видъ, что не обратила на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Но вотъ Вадимовъ написалъ планъ и приблизился къ ней.

— Познакомимтесь, барышня. Вы замѣстительница Магдалины Осиповны,—протягивая руку Іи и рѣзко встряхивая ее нервнымъ пожатіемъ, — произнесъ онъ отрывисто: — Что жъ, дѣло хорошее... Дѣло воспитанія, говорю, хорошее,—въ непонятномъ раздраженіи повторилъ онъ.—

Только жаль молоды вы очень, барышня... Не справиться вамъ, пожалуй, съ такой избалованной публикой.—Тутъ онъ небрежно кивнулъ черезъ плечо на пансіонерокъ...—Распустила ихъ ужъ очень предшественница ваша. Набаловала себѣ на голову. Подтягивать вамъ ихъ придется, барышня, что и говорить, сильно подтягивать... Ну, что жъ, подавай Богъ, подавай Богъ!

Онъ еще разъ пожалъ руку Іи и отошелъ было къ каѳедрѣ, но вдругъ неожиданно вернулся и, понижая голосъ чуть не до шопота,—спросилъ:

— А вы какъ на счетъ литературы новенькой, стряпни этой модернистовъ, импрессіонистовъ и тому подобныхъ „истовъ"—вы ихъ, поди, запоемъ читаете? А?

Ія подняла на учителя свои спокойные глаза.

— Да я читаю новыхъ авторовъ. Многіе изъ нихъ талантливы. Но лучше Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого, Лермонтова и Некрасова я не знаю никого!—безъ запинки отвѣчала она.

Желчное, нервное, всегда недовольное лицо старика прояснилось сразу. Губы, не перестававшія жевать по привычкѣ, улыбнулись, и все лицо Вадимова вдругъ подъ вліяніемъ этой улыбки стало моложе лѣтъ на десять, привѣтливѣе и добрѣе.

— Хвалю, барышню, хвалю!.. Русскихъ нашихъ апостоловъ литературы забывать грѣшно. Ихъ никто намъ не замѣнитъ, никакая новая литературная стряпня. Вы на меня взгляните: я—старикъ, а еще до сихъ поръ увлекаюсь...

Послѣдняя фраза, произнесенная нѣсколько громче предъидущихъ, заставила оторваться отъ работы двѣ близко помѣщавшіяся головки, пепельно-русую и темненькую.

Маня Струева взглянула на Шуру Августову. Шура

Августова на Маню Струеву. И по губамъ обѣихъ пробѣжали лукавыя улыбки.

— Я старикъ, а еще до сихъ поръ увлекаюсь! — прошептала со смѣхомъ Шура. — Это онъ „идолищемъ“ нашимъ увлекается. А? Каково?

— Ну вотъ еще, классиками, конечно!—тономъ, не допускающимъ возраженія, отвѣчала Маня.

— Нѣтъ, каковъ!.. Такъ и вьется вьюномъ вокругъ Басланихи. Вотъ такъ парочка! Непремѣнно изображу обоихъ въ ближайшую перемѣну.

— Пожалуй. Послушай, я забыла какъ слово „развѣ“ надо писать? Черезъ „е“ или „ѣ“?.. Скорѣе!

— Спроси Мордвинову, она—первая ученица, должна знать.

— Мордвинова... Мира... Мира... Какъ „развѣ“ писать?— зашептала, оборачиваясь Маня.

— Mademoiselle, Вы... Я не знаю, какъ ваша фамилія... Перестаньте шептаться... Пишите вашу работу...

И къ великому смущенію Мани Струевой, она увидѣла около своей парты высокую стройную фигуру Іи. Молодая наставница, точно изъ-подъ земли выросла передъ нею и смотрѣла на нее въ упоръ своими сѣрыми строгими глазами.

Метнувъ по ея адресу уничтожающій взглядъ, маленькая Струева снова принялась за работу, а Ія прошла дальше между двумя рядами классныхъ скамеекъ и партъ.

Послѣдняя парта привлекла ея вниманіе. За нею сидѣла красная, какъ піонъ, Зюнгейка Карачъ и безцѣльно водила перомъ по лежавшему передъ ней совсѣмъ чистому листу бумаги, приготовленному для сочиненія.

А сосѣдка башкирки, близорукая, въ очкахъ, Надя Копорьева быстро-быстро писала что-то на своемъ листкѣ,

при чемъ изъ-подъ слегка отогнувшагося угла выглядывалъ другой такой же листокъ. Въ глаза Іи невольно бросилась надпись, сдѣланная на поляхъ этого послѣдняго, крупными размашистыми каракульками: Зюнгейка Карачъ. Это значило, что второй листокъ для сочиненія принадлежалъ башкиркѣ, и что Надя Копорьева исполняла, помимо своей работы, еще и работу своей сосѣдки.

Рука Іи неожиданно для обѣихъ дѣвочекъ опустилась на злополучный листокъ.

— Простите... но, къ вамъ кажется случайно попало чужое сочиненіе,—произнесла она, спокойно глядя въ самые зрачки зардѣвшейся, какъ піонъ, Копорьевой.

— Аллахъ мой! все погибло!—прошептала сгоравшая отъ стыда и страха Зюнгейка и закрыла лицо руками.

— Сейчасъ нафискалитъ Вадимову. Тотъ разорется, побѣжитъ жаловаться „самой“. Узнаетъ папа, какой скандалъ!—вихремъ проносилось въ головѣ сконфуженной Нади. И она бросала украдкой смущенные взоры то на Ію, все еще стоявшую около ея парты, то на учителя, къ счастью, занявшагося въ эту минуту на каѳедрѣ класснымъ журналомъ.

— Итакъ, Карачъ, такъ кажется ваша фамилія?—произнесла Ія твердо, обращаясь къ совсѣмъ уничтоженной башкиркѣ,—вы возьмете случайно попавшую на парту вашей сосѣдки вашу работу и будете писать заданное господиномъ преподавателемъ сочиненіе уже безъ посторонней помощи.—И такъ какъ Зюнгейка, убитая смущеньемъ, все еще не рѣшалась сдѣлать этого, Ія вынула изъ-подъ руки Копорьевой листъ бумаги съ начатымъ на немъ сочиненіемъ и положила его на парту передъ башкиркой.

Всю остальную часть урока молодая дѣвушка уже не отходила отъ этой парты. Не отходила до тѣхъ поръ, по-

ка исписанный, закапанный въ нѣсколькихъ мѣстахъ кляксами листокъ Зюнгейки не перешелъ въ руки учителя. И только когда малиновая отъ стыда башкирка вернулась на свое мѣсто по водвореніи ею ея письменной работы на каѳедру, Ія отошла къ своему столу.

— Единицу получу, алмазъ мой, единицу, непремѣнно,—зашептала Зюнгейка, припадая къ уху своей сосѣдки Нади.

— Я тамъ такого разнаго написала, что самъ Аллахъ не пойметъ. А „она“ еще надъ душой повисла! Стоитъ и дышитъ въ затылокъ, стоитъ и дышитъ, и ни на шагъ не отходитъ отъ меня,—съ тоскою заключила, въ конецъ уничтоженная дѣвочка.

Дрогнулъ звонокъ въ коридорѣ. Дежурная по пансіону воспитанница распахнула классную дверь, и Вадимовъ, забравъ листки съ сочиненіями, угрюмо мотнувъ головою по адресу пансіонерокъ, пошелъ изъ класса. По дорогѣ онъ остановился передъ Іей и пожалъ ей руку.

— Сейчасъ пожалуется... Насплетничаетъ сію минуту...—волновалась бѣдняжка Зюнгейка. Но къ ея большому удивленію Ія молча попрощалась съ учителемъ, не раскрывая губъ.

Урокъ кончился, началась перемѣна. Открыли форточки въ классѣ, и весь пансіонъ высыпалъ частью въ рекреаціонную залу, частью въ коридоръ. Ія прошла вмѣстѣ со своимъ отдѣленіемъ туда же. Она не замѣтила, какъ двѣ дѣвочки, самыя отчаянныя шалуньи четвертаго класса, Струева и Августова прошмыгнули назадъ въ отдѣленіе, пользуясь общей суматохой маленькой перемѣны.

Когда, по прошествіи традиціонныхъ десяти минутъ, положенныхъ на эту перемѣну, Ія, въ сопровожденіи своихъ воспитанницъ, вошла снова въ классъ, яркая краска

румянца проступила на щекахъ молодой дѣвушки. И смущенно дрогнули ея черныя рѣсницы. Повернутая лицевой стороной къ двери и выдвинутая на середину комнаты классная доска, была испещрена крупнымъ рисункомъ, сдѣланнымъ мѣломъ по черному фону.

Рисунокъ имѣлъ характеръ карикатуры и довольно удачной карикатуры, какъ могла замѣтить это Ія. Карикатура изображала ее самое—Ію Аркадьевну Басланову въ подвѣнечномъ нарядѣ, съ длинною фатою, стоявшую у аналоя рука объ руку со старикомъ Вадимовымъ. А надъ ними какъ бы витали въ облакахъ довольно похожія лица писателей-классиковъ: Пушкина, Гоголя и Тургенева, простиравшихъ надъ брачущейся парой благословляющія руки. Нужно было отдать справедливость „художнику“, рисунокъ вышелъ на славу. Особенно вѣрно были схвачены общія черты и выраженіе лицъ Вадимова и Іи. Онъ—съ брезгливо оттопыренной нижней губой и недовольнымъ лицомъ, она—сосредоточенно-серьезная съ ея нѣсколько суровымъ личикомъ и плотно сомкнутыми губами. А внизу стояла въ ковычкахъ фраза: „Я хотя и старикъ, а еще до сихъ поръ увлекаюсь“...

Первое впечатлѣніе, навѣянное карикатурой на Ію, было впечатлѣніе негодованія и гнѣва.

— Какъ это глупо и жестоко,—мысленно произнесла дѣвушка,—такъ безсовѣстно смѣяться надъ старостью!—Она хотѣла громко произнести эти слова, но сдержалась.

Съ трудомъ подавляя въ себѣ охватившій ее порывъ возмущенія, Ія обвела взглядомъ толпившихся вокругъ доски воспитанницъ. Насмѣшливыя улыбки, лукаво поблескивавшіе шаловливыми огоньками глаза были ей отвѣтомъ на ея возмущенный взглядъ. Тогда, краснѣя еще больше, она заговорила, обращаясь къ дѣвочкамъ:

— Я не знаю автора этой возмутительной продѣлки, mesdames и могу только удивляться, какъ можно было высмѣивать такого почтеннаго человѣка, какъ вашъ преподаватель господинъ Вадимовъ. Еще больше удивляетъ меня то, что вы не могли, очевидно, понять долетѣвшую до васъ фразу Алексѣя Федоровича и приписали ей совсѣмъ исключительное значеніе. Да, онъ счастливъ этотъ почтенный человѣкъ, что можетъ увлекаться, какъ юноша, твореніями искусства и красоты, всѣми безсмертными памятниками нашей классической литературы. Я завидую ему, завидую тому, что онъ въ его семьдесятъ лѣтъ не потерялъ еще чуткости ко всему прекрасному, тогда какъ мы въ его годы, можетъ быть совсѣмъ отупѣемъ и забудемъ тѣхъ, на чьихъ прекрасныхъ образцахъ мы знакомились съ нашимъ классическимъ литературнымъ богатствомъ. И жаль, что вы не сумѣли оцѣнить свѣтлаго влеченія къ высшему изъ искусствъ этого почтеннаго старца...

Голосъ Іи дрогнулъ при послѣднихъ словахъ. Глаза ея уже не смотрѣли на воспитанницъ. Она взяла лежавшую тутъ же тряпку и хотѣла было стереть карикатуру съ доски. Но чье-то легкое прикосновеніе къ ея рукѣ удержало ее на минуту. Живо обернулась Ія. За ея плечами стояла Лидія Павловна, и смущенно глядѣли испуганныя лица пансіонерокъ.

— Чей это рисунокъ?—безъ всякихъ предисловій обратилась къ воспитанницамъ неслышно вошедшая въ классъ начальница.

И такъ какъ всѣ молчали, она однимъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ окинула отдѣленіе.

— Августова! я узнаю васъ въ этой новой гадкой продѣлкѣ. И вамъ не стыдно?—обратилась она спокойнымъ тономъ, не повышая голоса, къ замѣтно поблѣднѣвшей

Шурѣ, сопровождая свои слова испытующимъ взглядомъ своихъ, насквозь пронизывающихъ глазъ.

Лицо Шуры Августовой изъ блѣднаго стало мгновенно малиновымъ. Съ растерянной улыбкой она выступила впередъ. Эта улыбка окончательно погубила дѣло.

— Какъ, вы еще смѣетесь? Какая глубокая испорченность натуры!—произнесла возмущеннымъ тономъ госпожа Кубанская, теряя измѣнившее ей на этотъ разъ ея обычное олимпійское спокойствіе.—Какая испорченная дѣвочка! —повторила еще разъ Лидія Павловна — вы неисправимы Августова! Вы сумѣли профанировать даже дарованный вамъ Богомъ талантъ!

Желтое, болѣзненное лицо начальницы брезгливо сморщилось.

— Слѣдовало бы исключить васъ за такого рода художество, Августова, но...принимая во вниманіе горе вашей матушки, я ограничусь на первый разъ оставленіемъ васъ безъ отпуска вплоть до самыхъ рождественскихъ каникулъ! Но, все же, я требую, чтобы вы принесли извиненія уважаемой Іи Аркадьевнѣ. Слышите, Августова? И сейчасъ же стереть возмутительный рисунокъ съ доски..

Тутъ Лидія Павловна, унизанной кольцами рукою, указала на все еще красовавшуюся на доскѣ карикатуру.

Но къ удивленію всѣхъ, Шура не двинулась съ мѣста. Ея лицо приняло упрямое, замкнутое выраженіе. А синіе глаза взглядомъ затравленнаго звѣрка глянули исподлобья.

— Проси прощенья, проси прощенья, Августова, — шептали дружнымъ хоромъ толпившіяся вокругъ нея дѣвочки.

Но Шура молчала и попрежнему не двинулась съ мѣста. Только блѣднѣе становилось ея лицо, да тѣснѣе сжимались губы.

— Если вы не попросите тотчасъ же извиненія въ вашей гадкой, недостойной шуткѣ передъ Іей Аркадьевной, мнѣ придется измѣнить мое первоначальное рѣшеніе,— возвысила снова свой обычно спокойный голосъ Лидія Павловна—и вашей бѣдной матушкѣ придется...

— Шура не виновата. Это я виновата. Я научила ее нарисовать карикатуру на Ію Аркадьевну и господина Вадимова,—пробираясь сквозь тѣсно сомкнутый рядъ пансіонерокъ, дрожащимъ голоскомъ произнесла маленькая съ пепельными, пышными волосами пансіонерка—и дрожащая нервной дрожью съ головы до ногъ Маня Струева предстала передъ лицомъ начальницы.

Голубые глаза шалуньи Струевой теперь безстрашно смотрѣли въ лицо Лидіи Павловнѣ, въ то время какъ пухлыя малиновыя губки улыбались виноватой растерянной улыбкой.

Легкая усмѣшка повела тонкія губы начальницы.

— Товарищеская поддержка—это очень трогательно,— произнесла нѣсколько насмѣшливо госпожа Кубанская,— но мнѣ было бы много пріятнѣе, дѣти, если бы вы поддерживали другъ друга не въ шалостяхъ и проказахъ, а въ совмѣстныхъ занятіяхъ, въ приготовленіи уроковъ и въ болѣе достойныхъ дѣлахъ, нежели изображеніе въ карикатурахъ вашихъ наставниковъ. Однако, сдѣланнаго не вернуть. Его можно только исправить. А какъ исправить, вы знаете это сами. И я не буду вамъ въ этомъ мѣшать, надѣюсь, вы поняли меня?—значительно и вѣско заключила Лидія Павловна и, повернувшись, пошла изъ класса.

— Простите меня, m-lle Басланова! — услышала въ тотъ же мигъ Ія — и порозовѣвшее отъ смущенія лицо Струевой взглянуло на нее своими чистыми, голубыми гла-

зенками. Симпатичное открытое личико шалуньи Мани еще при первомъ же взглядѣ, брошенномъ на него, чрезвычайно понравилось Іи. А ея красивый, благородный поступокъ окончательно привлекъ молодую дѣвушку на сторону этого милаго, хотя и безъ удержу шаловливаго ребенка.

И много стоило усилій Іи, чтобы не броситься къ маленькой Струевой и не расцѣловать это алѣвшее отъ смущенія личико.

Но она ограничилась лишь тѣмъ, что протянула руку и крѣпко сжимая тонкіе пальчики, проговорила ласково:

— Я надѣюсь, вы повѣрите мнѣ, если я скажу, что не сержусь на васъ нисколько.

— О, да, m-elle,—искренне вырвалось изъ дѣтскаго ротика, и голубые глаза, помимо воли ихъ обладательницы, обласкали Ію.

— А я не извиняюсь,—вдругъ неожиданно проговорила рѣзкимъ голосомъ Шура, впиваясь въ лицо Іи непріязненнымъ взглядомъ.

— Я не извиняюсь!—еще разъ вызывающе и рѣзко повторила она.

— Это уже дѣло вашей совѣсти,—нашлась отвѣтить ей послѣ недолгаго колебанія Ія, въ то время какъ, возмущенныя чрезмѣрной дерзостью Шуры, ея подруги зашептали, дергая послѣднюю со всѣхъ сторонъ за передникъ.

— Августова! Съ ума ты сошла, что ли! Это уже слишкомъ, однако! И тебѣ не стыдно, Августова?!

— Во всякомъ случаѣ,—продолжала, повысивъ голосъ, Ія,—если вы даже и не извиняетесь передо мною, какъ это приказала вамъ Лидія Павловна,—я передамъ начальницѣ, что вы уже просили у меня прощенья. Мнѣ жаль

вашу мать, Шура, вѣдь васъ такъ зовутъ, неправда ли? Подумайте, что будетъ съ нею, если васъ исключатъ?

Болѣзненная гримаса пробѣжала по сильно поблѣднѣвшему лицу Августовой. Сердце сильно забилось въ груди синеглазой дѣвочки. Первымъ движеніемъ ея было кинуться впередъ навстрѣчу протянутой рукѣ новой наставницы. Но какая-то злая, упрямая сила удержала этотъ добрый порывъ. И губы Шуры сомкнулись еще упрямѣе.

Еще сердитѣе глянули исподлобья синіе дерзкіе глаза на Ію и, хмуря черные шнурочки бровей, она произнесла, угрюмо глядя на Басланову:

— Пускай исключатъ меня, если это имъ нравится. Никому нѣтъ дѣла до моей матери. А просить прощенія ни за что не буду. Вы слышали? Ни за что! Такъ и скажите Лидіи Павловнѣ. И не нуждаюсь я ни въ чьемъ заступничествѣ. Рѣшительно ни въ чьемъ!

Она хотѣла прибавить еще что-то, но въ этотъ мигъ въ отдѣленіе четвертаго класса вошелъ Herr Löwe, учитель нѣмецкаго языка, маленькій, румяный, жизнерадостный человѣчекъ, и начался нѣмецкій урокъ.

ГЛАВА VIII.

Веселый, улыбающійся, съ быстрой рѣчью и круглыми щеками, похожими своимъ цвѣтомъ на два румяныя яблока, Herr Löwe производилъ на окружающихъ самое отрадное впечатлѣніе.

Начать съ того, что онъ никогда не ставилъ ученицамъ дурныхъ отмѣтокъ.

Вызоветъ дѣвочку, провѣритъ заданный урокъ,—отвѣчаетъ ему воспитанница изъ рукъ вонъ плохо, а послѣ

урока, глядишь, противъ фамиліи отвѣчавшей красуется вмѣсто пресловутой единицы, семь съ минусомъ, низшая отмѣтка, которую можно было получить у учителя нѣмецкаго языка. И ужъ если воспитанница совсѣмъ ни въ зубъ толкнуть, какъ говорится, по части знанія урока, вовсе рта не раскроетъ на всѣ вопросы учителя, то и тогда Herr Löwe, ограничивается однимъ только nota bene, обѣщая переспросить провинившуюся дѣвочку въ слѣдующій разъ.

Зато уроки нѣмца проходили весело и интересно. Этотъ румяный маленькій человѣчекъ, похожій больше на какого-нибудь нѣмецкаго фермера, нежели на учителя, имѣлъ къ тому же пріятную склонность къ декламированію стиховъ. И нужно сознаться, декламировалъ онъ ихъ въ совершенствѣ. При этомъ, его румяное лицо улыбалось и сіяло, а маленькіе голубые глазки принимали самое сентиментальное выраженіе.

При видѣ Іи, Herr Löwe очень изумился.

— Какъ фрейлейнъ Вершинина уже уѣхаль? О какъ шаль! какъ шаль!—закачалъ онъ своей круглой какъ шаръ съ большой лысиной головою. И, какъ бы спохватившись, что это нелюбезно по адресу новой классной наставницы, Herr Löwe тотчасъ же предупредительно обратился къ ней съ самой любезной улыбкой:

— Но ви тоше, фрейлейнъ, будетъ дофольны своими дѣтками. Дѣтки будутъ любить васъ, какъ и вашъ предшественницъ!—залепеталъ онъ, кивая головою и сіяя голубыми глазками.

Увы! Ія предчувствовала нѣчто обратное тому, что говорилъ учитель, но должна была отвѣтить добряку-нѣмцу нѣсколькими любезными словами.

Пару насмѣшливыхъ улыбокъ успѣла она все-таки

перехватить по своему адресу, въ то время, какъ учитель выражалъ увѣренность, что „милыя дѣтки будутъ любить ее не менѣе Магдалины Осиповны“.

О, эти милыя дѣтки!

Сердце Іи сжималось теперь самыми злѣйшими предчувствіями. Ея служба здѣсь только начиналась, а уже первыя впечатлѣнія, пережитыя ею, были исполнены всевозможной горечи и непріятностей.

За утренними уроками слѣдовалъ завтракъ. Затѣмъ, воспитанницы шли на общую прогулку. Онѣ гуляли попарно или по нѣскольку человѣкъ, взявшись за руки, по большому, похожему на паркъ, саду, густо разросшемуся дубами, липами и кленами, и окружавшему съ трехъ сторонъ зданіе пансіона.

Посреди этого сада находился прудъ. Вода въ немъ подернулась зеленью, похожею на плѣсень. Ева Ларская, взявшая на себя роль проводника новой наставницы во время прогулки по большому саду и не отходившая отъ Іи во все время этой прогулки, перехватила взглядъ послѣдней, устремленный на зеленоватую поверхность маленькаго озерка.

— Вы не смотрите на то, что онъ такой крошечный этотъ прудъ и похожъ на лужу,—говорила Іи блѣдная худенькая дѣвочка съ голубыми жилками на вискахъ,—здѣсь есть опасный омутъ. Изъ-за него-то Лидія Павловна и запрещаетъ намъ близко подходить къ пруду съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ утонула одна пансіонерка. А зимою здѣсь устраивается катокъ, и мы катаемся на конькахъ вмѣсто прогулокъ во время большой перемѣны послѣ завтрака.

— Утонула пансіонерка?—сорвалось тревожно изъ устъ Іи.—Утонула здѣсь? Въ этой лужѣ?—переспросила удивленно молодая дѣвушка.

— Но я же говорю вамъ, что въ этой горсточкѣ воды находится глубокій омутъ, m-elle Басланова, а Анна Левина въ началѣ мая вздумала купаться въ одинъ изъ жаркихъ весеннихъ дней, пока въ саду никого не было. И ее затянуло въ этотъ ужасный омутъ. Черезъ два часа догадались только, гдѣ она, и нащупали баграми ея уже закоченѣвшее въ водѣ тѣло. Впрочемъ, это было еще до моего поступленія сюда. Я еще училась тогда въ казенной гимназіи. Но Надя Копорьева, вы знаете Надю, дочь нашего инспектора классовъ, вотъ, высокую дѣвочку въ очкахъ, она мнѣ разсказывала о бѣдной погибшей Аннѣ.

И безо всякой уже послѣдовательности Ева закончила свою рѣчь вопросомъ:—А знаете, Ія Аркадьевна, что наши дѣвочки ненавидятъ васъ?

— За что?—не могла не улыбнуться Ія.

— За то только, вообразите, что онѣ слишкомъ любили Магдалину Осиповну. Я одна ее не очень-то долюбливала, представьте.

— Почему же?

— Да потому, что она была черезчуръ мягкая, слабая и позволяла садиться себѣ на шею. При ней мы всѣ дѣлали, что намъ вздумается. Она никогда не повышала голоса, не сердилась. За это онѣ ее любили. Но и былъ нашъ классъ вслѣдствіе этой ея безхарактерности на самомъ дурномъ счету. Каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, и учились мы всѣ, надо сказать правду, отвратительно. Конечно, дѣвочки встрѣтили васъ „на рогатину“, потому только, что почувствовали надъ собою силу. И любить васъ онѣ все-таки не будутъ ни за что...

— Мнѣ и не надо ихъ любви,—спокойно проговорила Ія,—я требую отъ нихъ не чувства ко мнѣ, а сознанія

А.Вестфалент 14

долга къ исполненію наложенныхъ на нихъ школой обязанностей.

— Ахъ, какъ вы хорошо это сказали, m-elle!—вырвалось непроизвольно у Евы, и изъ-за болѣзненныхъ чертъ ея старообразнаго лица выглянули черты и улыбка милаго непосредственнаго ребенка.

Іи неожиданно захотѣлось приласкать этого ребенка. Но, вѣрная себѣ, она сдержалась.

— А меня именно и привлекаетъ къ вамъ эта ваша сила, — помолчавъ немного, снова заговорила задушевно Ева,—вы подумайте только, Ія Аркадьевна, какъ хорошо, представлять изъ себя единицу, личность, съ мнѣніемъ которой люди считаются, кого они уважаютъ даже помимо ихъ собственнаго желанія.

Вѣдь если бы меня держали строже, если бы я видѣла вокругъ себя людей съ сильнымъ характеромъ и твердою волей, развѣ мнѣ пришло бы въ голову вести себя такъ, какъ я вела себя въ тѣхъ прежнихъ учебныхъ заведеніяхъ, и за что меня исключали уже два раза. А то, мама въ виду моей болѣзненности позволяла мнѣ дѣлать все, что мнѣ вздумается: и не учить уроковъ, и не посѣщать классовъ. Мнѣ безнаказанно спускались всѣ тѣ дерзости, которыя я позволяла себѣ по отношенію къ старшимъ, и Магдалина Осиповна, ужъ конечно, не имѣла никакого вліянія на меня. Она была такая обыкновенная, маленькая... А вы...

Ева Ларская не договорила. Восторженно - радостный крикъ пронесся въ эту минуту по саду. И воспитанницы заметались по его безконечнымъ дорожкамъ и тропинкамъ, устремляясь въ ту сторону, откуда слышался этотъ призывный радостный крикъ.

Ія, въ сопровожденіи не отстававшей отъ нея ни на

шагъ Евы, поспѣшила туда же. На крыльцѣ зданія, выходящемъ широкими каменными ступенями въ садъ, стояла Зюнгейка Карачъ, вся красная отъ радостнаго волненія, и размахивала небольшимъ бѣлымъ конвертикомъ, который держала высоко надъ головою.

— Отъ Магдалиночки! Магдалиночки, звѣздочки нашей, солнышка нашего! Ангела нашего—кричала, то и дѣло сопровождая слова свои непріятными, рѣжущими ухо взвизгиваніями, Зюнгейка.—Сюда ко мнѣ идите! Слушайте, что пишетъ намъ наша чудная Магдалиночка!

Привлеченный этими криками, весь пансіонъ въ нѣсколько секундъ собрался у крыльца вокругъ находившейся здѣсь Зюнгейки, и десятки рукъ протянулись къ башкиркѣ.

— Читай письмо, читай же скорѣе, Карачъ!—нетерпѣливо звучали молодые голоса.

— Mesdames! Не смѣйте вырывать письмо, а то не узнаете ни строчки! Оно мнѣ написано, мнѣ и принадлежитъ!—сверкая глазами, вопила башкирка въ отвѣтъ на всѣ поползновенія ея одноклассницъ завладѣть письмомъ.

Это письмо было прислано только что Магдалиной Осиповной съ посланнымъ изъ дома ея матери, куда больная наставница переѣхала на время изъ пансіона.

„Милыя мои дѣточки! Не удалось мнѣ, какъ слѣдуетъ проститься съ вами,—стояло въ письмѣ.—Судьбѣ было угодно лишить меня и этой послѣдней радости. Богъ знаетъ, увижу ли я васъ еще когда-нибудь, а, между тѣмъ, обстоятельства сложились такъ, что я не могла даже прижать васъ въ послѣдній разъ къ моему любящему сердцу и расцѣловать ваши безконечно дорогія мнѣ мордочки, которыя неотступно стоятъ все время передо мною“...

Всѣ послѣдующія строки письма были написаны въ томъ же духѣ.

Ни однимъ словомъ не упоминалось въ немъ о Іи, но она фигурировала въ письмѣ безъ названія, то подъ видомъ обстоятельствъ, то подъ личиной судьбы.

Когда блѣдныя отъ волненія пансіонерки познакомились съ содержаніемъ письма, такого нѣжнаго и ласковаго, но таившаго, можетъ быть, помимо воли писавшей его, ядъ обвиненія противъ Іи, всѣ головы повернулись къ этой послѣдней. Снова заблестѣли угрозой и недоброжелательствомъ юные глаза пансіонерокъ, но молодая дѣвушка, стараясь не замѣчать этихъ недоброжелательныхъ взглядовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, позвала дѣтей въ классъ...

Слѣдующій урокъ былъ урокомъ исторіи.

Еще молодой, недавно сошедшій съ университетской скамьи, учитель, Петръ Петровичъ Гирсовъ, умѣвшій захватить красочной рѣчью свою юную аудиторію, образно и красиво разсказывалъ воспитанницамъ о значеніи искусствъ въ общественной жизни древнихъ грековъ.

Но мало кто слушалъ его сегодня. Воспитанницы все еще находились подъ вліяніемъ полученнаго письма. Постоянное шуршанье и легкій шорохъ на послѣднихъ скамьяхъ привлекъ вниманіе Іи. Она прошла по классу и замѣтила нѣчто, совершенно не согласовавшееся съ урокомъ древней исторіи, происходившее сейчасъ у нея въ отдѣленіи. И причиною этому было все то же злополучное письмо.

Каждой изъ воспитанницъ хотѣлось пріобрѣсти на память хотя бы копію его. Нечего и говорить, что оригиналомъ деспотично завладѣла Зюнгейка, на имя которой оно и было прислано. И вотъ, одна за другою, дѣвочки переписывали его въ свои записныя книжки на память.

— Mesdemoiselles! Не время и не мѣсто заниматься постороннимъ дѣломъ на урокѣ,—произнесла Ія, неожи-

данно появляясь передъ партой Мани Струевой, переписывавшей въ эту минуту послѣднюю страницу письма. Ія взяла злополучный документъ и унесла его на свой столикъ.

Едва закончился урокъ исторіи, какъ передъ нею словно изъ-подъ земли выросла красная, пылающая злобой Зюнгейка.

— Нельзя брать чужое. Надо отдавать чужое. Такъ законъ училъ. Такъ Аллахъ велѣлъ,—нервно жестикулируя, чуть ли не у самаго лица Іи, выходила изъ себя башкирка, наступая на молодую дѣвушку.

Съ блѣднымъ лицомъ и спокойной улыбкой Ія взяла ее за обѣ руки и нѣсколько секундъ продержала эти смуглые, отчаянно рвавшіеся у нея въ рукахъ, пальцы въ своихъ.

— Такъ не разговариваютъ со старшими, Карачъ,—произнесла она твердо и спокойно.

— А старшіе не должны показывать дурного примѣра младшимъ. Если бы мы взяли у васъ чужое письмо, что бы вы сказали на это?—и Шура Августова, очутившись подлѣ Зюнгейки, дерзко уставилась обычнымъ своимъ вызывающимъ взглядомъ въ лицо Іи.

Молодая наставница смѣрила ее глазами съ головы до ногъ.

— Это письмо останется у васъ. Его никто не возьметъ. Но, пока идутъ уроки я не могу разрѣшить вамъ переписывать его,—послышался сдержанный отвѣтъ Іи.

— А вы его не прочтете?

Синіе дерзкіе глаза снова блеснули явной насмѣшкой по адресу Іи. Какъ подъ ударомъ хлыста, вздрогнула молодая дѣвушка. Эти слова жестоко оскорбили ее. Но и тутъ, стараясь совладать съ охватившимъ ее волненіемъ, она съ ледянымъ спокойствіемъ отвѣчала Шурѣ:

— Я не имѣю привычки читать чужихъ писемъ, за-

помните это разъ навсегда, Августова, и по окончаніи уроковъ, повторяю еще разъ, вы получите ваше письмо обратно.

— Безсовѣстная! — крикнула Ева Ларская, выбѣгая впередъ...—Какъ ты смѣешь оскорблять Ію Аркадьевну? Вѣдь если бы Лидія Павловна узнала все... то... то...

Ева не могла договорить. Она дрожала, какъ листъ. Дѣвочка была очень нервна отъ природы, и часто малѣйшее волненіе у нея заканчивалось обморокомъ.

Маня Струева, зная это и уступая влеченію своего добраго сердечка, бросилась къ Евѣ.

— Не ссорьтесь, дѣти мои, ради Бога... Шурочка, Ева! Что это въ самомъ дѣлѣ, право!

— Пусть отдастъ письмо... Аллаха нашего... Магдалиночки нашей!—твердила, между тѣмъ, въ полномъ забвеніи чувствъ Зюнгейка.

Шумъ и волненіе росли съ каждой минутой. За этимъ шумомъ не было слышно приближенія учителя, и только когда преподаватель математики, добродушнѣйшій толстякъ со странной фамиліей, Полдень, вошелъ на каѳедру, и послалъ оттуда свое обычное: „здравствуйте, дѣвицы“, пансіонерки, какъ вспуганная стая птицъ, разлетѣлись по своимъ мѣстамъ.

Урокъ математики, къ счастью, сошелъ благополучно. Но зато обѣдъ принесъ Іи новыя, непредвидѣнныя волненія.

— Mesdames, во имя Магдалины Осиповны и въ память ея я объявляю голодовку!—произнесла Зюнгейка Карачъ, рѣшительнымъ жестомъ отодвигая отъ себя за столомъ тарелку съ супомъ.

— Кто любитъ алмазъ нашъ, Магдалиночку, тотъ не прикоснется ни къ супу, ни къ жаркому день, другой, третій!.. Цѣлую недѣлю, если это возможно. Словомъ, до тѣхъ

поръ, пока не станутъ отъ голода подкашиваться ноги и не закружится голова, — объявила она своимъ громкимъ шопотомъ, отчаянно жестикулируя по привычкѣ.

— Удивительно остроумное рѣшеніе нечего и говорить! Пошлость достойная ея творца,—заговорила возмущеннымъ тономъ Ева Ларская,—и глупѣе глупаго будетъ, mesdames, если вы послѣдуете примѣру этой дикой дѣвчонки.

— Отчего же не послѣдовать? Надо же хотя чѣмъ-нибудь отмѣтить уходъ Магдалиночки, разъ ее такъ безсовѣстно выкурили отъ насъ—такъ громко проговорила Августова, что сидѣвшая за этимъ же столомъ вмѣстѣ съ пансіонерками Ія услышала ея слова. Но она сдѣлала видъ, что не слыхала Августовой. Между тѣмъ, къ „объявившей голодовку“ башкиркѣ и послѣдовавшей ея примѣру Шурѣ примкнуло еще нѣсколько человѣкъ. Маня Струева хотѣла, было, избавиться отъ непріятной обязанности итти по стопамъ „голодающихъ“, но Шура такъ строго взглянула на бѣдняжку, что той оставалось только отодвинуть отъ себя приборъ и, вооружившись терпѣніемъ, смотрѣть, глотая слюни, какъ съ аппетитомъ уничтожались сидѣвшими за столомъ болѣе благоразумными воспитанницами бараньи котлеты съ горошкомъ и куски песочнаго торта, поданнаго на третье блюдо.

А вечеромъ, когда пансіонерки пришли послѣ чая и молитвы въ дортуаръ, у нихъ произошло новое столкновеніе съ Іей. Ровно въ десять часовъ Ія вышла изъ-за ширмъ и громко объявила во всеуслышаніе:

— Mesdemoiselles! Тушите свѣчи и бросайте ваши занятія. Я гашу электричество, пора спать.

Поднялись „ахи“ и „охи“, громкій ропотъ неудовольствія и негодованія.

— Какъ такъ? Вѣдь еще десять часовъ только! Дѣтскій

часъ. При Магдалиночкѣ мы сидѣли со своими „собственными свѣчами“ до двѣнадцати! — послышались со всѣхъ сторонъ протестующіе голоса.

Стараясь владѣть собою и не выходя изъ обычнаго спокойствія, Ія отвѣчала:

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что было при моей предшественницѣ. У меня есть свои собственныя правила, соблюденія которыхъ я буду требовать отъ васъ. Во всякомъ случаѣ, разъ вы встаете въ половинѣ восьмого утра, вы должны засыпать до двѣнадцати ночи, чтобы имѣть свѣжую голову и бодрое настроеніе на слѣдующій день.

— Ага! Вотъ оно что! И тутъ притѣсненіе! Ну — хорошо же! — прозвучалъ чей-то шопотомъ произнесенный многозначительный отвѣтъ.

И въ тотъ же мигъ потухло электричество. Въ абсолютной темнотѣ, натыкаясь на табуретки, попадавшіяся ей по пути, Ія съ трудомъ добралась до своего уголка за ширмами.

Когда она подходила къ крайней постели, до слуха молодой дѣвушки долетѣлъ тихій, дробный, явственный стукъ, повторенный нѣсколько разъ.

Было слишкомъ очевидно, что кто-то изъ воспитанницъ отстукивалъ косточками пальцевъ по доскѣ ночного шкапика. Ія остановилась.

— Кто это стучитъ?—крикнула она громкимъ голосомъ въ темноту...

— Должно быть, мыши!—со сдержаннымъ фырканьемъ отвѣчалъ смѣющійся голосъ.

Тогда, не спѣша, Ія повернула назадъ. Стукъ повторился уже въ другомъ мѣстѣ, рядомъ, около сосѣдней кровати.

— Тукъ! Тукъ! Тукъ!

Теперь уже стучали подлѣ каждой постели, съ которой равнялась въ тотъ моментъ ея высокая, слабо намѣченная луннымъ свѣтомъ, фигура.

— Тише, mesdemoiselles, прошу не шалить—сдержанно уговаривала расходившихся воспитанницъ молодая дѣвушка.

И, словно въ отвѣтъ на эти слова, стукъ участился. По мѣрѣ медленнаго путешествія Іи по длинному темному дортуару, онъ разрастался съ каждой минутой. Мимо чьей бы постели ни проходила дѣвушка, при сдержанномъ хихиканьи неслось оттуда четкое и раздѣльное постукиванье пальцевъ о доски ночныхъ шкапиковъ.

Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, Ія остановилась посреди комнаты.

— Будетъ ли конецъ вашимъ шалостямъ, mesdemoiselles? — произнесла она дрогнувшимъ голосомъ. И въ тотъ же мигъ дружное въ нѣсколько рукъ массовое выстукиваніе наполнило своимъ нуднымъ, непріятнымъ шумомъ дортуаръ.

Теперь стучали долго и оглушительно громко.

Ія стояла, растерянная и смущенная, едва ли не въ первый разъ въ жизни.

Останавливать дѣвочекъ она не рѣшалась. Да это было бы сейчасъ безполезно; чтобы не дать понять своего раздраженія, она спокойно направилась дальше. Массовое постукиванье прекратилось, но зато прежнее единичное преслѣдовало ее настойчиво и неумолчно.

И вотъ, покрывая соннымъ голосомъ весь этотъ шумъ, Ева Ларская закричала громко:

— Что за безобразіе, спать не даютъ!—Свинство, mesdames! Нашли тоже время, когда сводить счеты!

Но никто не обратилъ вниманія на эти слова.

Дѣвочки продолжали стучать. Стучали еще и тогда, когда совершенно измученная этимъ стукомъ Ія прошла въ свой уголокъ за ширмою и, заткнувъ уши пальцами, повалилась ничкомъ, обезсиленная, на кровать . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Нѣтъ, нѣтъ, я не останусь у васъ! Не могу остаться!— говорила на другой же день Ія, сидя противъ Лидіи Павловны, въ рабочемъ кабинетѣ послѣдней.—Я не изъ тѣхъ, которыя жалуются на каждую мелочь, придираются по пустякамъ, сводятъ мелкіе счеты. Но и изводить себя такимъ обращеніемъ я тоже не позволю. Не по моей винѣ заболѣла любимая пансіонерками ихъ прежняя наставница, и мнѣ пришлось заступить ея мѣсто. И меня крайне тревожитъ эта явная вражда, которую, ни за что, ни про что, проявляютъ дѣти,—взволнованнымъ голосомъ заключила свою рѣчь молодая дѣвушка.

Лидія Павловна замѣтно встревожилась. По ея всегда сдержанному лицу пробѣжало выраженіе безпокойства.

— Дитя мое,—проговорила она, притрогиваясь унизанной кольцами рукою руки Ія,—вы напрасно такъ волнуетесь. Вы—такая умница, такая тактичная съ этой врожденной способностью обходиться съ дѣтьми! Я кое-что успѣла подмѣтить въ васъ, Ія Аркадьевна. То именно, что такъ цѣнно въ воспитательницѣ—врожденный тактъ и умѣнье владѣть собою. И наставницы, обладающія такими драгоцѣнными качествами, намъ крайне желательны. Я не отпущу васъ ни за что. Скажите, эта невозможная Августова извинилась передъ вами? Если нѣтъ, то я уволю ее тотчасъ же безо всякихъ разговоровъ.

Ія вспыхнула, какъ зарево при послѣднихъ словахъ начальницы. Она знала, что судьба этой „невозможной“

Августовой теперь зависѣла только отъ нея. По одному ея слову госпожа Кубанская исключитъ изъ пансіона Шуру или же оставитъ ее здѣсь.

И не привыкшая лгать, опуская свои строгіе, правдивые глаза подъ упорнымъ, настойчивымъ взглядомъ начальницы, Ія, рѣшивъ во чтобы то ни стало отстоять Августову,—проговорила:

— Да извиненіе мнѣ было принесено.

Это была чуть ли не первая ложь, сказанная дѣвушкой. Но эта ложь спасла Шуру. Отвѣтъ молодой дѣвушки, казалось, вполнѣ удовлетворилъ начальницу. По ея холодному сдержанному лицу пробѣжала тѣнь подобія улыбки.

— Ну, вотъ и отлично,—повѣривъ словамъ своей собесѣдницы, проговорила Лидія Павловна,—вотъ и отлично! Теперь вы должны непремѣнно остаться помогать мнѣ въ трудномъ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Нѣтъ, нѣтъ, не отнѣкивайтесь, не покачивайте вашей благоразумной головкой... Въ силу долга, изъ одного человѣколюбія вы должны остаться у насъ, должны помочь мнѣ исправить то невольно причиненное Магдалиной Осиповной зло, которое посѣяла ея чрезвычайная мягкость къ дѣтямъ...

— Но...

— Безъ но, моя дорогая... Помогите мнѣ, я же помогу вамъ. Я кое-что уже для васъ сдѣлала, и васъ, милая Ія Аркадьевна, ждетъ въ недалекомъ будущемъ очень пріятный сюрпризъ. Не думайте, что я хочу подкупить васъ этимъ. Вы, насколько я успѣла замѣтить за этотъ короткій срокъ нашего знакомства съ вами,—неподкупны, и я болѣе чѣмъ увѣрена, безо всякихъ новыхъ просьбъ съ моей стороны останетесь тамъ, гдѣ принесете такую существенную пользу людямъ.

И, быстро поднявшись со своего мѣста, Лидія Павловна,

протянула Іи руку, какъ бы давая ей понять этимъ, что ихъ дѣловое свиданіе кончено.

Смущенная неясными намеками о какомъ-то сюрпризѣ, молодая дѣвушка прошла къ себѣ. Очевидно, сами обстоятельства складывались такъ, что ей необходимо было остаться и тянуть лямку наставницы, въ которую запрягла ее судьба.

ГЛАВА IX.

Суббота. Ясный сентябрьскій полдень бабьяго лѣта стоитъ надъ большимъ городомъ. Грѣетъ послѣднимъ лѣтнимъ тепломъ солнце. Золотятся желтые листья деревьевъ. Рдѣетъ алая спѣлая рябина въ саду.

Въ субботу пансіонерокъ распускаютъ по домамъ до двѣнадцати часовъ, и къ завтраку весь пансіонъ замѣтно пустѣетъ. Не уходитъ только нѣсколько человѣкъ, оставленныхъ безъ отпуска. Шура Августова и Маня Струева находятся въ числѣ послѣднихъ. Іи удалось уговорить Лидію Павловну значительно сократить срокъ наказанія, назначеннаго дѣвочкамъ, но тѣмъ не менѣе, три воскресенья подъ рядъ онѣ должны отсидѣть безъ отпуска въ пансіонѣ.

Съ наказанными остается дежурная классная дама младшаго отдѣленія, и Ія свободна отъ своихъ обязанностей на два дня. Цѣлыхъ два дня отдыха! Какое счастье! она можетъ принадлежать себѣ вполнѣ, можетъ почитать на досугѣ, написать письма домой. Ей такъ хочется побесѣдовать съ ея дорогой старушкой! Вѣдь, теперь ея мать совсѣмъ одинока! Катя уѣхала въ С. учиться. „Яблоньки“ опустѣли... Что то подѣлываетъ тамъ одна ея бѣдная старушка?..

Глаза Іи заволакиваются слезами. Но губы улыбаются безсознательной улыбкой. И такъ необычайна эта милая безпомощная совсѣмъ дѣтская улыбка на ея замкнутомъ, не по лѣтамъ строгомъ серьезномъ лицѣ!

Она точно чувствуетъ подлѣ себя присутствіе матери. Видитъ ея добрые глаза... Ея исполненное любви и ласки лицо.

— Іюшка, родная моя!—слышитъ, какъ сквозь сонъ, молодая дѣвушка...

А кругомъ нея такая красота! Послѣдняя сказка лѣта тихо замолкаетъ въ предсмертномъ шелестѣ листьевъ, въ чуть слышномъ плескѣ воды крошечнаго озерка, въ шуршаньѣ опавшей листвы, золотой и багряной, подъ легкими стопами Іи.

И это чудное мягкое сентябрьское солнце, ласковыми лучами пробивающееся сквозь замѣтно обѣднѣвшую чащу сада!

Быстрыми шагами идетъ Ія по прямой, какъ стрѣла, садовой аллеѣ. И кажется дѣвушкѣ, что она сейчасъ не въ далекомъ отъ ея милыхъ Яблонекъ большомъ чужомъ городѣ, а тамъ у нихъ, за красавицей Волгой, въ родныхъ степяхъ, окруженныхъ лѣсами. Что стоитъ ей только смахнуть туманящія глаза слезы, и она увидитъ мать, Катю, всю хорошо знакомую домашнюю обстановку, работницу Ульяну, скромный шалашикъ въ саду...

Но что—это? Развѣ она, дѣйствительно, дома? Или это сонъ?

Ія сильно до боли стискиваетъ руки, стискиваетъ такъ крѣпко, что хрустятъ ея нѣжные пальцы... Боже мой, да неужели же она не спитъ? Прямо навстрѣчу къ ней стремительно бѣжитъ небольшая, хорошо ей знакомая фигурка. Черные волосы треплетъ вѣтеръ. Черные глаза сверкаютъ

ей навстрѣчу. Радостно улыбаются знакомыя, пухлыя губки...

— Катя! Катя моя!—вскрикиваетъ, не помня себя отъ радости, Ія и сама, какъ дѣвочка, бросается навстрѣчу сестрѣ.

— Ія! Милая Ія!

Сестры замираютъ въ объятіяхъ другъ друга.

— Катя! Катюша, черноглазка моя милая! Какими судьбами ты здѣсь? Ты ли это? Катя! Родная моя!

— Я, Іечка, я... Своей собственной персоной! Неужели же не узнала?—со смѣхомъ, перемѣшаннымъ со слезами, бросаетъ шалунья, и цѣлый градъ поцѣлуевъ сыплется на лицо старшей сестры.

— Да какъ же ты сюда попала, Катечка?—все еще не можетъ прійти въ себя Ія.

Захлебываясь отъ волненія, торопясь, съ дрожью радости, Катя порывисто поясняетъ старшей сестрѣ причину своего появленія здѣсь такъ неожиданно, почти сказочно и невѣроятно.

— Ты подумай,—словно горохъ, сыплются у нея изо рта слова,—ты подумай только, Іечка, мы съ мамой ничего не знаемъ, ничего не подозрѣваемъ,—и вдругъ письмо отъ Лидіи Павловны... Какъ снѣгъ на голову... Понимаешь? Не письмо даже, а цѣлый хвалебный гимнъ, вашему высочеству, Ія Аркадьевна. Такъ, молъ, и такъ: пишетъ, что ты девятое чудо міра, восьмое, конечно, это я—не можетъ не вставить съ лукавымъ смѣхомъ шалунья,—пишетъ, что такъ довольна, такъ довольна тобою и твоими педагогическими способностями, которыя ты проявила уже за первую недѣлю твоего пребыванія здѣсь, что, во что бы то ни стало, хочетъ поощрить тебя, а кстати и снять часть обузы по моему воспитанію съ твоихъ плечъ.—Она узнала от-

куда-то, что ты теперь единственная кормилица семьи, что ты платишь за меня и за ученье. И вотъ, она предложила мамѣ прислать меня къ вамъ въ пансіонъ, гдѣ любезно будутъ обучать меня всякой книжной премудрости, безо всякой платы, сирѣчь даромъ, за твои почтенныя заслуги передъ обществомъ. Понимаешь?

Да, Ія поняла. Поняла отлично, какой сюрпризъ былъ приготовленъ ей начальницею пансіона, и какъ деликатно была оказана помощь ей, Іи.

И восторженная радость, радость впервые со дня ея появленія здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, затопила мгновенно душу молодой дѣвушки!

— Такъ ты поселишься со мной? Ты будешь жить со мной? И учиться у меня на глазахъ?—то отстраняя отъ себя Катю, то снова привлекая ее къ себѣ, заговорила новымъ, мягкимъ, растроганнымъ голосомъ Ія. И куда-то исчезла сразу сейчасъ ея обычная сдержанность, ея замкнутость и показная суровость.

Со слезами радости на глазахъ обнимала она сестренку, разспрашивала о матери и о домашнихъ дѣлахъ.

Болтая безъ умолку, Катя разсказала все. И какъ она ѣхала одна отъ самаго Рыбинска, куда проводилъ ее сосѣдскій арендаторъ, ѣздившій въ Рыбинскъ по дѣламъ князя Вадберскаго, и какъ она заѣзжала въ С. прощаться со своими бывшими товарками, и сколько стихотвореній онѣ написали ей на прощанье въ альбомъ...

Оживленно бесѣдуя, сестры не замѣтили какъ подошелъ часъ обѣда. Опомнились онѣ лишь тогда, когда, оглушительно раздаваясь на весь садъ, зазвенѣлъ звонокъ. Но прежде, нежели вести сестренку въ столовую, Ія, оставивъ Катю на минуту въ саду, зашла къ Лидіи Павловнѣ поблагодарить ее за сюрпризъ.

А. Вестфалень 1914

— Вы сами не подозрѣваете даже, какъ много вы сдѣлали для меня. Я не знаю, какъ отблагодарить васъ за это, — говорила растроганнымъ голосомъ молодая дѣвушка, крѣпко сжимая маленькую сухую руку начальницы.

— А между тѣмъ, вы мнѣ можете больше, чѣмъ кто-либо другой быть полезной и тѣмъ отплатить за ту ничтожную услугу, которую, по вашимъ словамъ, я оказала вамъ,— сопровождая свои слова обычной холодной улыбкой свѣтской женщины, произнесла Лидія Павловна,—помогите мнѣ въ дѣлѣ воспитанія моихъ сорванцовъ-дѣвицъ, и мы квиты...

Новымъ пожатіемъ руки Ія подтвердила свою готовность исполнить желаніе начальницы и снова вернулась въ садъ, гдѣ Катя съ нетерпѣніемъ ждала ея возвращенія.

— Идемъ обѣдать, Катюша. Я познакомлю тебя съ двумя пансіонерками твоего класса, которыя остались на праздники здѣсь. Въ понедѣльникъ же ты увидишь остальныхъ. Послѣ обѣда необходимо переодѣться съ дороги, а тамъ я представлю тебя Лидіи Павловнѣ. Пока же идемъ!

И обвивъ рукою плечи сестры, Ія повела Катю въ столовую.

Въ то самое время, пока обѣ дѣвушки спѣшили къ крыльцу зданія по главной дорожкѣ сада, близъ того мѣста, гдѣ онѣ только что находились, зашевелились кусты волчьей ягоды, и среди уцѣлѣвшей желтой листвы мелькнули сначала двѣ пары рукъ, а вслѣдъ за ними высунулась изъ-за кустовъ пара юныхъ головокъ, одна черненькая, какъ жукъ, другая пепельно-русая.

— Трогательная исторійка, нечего говорить. Ну и сестричка у нашего идолища! Хороша! Нѣтъ словъ!—презри-

тельно оттопыривая заячью губку, произнесла одна изъ появившихся изъ-за кустовъ дѣвочекъ. Это была Шура Августова.

Она вмѣстѣ съ своей неразлучной подругой Маней Струевой прошмыгнули сюда слѣдомъ за Іей, послѣ завтрака, все время наблюдали за новой наставницей и были свидѣтельницами происшедшей у нихъ на глазахъ встрѣчи сестеръ.

— А мнѣ она очень понравилась эта черноглазая смуглая Катя. Она удивительно симпатичная, и по части проказъ отъ насъ съ тобой не отстанетъ,—возразила подругѣ Струева.

— Воображаю! Уже по одному тому тихоней сдѣлается, чтобы дражайшей своей сестричкѣ, идолищу этому, попомни мои слова, все, что ни дѣлается въ классѣ, на хвостѣ переносить ей же все станетъ...

— А Надя Копорьева отцу переноситъ развѣ?

— То Надя... А эта, увидишь, кляузницей будетъ первый сортъ.

— Послушай, Шура, зачѣмъ ты клевещешь на совершенно незнакомаго тебѣ человѣка?—возмутилась Маня.—И почему у тебя столько вражды къ Іи Аркадьевнѣ? а между тѣмъ, ты слышала, что говорила ей сейчасъ эта черноглазенькая? Ія Аркадьевна содержитъ на своихъ плечахъ всю семью. Такая молоденькая и взяла на свои плечи какую отвѣтственность.

— Ну, и глупа же ты, Манька! Молоденькая, а любую старуху за поясъ заткнетъ. Небось, приструнитъ насъ эта молоденькая, такъ приберетъ къ рукамъ, что и пикнуть не успѣемъ. И дѣвчонка эта, я увѣрена, прислана сюда, чтобы шпіонить за нами.

— Шура! И не стыдно тебѣ! Я ненавижу, когда ты

взводишь напраслину на людей—въ запальчивости вырвалось у Струевой.

— Меня ненавидишь? Меня? Своего друга? Изъ-за какой-то пришлой дѣвчонки?

— Не тебя, а твои поступки!

— Ага! Мои поступки ненавидишь? Ну, такъ убирайся отъ меня,—сердито бросила, задыхаясь отъ гнѣва Августова.—Я сама тебя ненавижу и знать не хочу. И дружи съ твоей черноглазой красавицей, съ деревенщиной этой, а отъ меня отстань! Я да Зюнгейка только и остались вѣрными нашей Магдалиночкѣ, а вы давно измѣнили ей...

— Шура! Шура!

— Измѣнили, да! Нечего тутъ глаза таращить: Шура! Шура!—передразнила она со злостью Струеву.—Всегда была Шурой, а измѣнницей никогда не была. И знать тебя больше не хочу. Не другъ ты мнѣ больше! Да, да, да! Не другъ!

И не помня себя отъ охватившаго ее гнѣва, Августова, сердито сверкнувъ глазами на Маню, бросилась чуть ли не бѣгомъ отъ нея.

Маленькая Струева съ трудомъ поспѣвала за нею. Уже не впервые со дня ея дружбы съ Августовой Маня убѣждалась воочію въ несправедливости послѣдней.—Но дѣвочка души не чаяла въ своемъ другѣ и старалась возможно снисходительнѣе относиться къ недостаткамъ Шуры. Слово „подруга“ являлось для нея закономъ. Онѣ и учились вмѣстѣ, и шалили вмѣстѣ. Мягкая по натурѣ, веселая, жизнерадостная Маня подпала сразу подъ вліяніе своей болѣе опытной сверстницы. Деликатная и чуткая, неспособная ни на что дурное, она, однако, стяжала себѣ славу первой шалуньи, благодаря той же Августовой, постоянно подзадоривавшей ее на всякія проказы и шалости. И се-

годня тоже Шура подговорила Маню пойти подглядывать за „идолищемъ“, какъ она прозвала Ію.

Но сейчасъ Маня убѣдилась воочію, что ея любимица далеко не тотъ свѣтлый человѣкъ, какимъ она себѣ представляла Шуру. Къ тому же, черноглазая провинціалочка, такъ тепло и задушевно встрѣтившаяся со старшей сестрой, и сама оказавшаяся такой симпатичной и ласковой— шевельнула хорошее чувство въ маленькомъ сердцѣ Струевой. И ее потянуло поближе познакомиться съ этой бодрой, свѣжей, не испорченной столичными привычками Катей, прилетѣвшей сюда, какъ птичка изъ далекаго приволжскаго захолустья.

Нечуткость Шуры ея поразила. Тѣмъ болѣе поразила, что—Маня знала это прекрасно—та же Ія Аркадьевна выхлопотала имъ обѣимъ сокращеніе наказанія у Лидіи Павловны, и она же „покрыла“, оправдала Шуру передъ начальницею, когда та не пожелала просить у нея прощенья.

И вдругъ эта непонятная несправедливость и злость по отношенію къ молодой дѣвушкѣ, ея заступницѣ!

Все существо Мани бурно протестовало, и престижъ Шуры Августовой падалъ все ниже и ниже въ ея глазахъ.

Во время обѣда Струева не безъ смущенія наблюдала, какъ, пользуясь минутой, когда отворачивалась Ія Аркадьевна, Шура передразнивала всѣ движенія и манеры Кати, сидѣвшей съ ними за однимъ столомъ, и всячески задѣвала ее.

Съ Катею Маня Струева познакомилась очень быстро и чувствовала себя въ ея обществѣ такъ свободно и легко, точно она давно-давно знала эту веселую, бойкую черноглазую дѣвочку, мило разсказывавшую ей своимъ типич-

нымъ волжскимъ говоркомъ о далекихъ Яблонькахъ, о шалашѣ, построенномъ ею въ саду собственноручно, и о двухъ коровахъ, Буренкѣ и Бѣляночкѣ, и о работницѣ Ульянѣ и о сосѣднемъ Лѣсномъ, гдѣ постепенно приходилъ въ упадокъ роскошный паллацо князей Вадберскихъ.

Дѣвочки сразу сошлись и разговорились.

Сошлась, противъ ожиданія Іи, очень быстро Катя и со всѣмъ своимъ отдѣленіемъ, явившимся черезъ два дня въ пансіонъ.

Открытая, веселая натура дѣвочки и ея неподкупная простота сразу привлекли къ ней сердца пансіонерокъ.

Къ тому же, сами пансіонерки считали себя нѣсколько виноватыми передъ Іей, причиненными ей непріятностями, и расположеніемъ къ младшей сестрѣ какъ бы хотѣли оправдать себя въ глазахъ старшей.

Уже съ первыхъ дней Ія сумѣла противъ воли пансіонерокъ заставить уважать себя. Своей врожденной тактичностью она отпарировала несправедливыя нападки воспитанницъ и постепенно примиряла ихъ со своей особой. Сейчасъ же младшая сестренка постепенно помогала ей въ этомъ, посвящая своихъ одноклассницъ въ свою интимную домашнюю жизнь, главной героиней которой была та же Ія. Теперь образъ молодой дѣвушки освѣтился въ глазахъ пансіонерокъ совсѣмъ съ другой стороны. Ея благородный поступокъ по отношенію семьи не былъ уже тайной для дѣвочекъ. Откровенная натура Кати не умѣла скрывать что-либо. Пансіонерки совершенно иначе смотрѣла теперь на свою молоденькую воспитательницу. Онѣ признали ее. А этого было уже достаточно. Образъ Магдалины Осиповны постепенно отодвинулся. Сперва инстинктивно, потомъ сознательно воспитанницы поняли здоровую сильную натуру Баслановой. Поняли и преимущество ея надъ

мягкой, безвольной и ничтожной, хотя и доброй, Магдалиной Осиповной. И помимо собственной воли потянулись къ первой. Только двѣ дѣвочки четвертаго отдѣленія, самыя горячія поклонницы уѣхавшей Вершининой, питали попрежнему къ Іи ни на чемъ неоснованную упорную вражду.

Эти дѣвочки были: Шура Августова и Зюнгейка Карачъ.

ГЛАВА X.

Каждые два мѣсяца въ пансіонѣ госпожи Кубанской происходили письменныя испытанія по французскому языку. Неимовѣрно строгій и требовательный monsieur Арнольдъ, учитель французскаго языка, обращалъ особенное вниманіе на письменныя работы воспитанницъ. Онъ придавалъ имъ огромное значеніе.

Недовѣрчивый, очень опытный въ дѣлѣ школьнаго образованія monsieur Арнольдъ, зная привычки слабыхъ воспитанницъ подсматривать у своихъ болѣе сильныхъ сосѣдокъ, разсаживалъ слабыхъ ученицъ въ часы письменныхъ испытаній за отдѣльными столиками. И переводы, которые задавались для классныхъ работъ, онъ бралъ не изъ ученыхъ пособій: всевозможныхъ Марго, Манюэлей, а составлялъ самъ. При чемъ ключъ къ переводу передавалъ инспектору. Такъ было заведено испоконъ вѣковъ и monsieur Арнольдъ ни разу не отступилъ отъ разъ навсегда заведеннаго имъ обычая. А работы онъ задавалъ очень трудныя и сбавлялъ баллы за малѣйшую ошибку.

Еще за недѣлю до письменной работы по французскому языку весь 4-й классъ сильно волновался. Особенно безпокоилась Зюнгейка Карачъ. По-французски она

ровно ничего не знала, не могла и двухъ словъ написать правильно на этомъ языкѣ. А вдобавокъ ко всему, она недавно «схватила» пару по русскому сочиненію и если тоже повторится и по французскому языку, то чего добраго, къ концу года ее, Зюнгейку Карачъ, маленькую башкирку изъ вольныхъ Уфимскихъ степей, не переведутъ въ слѣдующій классъ.

Этого больше всего боялась Зюнгейка. Боялась отца, который, навѣрное, разсердится, и будетъ бранить ее, а за нимъ и мать. И станетъ такъ стыдно Зюнгейкѣ, такъ неловко смотрѣть въ глаза имъ всѣмъ, а особенно крестному отцу, генералу, который вывезъ ее сюда изъ ея родимыхъ степей и къ которому она ходитъ въ отпускъ по праздникамъ и воскресеньямъ.

Впрочемъ волнуется не одна Зюнгейка Карачъ, волнуется добрая половина класса. Monsieur Арнольда боятся больше всѣхъ другихъ учителей. Онъ щедръ на единицы и ему ничего не стоитъ «срѣзать» на экзаменѣ воспитанницу. Даже желчный Алексѣй Петровичъ Вадимовъ кажется ангеломъ доброты и кротости по сравненію съ нимъ.

Маня Струева, Шура Августова, Копорьева, Глухова, Воргъ и другія, дрожатъ при одномъ напоминаніи о предстоящей письменной работѣ еще задолго до рокового дня.

И вотъ, онъ наконецъ, приблизился этотъ роковой день.

Наканунѣ его, долго не ложились спать въ дортуарѣ четвертаго отдѣленія. Пансіонерки собирались въ группы, тихо совѣщаясь о предстоявшемъ имъ завтра пораженіи.

А что пораженіе будетъ, въ этомъ ни у кого изъ нихъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія.

Monsieur Арнольдъ казался все послѣднее время особенно сердитымъ и взыскательнымъ.

— Совсѣмъ точно съ цѣпи сорвался,—говорила на его счетъ Зюнгейка.

Въ этотъ вечеръ она казалась особенно взволнованной, и кричала и суетилась больше другихъ, пользуясь отсутствіемъ классной дамы. Ихъ не было сейчасъ въ дортуарѣ. Она присутствовала на одномъ изъ еженедѣльныхъ засѣданій, происходившихъ каждую среду въ квартирѣ начальницы. Присутствовали тамъ всѣ учителя, инспекторъ и классныя дамы другихъ отдѣленій пансіона.

— Не знаю, что бы я дала, лишь бы получить французскій ключъ къ завтрашней работѣ. Небось, Арнолька у себя въ карманѣ его держитъ. Никакими силами его у него не извлечь,—сердито ворчала Зюнгейка, заплетая на ночь свои жесткіе, черные какъ смоль, непокорные волосы.

— А что mesdames, что если закричать: Пожаръ! Горимъ! на весь пансіонъ, благимъ матомъ. Вся конференція повскачетъ съ мѣстъ, засуетится, замечется... А тутъ подкрасться къ Арнольду и вытащить у него изъ кармана французскую тему перевода,—фантазировала Августова, блестя разгорѣвшимися глазами.

— Какъ бы не такъ, держи карманъ шире,—приближаясь къ группѣ пансіонерокъ, проговорила Таня Глухова, прищуривая на Шуру свои маленькіе глазки,—навѣрное, французскаго перевода давно нѣтъ у Арнольда. Онъ передалъ его еще утромъ Георгію Семеновичу.

— Какъ? Уже? Ты все сочиняешь, Глухарь! Неправда!—послышались недовѣрчивые голоса.

— И совсѣмъ не сочиняю,—обидѣлась Таня.—Я отлично видѣла, какъ Арнольдъ передавалъ инспектору ка-

кой-то конвертикъ. И сейчасъ, я знаю, навѣрное, тема уже въ столѣ у инспектора. Надя сама говорила, что онъ кладетъ всегда ключъ перевода въ письменный столъ.

— Надя говорила? Надежда... Копорьева?.. Правда? Да гдѣ же она? Позовите ее! Позовите Надю Копорьеву!— затараторили нетерпѣливыя дѣвочки.

Красная, смущенная Надя предстала передъ подругами, пряча за стеклами очковъ застѣнчивые глаза.

— Что вамъ надо отъ меня, mesdames?—освѣдомилась она.

— Ты знаешь, гдѣ лежитъ сейчасъ ключъ къ завтрашней работѣ? Въ письменномъ столѣ твоего отца? Да?—внезапно обрушивается на нее Шура Августова.

— Знаю... такъ что же?

И глаза подъ очками устремляютъ на говорившую удивленный взглядъ. И не только одна Копорьева, но и всѣ остальныя пансіонерки смотрятъ изумленно на Шуру. И въ головѣ каждой изъ дѣвочекъ мелькаетъ одна и та же мысль:

— Неужели же? Неужели у этой отчаянной Августовой мелькнула мысль совершить дерзкій нечестный поступокъ?

Но почему же нечестный, однако? Развѣ самъ Арнольдъ справедливо поступаетъ, задавая такія ужасно-трудныя темы и мучая всѣхъ придирками и своимъ чрезмѣрнымъ педантизмомъ. Вѣдь онъ на зло имъ всѣмъ тиранитъ ихъ этими невозможными письменными работами. И кому онѣ нужны эти работы, которыя кромѣ однихъ единицъ не приносятъ ничего?

И поэтому, когда Шура Августова съ возбужденно-горящими глазами подходитъ къ Надѣ Копорьевой и шопотомъ говоритъ:

— Ты должна достать во что бы то ни стало у твоего отца тему перевода и дать намъ ее, хотя бы на одинъ только часъ,—ея словамъ уже никто не удивляется. Даже Ева Ларская, протестовавшая постоянно противъ всѣхъ «выпадовъ» такого рода и любившая оставаться одною «при особомъ мнѣніи», молчитъ на этотъ разъ.

Арнольдъ давно скомпрометировалъ себя въ глазахъ класса своей несправедливостью и жестокостью и провести его хотя бы единый разъ въ жизни, никто изъ дѣвочекъ не считаетъ за грѣхъ. И только по лицу одной Нади Копорьевой разливается ужасъ, послѣ того, какъ она узнаетъ о намѣреніи класса.

— Какъ хотите, mesdames, но я ни за что не полѣзу въ столъ отца и не стану выкрадывать тему,—говоритъ она дрожащимъ голосомъ, догадываясь сразу, какой услуги требуетъ отъ нея Шура.

— Выкрадывать—какое громкое слово! подумаешь тоже,—далеко не искреннимъ смѣхомъ разсмѣялась послѣдняя.—Да развѣ это называется выкрасть, если взять на нѣсколько минутъ тему съ тѣмъ, чтобы переписать ее и снова положить обратно въ столъ?

— Но вѣдь...

— Безо всякихъ но, пожалуйста. Если сама не хочешь сдѣлать этого, помоги, по крайней мѣрѣ, классу. Или и этого не пожелаете сдѣлать, достоуважаемая госпожа профессорша?—иронизируетъ Августова и ея заячья губка презрительно оттопыривается.

— Рѣшайся же, рѣшайся!—кричитъ Надѣ Зюнгейка такъ громко, что на нее шикаютъ со всѣхъ сторонъ.

— Нечего сказать, хорошее, однако, вы задумали дѣло, mesdames!—говоритъ Маня Струева, оглядывая толпившихся и взволнованныхъ дѣвочекъ.

— Я съ тобой согласна—дѣло неважное,—поддержала ее Катя.

— Ну вотъ, еще двѣ святоши рѣшили, такъ тому и быть, значитъ—внезапно закипаетъ гнѣвомъ Зюнгейка,—а того не понимаютъ, что самому Арнольду любо единицами сыпать... Одна, единица, двѣ единицы, три, четыре, много ихъ, какъ снѣгу зимою. Сколько звѣздъ въ небѣ, столько единицъ у француза въ журналѣ,—неожиданно нелѣпымъ, но образнымъ сравненіемъ подъ общій хохотъ заключаетъ она.

— Оставь ихъ, Зюнгейка,—презрительно машетъ въ сторону Кати и Струевой руками Шура,—развѣ не видишь, сколько въ нихъ святости объявилось вдругъ? Нашу Маничку съ тѣхъ поръ, какъ появилась Катичка и узнать невозможно. За добродѣтельность ее живой на небо возьмутъ.

— Ну, пожалуйста, Августова, оставь ихъ въ покоѣ,—неожиданно подняла голосъ Ева,—дѣйствительно, Струеву узнать нельзя съ тѣхъ поръ, какъ она раздружилась съ тобою. И учится лучше и ведетъ себя прекрасно, а когда и шалитъ случается совмѣстно съ Катей Басланової, то никому отъ этихъ шалостей вреда нѣтъ. Между тѣмъ, какъ...

Но Евѣ пришлось замолчать, не докончивъ фразы.

— Не твое дѣло,—грубо оборвала ее Августова,—и нечего тутъ мнѣ проповѣди читать. Сама не лучше. Отовсюду повыгоняли. Ужъ молчи! Куда полезнѣе было бы, нежели нравоученьями-то заниматься—сообща придумать, какъ намъ раздобыть тему, хоть на полчаса.

— Шура права, давайте думать!—послышались отдѣльные голоса и группа дѣвочекъ сомкнулась вокругъ

Августовой, стараясь найти выходъ изъ непріятнаго положенія и облегчить себѣ задачу на завтрашній день.

Надя Копорьева, Ева, Глухова, Зюнгейка находились тутъ же.

Только Катя и маленькая Струева оставались въ сторонѣ. Имъ какъ-то не по душѣ пришелся задуманный поступокъ. Впрочемъ, отъ класса онѣ не могли да и не хотѣли отступать.

Это значило бы итти противъ правила товарищества, столь распространеннаго среди учащихся. И дѣвочки прекрасно сознавали это.

Ночь... Пробило мѣрныхъ одиннадцать ударовъ на стѣнныхъ часахъ въ коридорѣ и снова наступила прежняя тишина. Въ маленькой, состоящей изъ трехъ комнатъ, квартиркѣ инспектора классовъ, находящейся тутъ же въ зданіи пансіона, царитъ та же ничѣмъ не нарушаемая тишина.

Самъ Георгій Семеновичъ еще не вернулся съ затягивавшагося обычно до полуночи засѣданія.

Прислуга спитъ въ крошечной кухнѣ. Одна Надя, бодрствовавшая въ этотъ поздній часъ, нервно шагаетъ по гостиной съ цѣлой бурей въ душѣ.

— Что же онѣ такъ долго? Почему не идутъ?

Ея сердце стучитъ такъ громко, что дѣвочкѣ кажется, что она слышитъ его неровное сильное біеніе. Или это стучитъ маятникъ на часахъ?

Въ своемъ волненіи Надя едва сознаетъ дѣйствительность.

Ужъ скорѣе бы приходили! Скорѣе кончалась бы эта лютая мука ожиданья!

Сама она категорически отказалась участвовать въ

похищеніи темы. Она не могла бы ни за что на свѣтѣ обмануть своего любимаго старенькаго отца. Но открыть дверь «тѣмъ» «отчаяннымъ» Надя все же обѣщала послѣ долгихъ колебаній и сдѣлокъ съ собственной совѣстью. Обѣщала также и указать имъ дорогу въ отцовскій кабинетъ.

Но чего же онѣ ждутъ, однако? Почему медлятъ? Или отмѣнили свое безумное рѣшеніе? Или изобрѣли новый исходъ?

Изъ блѣднаго лицо Нади, постепенно краснѣя, становится алымъ, какъ кумачъ, и съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе бьется неугомонное сердце.

Вдругъ легкое движенье ручки у входной двери въ передней оповѣстило дѣвочку о приходѣ «заговорщицъ».

— Зюнгейка? Августова? Вы?—Прежде, нежели открыть дверь, дрожащимъ голосомъ спрашиваетъ Надя.

— Мы! Мы! Отворяй скорѣе, не бойся!

Дальше все происходитъ какъ во снѣ. Надя, открывши сначала входную дверь, потомъ другую, дверь отцовскаго кабинета и пропустивъ впередъ обѣихъ посѣтительницъ, протягиваетъ дрожащую руку къ выключателю. Маленькая комната съ большими книжными шкапами освѣщается сразу.

Глаза трехъ дѣвочекъ сразу приковываются къ письменному столу. Увы! Онъ запертъ на ключъ... Всѣ ящики до единаго...

— Вотъ незадача-то!—сорвалось съ губъ оторопѣвшей Зюнгейки.

Вся дрожа и волнуясь, Надя повторяетъ только одно: —Вы видите сами теперь, что нельзя достать темы. Видите,—заперто на ключъ. Уходите же, уходите же, ради

Бога, скорѣе! Вдругъ засѣданіе сегодня кончится раньше, отецъ вернется и застанетъ васъ.

Но Шура Августова только усмѣхнулась въ отвѣтъ на эти слова.

— Уйти всегда успѣется. Георгій Семеновичъ такъ скоро не вернется. Намъ же необходимо употребить всѣ усилія, прежде нежели уйти.

Тутъ она опустила руку въ карманъ и вытащила изъ него связку съ ключами. Съ этой связкой въ рукѣ Шура подошла къ столу.

— Въ которомъ ящикѣ прячетъ обыкновенно Георгій Семеновичъ темы?—принимаясь хозяйничать у замка, спросила она.

Надя молча указала рукой на правый ящикъ. Ей было безгранично тяжело въ эту минуту. Не хотѣлось обманывать отца и въ то же время жаль было подругъ, обреченныхъ завтра на полученіе дурныхъ отмѣтокъ.

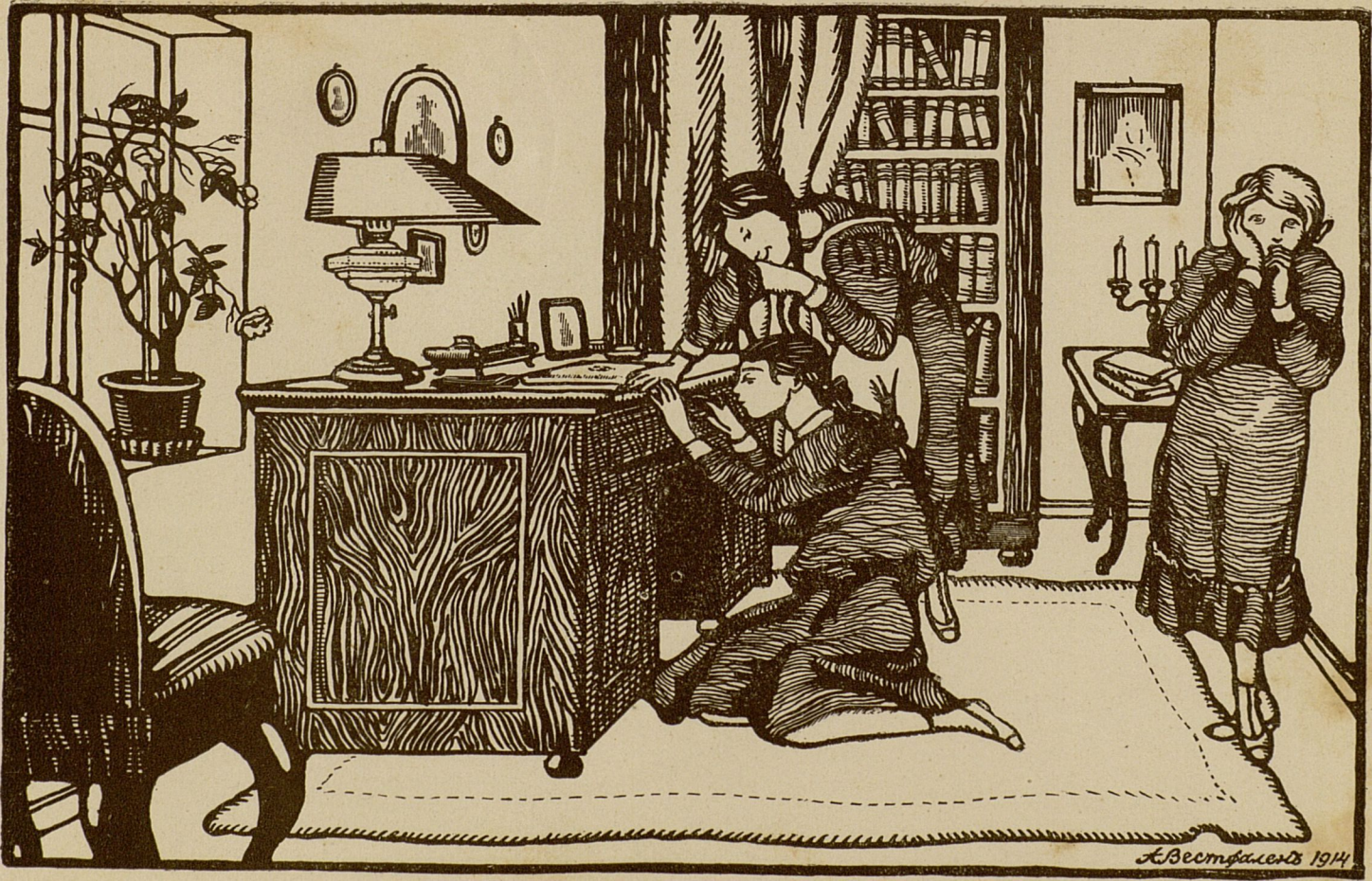
— Только скорѣе! Ради Бога, скорѣе! Папа каждую минуту можетъ вернуться съ засѣданія и тогда...

Легкій крикъ Шуры заставилъ ее вздрогнуть всѣмъ тѣломъ. Въ тотъ же мигъ блѣдное до прозрачности лицо съ выступившими на лбу капельками пота глянуло на нее снизу.

— Я... я...—зашептала испуганная на смерть Августова,—я сломала ключъ... Въ замкѣ осталась одна бородка!.. Что дѣлать? Ахъ, Господи, что-то будетъ теперь!

— Аллахъ мой, все пропало!—чуть ли не въ голосъ завопила Зюнгейка.

Надя не нашла даже силы что-либо сказать. Блѣдная, безъ кровинки въ лицѣ стояла она надъ злополучнымъ ящикомъ. Зубы ея нервно стучали. Губы безпомощно двигались. Она вся тряслась.


А.Вестфален 1914

Опомнилась первая Шура.

— Дѣло дрянь, но ревѣть все же не слѣдуетъ. Слезами горю все равно не помочь,—начала она при видѣ двухъ крупныхъ слезинокъ, выкатившихся изъ глазъ Копорьевой,—но и не пропадать же мнѣ одной по милости всего класса! Понятно, надо говорить теперь, что всѣ двадцать человѣкъ были здѣсь и каждая потрудилась вдоволь, открывая ящикъ. И кто изъ насъ сломалъ ключъ неизвѣстно. Всѣ открывали,—всѣ сломали, вотъ и все. А теперь, бѣжимъ скорѣе, Зюнгейка! А то инспекторъ вернется, пожалуй, и тогда пропали наши головушки ни за грошъ.

Она первая кинулась къ двери. За нею поспѣшила ея спутница.

Надя снова осталась одна. Теперь никто не мѣшалъ ей плакать. И упавъ головой на столъ, она, не будучи въ состояніи сдерживать слезъ, горько разрыдалась.

Ей было безконечно жаль старика-отца. Она знала, что поступокъ пансіонерокъ больно отзовется на этомъ достойномъ и благородномъ человѣкѣ.

Надя прекрасно знала и чрезвычайную чуткость Георгія Семеновича въ вопросахъ чести, а этотъ поступокъ, съ неудавшимся похищеніемъ темы, казался ей самой такимъ недостойнымъ и некрасивымъ, хотя она и оправдывала подругъ, обвиняя во всемъ Арнольда.

Но какъ взглянетъ на это дѣло отецъ? Она такъ любила своего одинокаго старичка, пожертвовавшаго ей, Надѣ, всей своей жизнью. Копорьевъ рано овдовѣлъ и, болѣзненно любя дочь, не пожелалъ жениться вторично, чтобы не дать своей «Надюшкѣ», какъ онъ всегда называлъ дочь, мачехи. Онъ самъ воспиталъ, выростилъ Надю

безо всякихъ нянекъ, боннъ и гувернантокъ, трогательно заботясь о ней и живя и работая исключительно для нея одной.

И вотъ, такого-то отца, она хотѣла обмануть вмѣстѣ съ другими чужими ему дѣвочками.

При одной этой мысли слезы Нади полились сильнѣе и перешли въ рыданія.

Среди этихъ рыданій она не слышала, какъ позвонили въ прихожей, какъ пробѣжала мимо отворять дверь разбуженная звонкомъ прислуга, какъ зазвучали въ сосѣдней съ кабинетомъ гостиной шаги, и опомнилась лишь тогда, когда чьи-то руки обвили ея плечи, а ласковый голосъ спросилъ съ тревогою:

— О чемъ, Надюшка, родная моя, о чемъ?

Вслѣдъ за тѣмъ произошло то, чего меньше всего ожидала сама дѣвушка. Надя кинулась къ отцу, прижалась къ его груди и разсказала ему все, рѣшительно все, безъ утайки.

Взволнованный горемъ дочери, Георгій Семеновичъ совершенно растерялся въ первую минуту, узнавъ обо всемъ случившемся. Потомъ глубокое возмущеніе смѣнило охватившее его въ первую минуту безпокойство.

Возмущеніе противъ поступка воспитанницъ.

Но онъ не хотѣлъ причинять новаго страданія Надѣ и старался лаской, какъ умѣлъ, утѣшить ее.

На слѣдующій же день послѣ письменнаго урока французскаго языка, лишь только monsieur Арнольдъ отобралъ у класса Богъ вѣсть какъ сдѣланные воспитанницами переводы и съ видомъ торжествующаго побѣдителя вышелъ изъ отдѣленія, туда вошелъ маленькій съ сѣдыми бачками старичокъ.

Это былъ Георгій Семеновичъ Копорьевъ. Онъ подо-

шелъ къ первой партѣ, оперся на нее руками и взволнованно заговорилъ:

— Мнѣ извѣстно, что вы были у меня вчера на квартирѣ, чтобы вынуть у меня изъ письменнаго стола ключъ къ французскому переводу. Кто былъ изъ васъ, для меня безразлично. Меня поразилъ самый фактъ. Благодаря одной только счастливой случайности дурной поступокъ вамъ не удался и правда вышла наружу. Сама судьба оказалась справедливымъ судьею. Судить же мнѣ самому о степени порядочности вашего проступка не приходится. Предоставляю вамъ это сдѣлать самимъ. Что же касается меня, то мнѣ совѣстно огорчать Лидію Павловну такою непріятною новостью. Она такъ вѣритъ въ вашу корректность, что я предпочитаю предать забвенію весь этотъ печальный инцидентъ, жалѣя разочаровывать ее въ ея дѣтяхъ.

Старикъ инспекторъ замолчалъ и обвелъ притихшихъ воспитанницъ грустнымъ полнымъ укора взглядомъ.

Глухое молчаніе было отвѣтомъ на его слова.

И вдругъ, не сговариваясь, неожиданно прозвучало въ разныхъ концахъ комнаты, сначало тихое, потомъ все болѣе настойчивое и громкое:—Простите... Георгій Семеновичъ, простите насъ!

А чрезъ нѣсколько секундъ весь классъ, какъ одинъ человѣкъ, произнесъ придушенными волненіемъ въ общемъ хорѣ голосами.

— Мы умоляемъ васъ простить насъ, Георгій Семеновичъ. Ради Бога, простите! Мы умоляемъ васъ объ этомъ!

И ни одна юная головка не задумалась надъ тѣмъ, что этотъ самый маленькій съ добрымъ лицомъ и сѣдыми бачками человѣкъ прибѣгнетъ къ какой-либо карѣ, къ какому-либо возмездію, вполнѣ заслуженному на этотъ

разъ самими дѣвочками. И не изъ страха передъ наказаніемъ такъ искренно просили онѣ у него прощенье. Было просто жаль этого добраго мягкаго человѣка, котораго искренне любилъ весь пансіонъ.

Смягченный и растроганный старикъ невольно просіялъ.

— Смотрите, дѣти, не огорчайте же меня подобными поступками,—произнесъ онъ твердымъ голосомъ и, улыбнувшись разстроеннымъ дѣвочкамъ ободряющей улыбкой, вышелъ изъ класса.

— Ангелъ!—завопила ему вслѣдъ Зюнгейка, срываясь съ мѣста.

— Неужели и ты, Катя? Неужели и ты? И ты могла пойти туда, вмѣстѣ съ ними? Ты—наша Катя, мамина дочка, моя сестренка... моя гордость!.. Такая свѣтлая, такая благородная душа!

Ія говорила это, стоя въ углу коридора передъ младшей сестренкой, и своими проницательными глазами строго смотрѣла въ черные глаза Кати.

— Нѣтъ, Ія, нѣтъ, ради Бога!.. Не смѣй думать обо мнѣ такъ дурно!—взволнованно вырвалось изъ груди дѣвочки,—ни я, ни Маня Струева, никто изъ насъ не пошелъ бы на это. А Надя Копорьева даже плакала изъ-за всей этой исторіи. Да и всѣ мы не хотѣли этого дѣлать, а только... Тутъ Катя смутилась и прикусила языкъ. Выдавать Августову и Зюнгейку Карачъ она не имѣла въ мысляхъ.

Ія сразу замѣтила ея смятеніе.

— Но кто же, въ такомъ случаѣ, кто пошелъ доставать ключъ къ переводу?—допытывалась она у сестры. Потупленные черные глазки Кати поднялись на старшую сестру.

— Не скажу. Не спрашивай лучше, не узнаешь...— И смуглое лицо приняло сердитое выраженіе, а черные глаза угрюмо блеснули знакомымъ Іи упрямымъ огонькомъ.

Такъ и не узнала ничего отъ сестры Ія. Не узнала объ инцидентѣ и Лидія Павловна—«сама», какъ ее называли за глаза пансіонерки.

Слѣдствіемъ печальной исторіи былъ продолжительный разговоръ инспектора съ monsieur Арнольдомъ, во время котораго добрый старикъ Копорьевъ, горячась и доказывая, упросилъ не въ мѣру требовательнаго француза облегчать письменныя работы воспитанницъ и задавать имъ менѣе трудные переводы.

И monsieur Арнольдъ, послѣ долгихъ колебаній, скрѣпя сердце уступилъ ему въ этомъ.

ГЛАВА XI.

Все ближе, все настойчивѣе надвигается осень. Короче становятся студеные, но все еще ясные дни. Длиннѣе черныя октябрьскія ночи. Дожди, на счастье, рѣдко выпадаютъ въ этомъ году.

Холодные утренники и скупое на ласку, только свѣтящее, но не грѣющее солнце, напоминаютъ о скоромъ появленіи зимы.

Уже болѣе мѣсяца незамѣтно прошло со дня водворенія Іи въ пансіонъ.

Она постепенно привыкла къ своей новой роли. Шагъ за шагомъ завоевывала молодая наставница симпатіи воспитанницъ и сумѣла заставить полюбить себя.

А присутствіе младшей сестренки примиряло отчасти Ію съ ея далеко не легкой службой классной наставницы.

Ясный студеный полдень. Только что наступила большая перемѣна между завтракомъ и слѣдующими за нимъ уроками, во время которой воспитанницы гуляютъ по саду.

Этотъ садъ очень измѣнился со дня пріѣзда въ пансіонъ Іи.

Тогда еще зеленые и пышные, только кое-гдѣ тронутые блеклыми красками осени, стояли кусты и деревья.

Теперь въ началѣ октября листья почти облетѣли. Только ярко рдѣютъ кое-гдѣ налитыя пурпуромъ сочныя ягоды рябины. Особенно заманчиво алѣютъ они надъ маленькимъ прудомъ. Свѣсились кроваво-красными гроздьями надъ самой водою и повторяются въ ней своимъ красивымъ, смѣющимся отраженіемъ.

Эти гроздья особенно привлекаютъ взгляды пансіонерокъ съ той минуты, какъ Катя Басланова разсказала имъ, что рябину, уже тронутую утренниками, можно снимать съ дерева, слегка отваривать въ сахарномъ сиропѣ и сушить въ духовой печкѣ.

— Получается удивительно вкусное лакомство. Такъ мама у насъ всегда приготовляла въ «Яблонькахъ»,—заключила дѣвочка, при одномъ воспоминаніи о домашнемъ десертѣ, облизываясь какъ котенокъ.

— А ты говоришь, утренники уже тронули рябину?—живо заинтересовалась ея словами Маня Струева.

— А то нѣтъ? Видишь какія ягоды стали, какъ-будто сморщенныя немножко. Какъ разъ пора такія же снимать.

— Ну, вотъ и отлично. Будемъ сшибать ихъ палками. Только жаль, что намъ нельзя подходить близко къ пруду. Съ тѣхъ поръ какъ утонула въ немъ эта несчастная

Анна, намъ не разрѣшается даже гулять по прилегающей къ берегу дорожкѣ,—и Маня Струева невольно вздохнула при этихъ словахъ.

Будь это раньше, когда она дружила съ Августовой, Маня не задумалась бы ни на минуту надъ тѣмъ какъ раздобывать алыя прекрасныя грозди, ну, а теперь... Поневолѣ приходится смириться: она близко сошлась съ Катей...

Сама Катя Басланова, шаловливая и подвижная по натурѣ дѣвочка, со дня отъѣзда Іи въ Петербургъ круто измѣнилась.

Она являлась какъ бы заступницей матери въ отсутствіе сестры. Забыты были прежнія шалости и проказы. Катя остепенилась, стала серьезнѣе. И, сейчасъ, въ пансіонѣ она, несмотря на свою жизнерадостность и живость характера, такъ и бившую у нея ключомъ, была на самомъ лучшемъ счету у начальства.

Подъ вліяніемъ Кати притихла и недавняя «премьерша отъ шалостей» Струева.

Воспитанницы были вполнѣ правы, что недоразумѣніе, происшедшее у Струевой съ Шурой Августовой, послужило на пользу первой.

И сейчасъ вмѣсто того, чтобы броситься искать по саду палокъ и камней, которыми можно было бы сбивать на землю алыя гроздья рябины, какъ бы она сдѣлала это въ періодъ своей дружбы съ Шурой, Маня покорно дала Катѣ увести себя подальше отъ заманчиваго уголка сада.

Но если маленькая Струева оказалась такой благоразумной особой, Шура Августова далека была отъ мысли слѣдовать ея примѣру.

Со своей новой подругой Зюнгейкой Карачъ, рабо-

лѣпно исполнявшей всѣ ея капризы и требованія, какъ это дѣлала когда-то Маня, Шура Августова, давно уже бродила вокругъ пруда, несмотря на строгое запрещеніе со стороны начальства ходить туда.

Прячась въ кустахъ, за густо разросшимися гибкими вѣтвями, которыя могли прекрасно служить надежной защитой отъ нежелательныхъ взоровъ, Шура въ сопровожденіи Зюнгейки, ни на шагъ не отстававшей отъ нея, поглядывала жадными глазами на завѣтный уголокъ.

И не только самый прудъ, какъ запрещенный плодъ, притягивалъ къ себѣ Шуру. Ее еще больше привлекали ягоды рябины, соблазнительно алѣвшія среди осенней листвы.

— Ты слышала, что разсказывала Басланихина сестричка?—шопотомъ обратилась она съ вопросомъ къ Зюнгейкѣ.—Слыхала? Сначала дождаться мороза. Пусть тронетъ ягоды. Когда сморщатся, тогда и снимать...

— Палками сбивать!—поправила ее Зюнгейка.

— Зачѣмъ палками? Можно руками.

— Какъ руками?—И глазки башкирки, узенькіе какъ щелки, изумленно поднимаются на лицо Шуры.

— Очень просто. Влѣзть на дерево и потомъ снять.

— Да, вѣдь дерево-то надъ прудомъ.

— Не все надъ прудомъ. Можно сидѣть у самаго ствола. А вѣтку съ гроздьями притянуть къ себѣ.

— А если увидятъ?..

— Никто не увидитъ. Скоро уйдутъ въ классъ. А мы можемъ остаться на нѣсколько минутъ.

— А Аня?

— Что Аня? Какая Аня?

— Утопленница... Она на насъ изъ пруда глядѣть бу-

детъ. Ой, страшно!—и широкія плечи Зюнгейки невольно вздрагиваютъ.

— Вотъ глупая! Ой и глупая же ты, Зюнгейка! Вѣришь во всякую ерунду. Да если бы и послушать тебя, такъ развѣ днемъ-то онѣ утопленницы, показываются что ли?

— А развѣ только ночью?

— Фу ты какая, не зли меня!

И Шура сердито топаетъ ногою.

Боже, какъ сердитъ ее эта наивная неразвитая дикарка! Какъ неинтересна ей, Шурѣ, эта Зюнгейка съ ея ребяческими разсужденіями и какъ она искренно сожалѣетъ о томъ времени, когда милая, умненькая Маня Струева, а не эта глупая Зюнгейка была ея подругой!

Неожиданно раздается звонокъ, призывающій въ классы, и изо всѣхъ угловъ сада по всѣмъ его аллейкамъ потянулись большія и маленькія пансіонерки.

Вотъ послѣдняя дѣвичья фигурка поднимается по ступенямъ крыльца и исчезаетъ за дверью.

Аллеи, недавно еще оживленныя звуками голосовъ и молодымъ безпечнымъ смѣхомъ, теперь снова погрузились въ молчаніе. Садъ опустѣлъ.

— Ну что же, идемъ, что ли?

Шура дергаетъ за рукавъ Зюнгейку и указываетъ ей глазами на прудъ.

—Идемъ,—послѣ недолгаго колебанія соглашается та.

— А ты не боишься?—насмѣшливо усмѣхается она по адресу башкирки.

— Ну вотъ еще! Чего бояться? Зюнгейка ничего не боится. Въ черный погребъ за кумысомъ одна подъ землю спускается. У насъ, у отца въ селеніи у каждой избы такіе черные погреба подъ землею роются. Въ нихъ ку-

мысъ гонять и отъ жары сохраняютъ. И на лошади не хуже любого малайки (мальчишки) умѣю скакать по степи.—Хвастливо говоритъ Зюнгейка, совершенно забывая, повидимому, свои недавніе страхи.

— Ну вотъ, а «идолища» испугалась?

— Не «идолища», а Анну-утопленницу... Я въ «это» вѣрю.

— Ерунда! Просто Басланихи трусишь. Въ примѣрныя дѣвочки, какъ Маничка наша, мѣтишь попасть.

— Ничего не трушу. Никого не трушу. Грѣхъ тебѣ такъ Зюнгейку обижать.

— Ну такъ идемъ скорѣе раздобывать рябину. Ты умѣешь по деревьямъ лазить, а?

— Еще бы? И по горамъ нашимъ лазила. У насъ среди степи и горы есть. Хоть не высокія, да крутыя... Такъ Зюнгейка по нимъ, какъ кошка, какъ кошка карабкалась.

— Горы не дерево.

— И на дерево сумѣю. И на дерево тоже. Зюнгейка все умѣетъ, гдѣ только ловкость, силу и проворство надо.— И маленькіе глазки башкирки горделиво блеснули.

— Ну коли не боишься, идемъ!

Теперь обѣ дѣвочки, взявшись за руки, мчатся къ пруду. Небольшое озерко въ пять саженъ длины и въ четыре ширины тихо дремлетъ подъ осеннимъ солнцемъ. Деревья и прибрежные кусты роняютъ на его сонную поверхность опавшіе мертвые листья. Отягощенныя алыми гроздьями, вѣтки рябины отражаются въ немъ.

Шура кидаетъ бѣглый взглядъ на далекія окна пансіона. Слава Богу, опасность не грозитъ съ той стороны. Тамъ все тихо, все спокойно. Вѣроятно, сейчасъ начнутся уроки. Всѣ разсядутся по мѣстамъ. Только мѣста ихъ, Шуры Августовой и Зюнгейки, окажутся пустыми. Что

будетъ тогда? Надо поторопиться однако. Надо скорѣе нарвать ягодъ и бѣжать въ классъ.

— Живѣе, Зюнгейка, живѣе!

Но башкирку не для чего было торопить. Она и такъ, съ быстротой и ловкостью кошки, вскарабкалась на дерево и сидитъ сейчасъ на его толстомъ суку, повисшемъ надъ водою.

Ея сильная маленькая рука протягивается къ ближайшимъ ало-краснымъ кистямъ рябины. Готово—сорвано... Теперь за другую, вонъ ту...

— Скорѣе, скорѣе,—стоя подъ деревомъ, говоритъ Шура, переминаясь съ ноги на ногу отъ охватившаго ее нетерпѣнья.

Но Зюнгейка какъ-будто и не слышитъ ея словъ. Узкіе глазки Карачъ странно блестятъ въ эту минуту. Лицо, порозовѣвшее отъ свѣжаго воздуха, поднято кверху. Душа дикой степнячки, казалось, встрепенулась въ ней въ этотъ мигъ.

Почуявъ надъ собою небо, и вокругъ себя и подъ собою гибкія вѣтви дерева, Зюнгейка въ это мгновенье какъ бы слилась съ природой. Вѣдь то-же небо, такая же вода и такія же деревья, по которымъ она лазила съ башкирскими малайками ихъ селенія, были и тамъ, на ея милой родинѣ, въ далекихъ родныхъ степяхъ. Правда, попадались они рѣдко.

И восторгомъ, иллюзіей свободы повѣяло на полудикую дочь степей. Исчезли стѣны пансіона. Вдали не виднѣлись уже больше фигуры гуляющихъ по саду классныхъ дамъ и воспитанницъ, нарушавшихъ гармонію впечатлѣній, и Зюнгейка совсѣмъ уже ярко представила себя на волѣ. Ея смуглое обвѣтренное скуластое лицо сейчасъ улыбалось счастливой улыбкой, улыбались губы, улыба-

лись монгольскіе узкіе глазки. И, уже забывъ о сборѣ рябины, сложивъ на груди маленькія смуглыя руки, Зюнгейка мечтательно смотрѣла вдаль, наслаждаясь всѣми фибрами существа своей временной свободой.

Ея настроеніе не могло ускользнуть отъ вниманія Шуры.

— Зюнгейка! Да что съ тобою? Ты тамъ заснула, что ли?—нетерпѣливо крикнула та.

— А? Что? Заснула? Нѣтъ, нѣтъ. Я не сплю...—вздрогнувъ отъ неожиданности и словно просыпаясь, отвѣчала дѣвочка, но то же выраженіе затаеннаго восторга попрежнему оставалось на ея лицѣ.

Тогда Августова вышла, наконецъ, изъ себя.

— Глупая этакая, сумасшедшая Зюнгейка! Она, кажется, собирается увидѣть тамъ на деревѣ десятый сонъ... А тутъ того и гляди «идолище» хватится насъ и сюда нагрянетъ. Ну, какъ мнѣ привести въ себя эту глупую Карачъ?

Шура думаетъ нѣсколько минутъ, наморща лобъ, сурово сдвинувъ брови. Вдругъ лукавая усмѣшка проскальзываетъ по ея губамъ. Глаза ея съ минуту щурятся на Зюнгейку. И, приблизясь къ самому дереву, на которомъ темнѣетъ неподвижная фигурка башкирки, она говоритъ таинственнымъ тономъ и голосомъ, пониженнымъ до шопота:

— Смотри внизъ, Зюнгейка! Смотри скорѣе внизъ!

— Что такое?—шепчетъ изумленная башкирка.

— Боже мой! Да ты не видишь, развѣ? Это она!

Румянецъ мгновенно сбѣгаетъ съ лоснящихся щекъ Зюнгейки. Она сильно блѣднѣетъ. Блѣднѣютъ даже ея припухлыя толстыя губы. И холодный потъ мгновенно выступаетъ на лбу.

— Кто «она»? Кто?—лепечетъ она помертвѣвшими губами.

— Какъ кто? Неужели не догадываешься? Да смотри же, смотри внизъ! Вонъ торчатъ изъ воды ея руки... Вонъ всплыла голова... Не узнаешь развѣ? Вѣдь это Анна!

Короткая секундная пауза, во время которой Зюнгейка глядитъ внизъ расширившимися глазами, и вдругъ раздирающій душу крикъ вырывается изъ устъ башкирки. Ея глаза, округлившіеся отъ ужаса, все еще глядятъ внизъ въ зеленоватую воду пруда. Тамъ, дѣйствительно, виднѣются чьи-то протянутыя руки, и блѣдное лицо... Если бы страхъ не затуманилъ въ этотъ мигъ сознанія Зюнгейки, она бы узнала въ отразившемся въ водѣ образѣ свое собственное лицо и фигуру, но испуганная до полусмерти башкирка уже не могла ничего сообразить отъ страха и, продолжая испускать отчаянные вопли, она всѣмъ тѣломъ откидывается назадъ...

Ея движеніе такъ стремительно и быстро, и такъ неудачно въ то же время. Зюнгейка плохо расчитала его... Дрогнула гибкая вѣтка рябины подъ ея тяжеловатымъ тѣломъ, скользнула мимо точки опоры нога... Дрожащая рука невольно выпустила изъ мгновенно ослабѣвшихъ пальцевъ сосѣдній сукъ рябины и Зюнгейка съ новымъ раздирающимъ душу воплемъ смертельнаго ужаса полетѣла внизъ головою въ прудъ...

Такой же отчаянный вопль Шуры былъ ей отвѣтомъ... На глазахъ Августовой плотная небольшая фигурка башкирки, съ безпомощно распластанными руками, погрузилась съ глухимъ шумомъ въ воду и тотчасъ же скрылась подъ ея поверхностью...

Не помня себя, трепещущая всѣмъ тѣломъ Шура,

бросилась бѣжать по берегу, крича дикимъ отчаяннымъ голосомъ...

— Спасите! Помогите! Зюнгейка утонула! Спасите!— И тутъ же, кинувшись на землю, забилась въ истерическомъ припадкѣ.

— Зюнгейка утонула!

Этотъ крикъ достигъ слуха Іи и бѣжавшихъ за нею дѣвочекъ. Какъ разъ въ минуту паденія Карачъ въ воду, онѣ уже были на крыльцѣ, вызванныя предшествующими воплями Зюнгейки и, не помня себя отъ испуга, прибѣжали въ садъ. Окинувъ взглядомъ представившуюся глазамъ картину, Ія сразу поняла всю суть ужаснаго происшествія. За садовой площадкой чернѣлъ прудъ. Расходившіеся на его поверхности круги еще говорили о катастрофѣ, происшедшей здѣсь за минуту до этого.

Еще нагляднѣе говорило о ней распластанное на берегу бьющееся въ истерикѣ маленькое тѣло.

Въ нѣсколько секундъ Ія была у пруда.

Однимъ быстрымъ движеніемъ поставила она на ноги рыдавшую Шуру... И сильно встряхнувъ ее за плечи, чтобы привести въ себя, коротко произнесла:—Гдѣ Зюнгейка?

— Утонула! Утонула! Спасите ее!—снова отчаяннымъ голосомъ закричала Шура.

Не говоря ни слова, Ія подбѣжала къ самому берегу и, быстро осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, не размышляя ни одной минуты, какъ была одѣтая въ платьѣ, однимъ прыжкомъ бросилась въ воду...

Она умѣла плавать и нырять какъ рыба.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ мать научила ее этому. Въ ихъ лѣсномъ озерѣ они купались постоянно съ Юліей Ни-

колаевной и Катей и во время этихъ купаній мать заставляла обѣихъ дочерей совершенствоваться въ плаваньѣ.

— Богъ знаетъ, можетъ-быть, впослѣдствіи и пригодится когда-нибудь въ жизни,—часто повторяла она.

Когда слѣдовавшія за Іей пансіонерки во главѣ съ Катей достигли берега, ихъ глазамъ представилась слѣдующая картина: Ія, мѣрно взмахивая руками, плыла по поверхности пруда. Вдругъ она неожиданно скрылась подъ водою.

— Она тонетъ! Тонетъ!—вырвалось трепетными звуками изъ груди нѣсколькихъ человѣкъ. Кто-то отчаянно зарыдалъ, протягивая руки къ пруду. Кто-то закричалъ пронзительно-громко на весь садъ...

Вся бѣлая, какъ известь, Катя, стараясь быть спокойной, проронила прыгающими отъ волненія губами:

— Нѣтъ... Нѣтъ... Она не утонетъ... Она хорошо умѣетъ плавать...

А со стороны крыльца уже спѣшила Лидія Павловна... Ея постоянное величавое спокойствіе измѣнило ей на этотъ разъ. Все лицо начальницы подергивалось отъ волненія. Едва передвигая ослабѣвшими ногами, она спѣшила къ мѣсту катастрофы, съ нескрываемымъ ужасомъ глядя на прудъ.

Два сторожа опередили ее, держа въ рукахъ длинные багры, Богъ вѣсть, откуда добытые ими...

Но этихъ багровъ имъ не пришлось пустить въ ходъ... Въ ту самую минуту, когда испуганная и взволнованная до послѣдней степени Лидія Павловна достигла пруда и смѣшалась съ толпою пансіонерокъ, отчаянно кричавшихъ и плакавшихъ на берегу, на темной поверхности пруда выплыла голова Іи... За головою показалась и вся ея тонкая фигура. Она усиленно работала правою ру-

кою, тогда какъ лѣвая прижимала къ себѣ неподвижное тѣло Зюнгейки.

— Живы! Живы! Онѣ обѣ живы!—вырвалось однимъ общимъ радостнымъ крикомъ у находившихся на берегу людей. Тогда одинъ изъ сторожей протянулъ длинный багоръ Іи... Она ухватилась за него трепещущею рукою... И черезъ минуту уже была на берегу, все еще держа въ объятіяхъ Зюнгейку.

Вода текла потоками съ обѣихъ дѣвушекъ. Мокрое платье облѣпило со всѣхъ сторонъ и дрожащее тѣло Іи и неподвижную фигурку Зюнгейки.

— Скорѣе! Скорѣе! Спирту... Простыней... Надо ей дѣлать искусственное дыханіе...—едва нашла въ себѣ силы произнести помертвѣвшими синими губами Ія, бережно опуская спасенную ею дѣвочку на землю...

Всѣ бросились къ нимъ, окружили ихъ и начался какой-то сплошной сумбуръ. Кто-то отчаянно рыдалъ, обнимая ноги Іи... Кто-то бился въ слезахъ у нея на груди... Кругомъ нея бѣгали, суетились, кричали люди...

Лидія Павловна безъ кровинки въ лицѣ сжимала ея холодныя, какъ ледъ, руки и говорила какія-то слова, которыя Ія никакъ не могла ни понять, ни разслышать.

Откуда-то появились простыни; на нихъ положили мокрую неподвижную съ помертвѣвшимъ лицомъ Зюнгейку и куда-то понесли ее... Туда же повели и Ію...

Молодая дѣвушка двигалась, какъ автоматъ, плохо сознавая, куда ее ведутъ, что съ нею хотятъ дѣлать... Въ головѣ шумѣло. Въ ушахъ стоялъ звонъ. Опомнилась она вполнѣ только тогда, когда почувствовала на себѣ сухое бѣлье и теплоту постели. Теперь Ія лежала у себя за ширмами, въ своемъ уголку. Пріѣхавшій врачъ выстукивалъ и выслушивалъ ее самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

А. Вестфален 14.

Лидія Павловна съ тревогой ждала его приговора.

— Ну что? Она не простудится? Не заболѣетъ?—тревожно по окончаніи осмотра обратилась къ нему начальница.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь пожалуйста, будемъ надѣяться на хорошій исходъ. Авось такъ несвоевременно принятая ванна не принесетъ вреда барышнѣ,—ободряюще улыбаясь, говорилъ докторъ.

— А Зюнгейка? Что съ нею? Она умерла?—черезъ силу выговорила Ія, продолжая дрожать, какъ осиновый листъ.

— Еще что! Такъ вотъ и умерла ваша Зюнгейка,—засмѣялся докторъ,—нѣтъ, милая барышня, такъ легко не умираютъ у насъ. У вашей Зюнгейки на диво рѣдкостная по здоровью натура. Сейчасъ я пришлю, если хотите, эту проказницу къ вамъ.

Едва только успѣлъ уѣхать докторъ, какъ въ уголокъ за ширмами пробрался весь четвертый классъ во главѣ съ Катей, трепетавшей за здоровье сестры. Послѣдняя съ плачемъ обняла Ію.

— Ія! Іечка! Какъ ты рисковала собою!—могла только пролепетать потрясенная дѣвочка.

— Вы правы, дитя мое, ваша сестра рисковала собственной жизнью и здоровьемъ, ради спасенія Зюнгейки,—торжественно произнесла Лидія Павловна и, обращаясь ко всѣмъ пансіонеркамъ, добавила:

— И съ этихъ поръ, дѣти, вы должны еще больше цѣнить вашу молодую наставницу, ея свѣтлую самоотверженную душу, ея на рѣдкость благородное сердце. Зюнгейка Карачъ! Гдѣ ты?

Изъ толпы пансіонерокъ выдвинулась сконфуженная башкирка и прежде нежели кто-либо могъ удержать ее, она кинулась къ ногамъ Іи, прижалась къ нимъ головою

и, обвивая руками ея колѣни, прорыдала, едва выговаривая слова:

— Прости меня, алмазикъ мой, — прости, сердце мое, Аллахъ мой! Была глупа Зюнгейка, была зла Зюнгейка, тебя не понимала... За Магдалиночку была зла... А теперь и сама больше жизни любить тебя буду и другимъ велю... Да, да и другимъ, и Шурѣ...

— И Шурѣ!—машинально повторила Ія, и вдругъ вспомнила, какъ эта самая Шура Августова также, плакала тамъ, на берегу пруда.

— Но гдѣ же Шура? Гдѣ Августова? Гдѣ?—задала вопросъ Ія, не видя ее среди окружавшихъ ея кровать взволнованныхъ и потрясенныхъ дѣвочекъ.

Шуры Августовой не было здѣсь. Она отсутствовала. Не было ее ни въ классѣ, ни въ рекреаціонной залѣ, ни въ коридорахъ, куда бросились ее искать. Кто-то надумалъ заглянуть въ окно... Такъ и есть, ея одинокая фигурка все еще темнѣла на берегу пруда, всей своей позой выражая глубокое отчаяніе... Шура, не рѣшалась, казалось, подойти теперь къ пострадавшей по ея милости Іи.

Къ чести Августовой надо было сказать, что она ни одну минуту не задумалась надъ вопросомъ, выдастъ или не выдастъ ея дурной поступокъ, повлекшій за собою такія печальныя послѣдствія, Зюнгейка. Нѣтъ, одинъ жгучій стыдъ и полное раскаяніе цѣликомъ завладѣли ея вспыльчивымъ, взбалмошнымъ, но далеко не злымъ сердцемъ. И въ немъ не было мѣста ни трусости, ни страху, ни боязни возмездія.

ГЛАВА XII.

— Пойдемъ! Ія Аркадьевна зоветъ тебя, Шура...

Когда Катя Басланова, произнося эти слова, приближалась къ одиноко молчавшей на берегу жалкой фигуркѣ Шуры, послѣдняя задрожала съ головы до ногъ...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что не пойду! Пустите!—съ отчаяніемъ вырвалось у нея.

Подошедшая къ ней вмѣстѣ съ Катей Ева Ларская взяла за руку Шуру и, крѣпко держа въ рукѣ эти холодные, какъ ледъ, пальцы, заговорила:

— Ступай безъ разговоровъ. Ія Аркадьевна безпокоится и волнуется, не зная что съ тобою. Кстати, ты одна была съ Зюнгейкой и сможешь разсказать, значитъ, какъ это случилось, что она упала въ прудъ...

— Ни за что не пойду! Хоть убейте меня, не пойду! Оставьте меня, оставьте!—и Шура снова забилась и изступленно зарыдала, не желая слушать никакихъ уговоровъ ни утѣшеній. Вдругъ она стихла... подняла голову и прислушалась...

— Шура! Шурочка! Почему вы не хотите прійти ко мнѣ!—отдаленно и глухо зазвучалъ хорошо знакомый Шурѣ голосъ.

Синіе глаза дѣвочки поднялись кверху и сквозь застилавшій ихъ туманъ слезъ Шура Августова увидѣла Ію.

Молодая дѣвушка стояла у открытаго окна дортуара, закутанная шалью поверхъ легкаго ночного пеньюара, съ распущенными по плечамъ бѣлокурыми волосами, не успѣвшими еще хорошенько обсохнуть, и протягивала ей издали руки. Несмотря на дальность разстоянія, своими

дальнозоркими глазами, Шура успѣла различить и ласковую улыбку Іи на ея блѣдномъ, осунувшемся отъ всѣхъ пережитыхъ волненій лицѣ и, самое выраженіе этого лица, исполненнаго прощенія.

Сердце дѣвочки внезапно сжалось, потомъ забилось сильно-сильно, какъ пойманная въ клѣтку птичка. Свѣтлое видѣнье въ окнѣ затопило ея душу жалостью, острой мучительной жалостью до боли, до слезъ...

Эта блѣдная дѣвушка съ бѣлокурыми волосами, такъ великодушно простившая, повидимому, ей, Шурѣ, всѣ ея злыя выходки по отношенію къ себѣ, показалась сейчасъ Августовой какимъ-то высшимъ неземнымъ существомъ.

И маленькое, взбалмошное, но далеко не злое сердце, дрогнувъ, раскрылось навстрѣчу Іи...

— Ія Аркадьевна, милая, святая, простите! Ради Бога простите меня!—вырвалось изъ самыхъ глубинъ души Шуры и, рванувъ свою руку у Евы, она бросилась бѣжать по направленію къ крыльцу, навстрѣчу Іи, ея протянутымъ рукамъ, ея раскрытымъ объятіямъ. . . . . .

Жизнь въ пансіонѣ г-жи Кубанской, выбитая такъ неожиданно необычайнымъ событіемъ изъ своей колеи, снова потекла по гладкому спокойному руслу. Теперь она уже не казалась Іи тяжелой и непріятной.

Благодаря несчастной случайности, едва не стоившей жизни, спасенной ею Зюнгейкѣ, Ія окончательно завоевала симпатіи воспитанницъ.

Не оставалось больше ни одной души въ классѣ, которая бы не оцѣнила по заслугамъ молодую дѣвушку. Прежніе враги стали теперь ея лучшими друзьями. Особенно Зюнгейка, обязанная жизнью Іи, привязалась къ ней со всѣмъ пыломъ своей полудикой порывистой натуры.

А о Шурѣ Августовой нечего было и говорить. Не-

давняя безпричинная ея ненависть къ Іи замѣнилась теперь самой горячей, самой искренней и неподкупной привязанностью. Съ того самаго дня, когда рыдающая Шура правдиво покаялась во всѣхъ своихъ проступкахъ передъ Іей, дѣвочку нельзя было узнать.

Разъ давъ слово молодой наставницѣ измѣнить свой «несносный», какъ сама Шура называла его, характеръ, Августова рѣшила свято сдержать данное ею обѣщаніе и круто измѣнилась со дня происшествія у пруда.

Обычныя рѣзкія выходки ея исчезли безслѣдно. Недобрыя шалости тоже. Смертельный испугъ, пережитый ею, не прошелъ безъ послѣдствій для впечатлительной и воспріимчивой натуры дѣвочки.

Такимъ образомъ, послѣдняя помѣха къ благополучію Іи въ ея новой жизни была устранена. Теперь никакія невзгоды не омрачали уже просвѣтлѣвшаго горизонта ея пансіонной жизни. Казалось, что солнце снова засіяло и улыбнулось надъ бѣлокурой головкой Іи, какъ неожиданно новый ударъ разразился надъ молодою дѣвушкой.

Прошло нѣсколько дней съ той злополучной минуты, когда молодая воспитательница вынесла изъ воды чуть было не погибшую воспитанницу. Принятыя мѣры чтобы оградить обѣихъ дѣвушекъ взрослой и маленькой, отъ неблагопріятныхъ послѣдствій несчастья, казалось, предостерегли отъ нихъ обѣихъ.

Для желѣзнаго здоровья Зюнгейки все прошло безслѣдно. Но нѣжный хрупкій организмъ Іи не выдержалъ пережитой катастрофы.

Ледяная вода сдѣлала свое дѣло. Три дня Ія перемогалась, стараясь всячески побѣдить подступавшій къ ней недугъ, глотая хину, аспиринъ, малиновый чай...

Но ничто не помогало. Лихорадка усилилась. Теперь

она ходила ослабѣвшая, измученная, съ усиливавшимся съ каждымъ часомъ жаромъ въ тѣлѣ, едва передвигая ноги, или тряслась по ночамъ въ жесточайшемъ ознобѣ на своей постели. Сильныя покалыванія въ боку заставляли ее по временамъ невольно вскрикивать отъ боли. Но Ія все еще крѣпилась, не желая сдаваться, все еще боролась съ незамѣтно подкравшимся къ ней недугомъ и на всѣ просьбы встревоженной Кати, замѣтившей ея недомоганье, показаться доктору, только отрицательно покачивала головою:

— Нѣтъ, нѣтъ, пустое, чего тамъ показываться. Перемелется—мука будетъ.

Но «все» не «перемололось» и въ одно несчастное утро Ія уже была не въ силахъ поднять съ подушки отяжелѣвшей головы.

Когда же пансіонерки, встревоженныя ея осунувшимся лицомъ и общею слабостью, уговорили дѣвушку поставить градусникъ, чтобы измѣрить температуру, термометръ показалъ 40 градусовъ, въ какія-нибудь нѣсколько минутъ.

Поднялась суматоха, волненье. Позвали Лидію Павловну, пригласили доктора.

Снова добродушный старикъ выстукивалъ и выслушивалъ самымъ внимательнымъ образомъ Ію и, къ ужасу начальницы, констатировалъ, разыгравшееся у больной воспаленіе легкихъ.

Не медля ни минуты, Ію одѣли потеплѣе и въ собственной каретѣ Лидіи Павловны перевезли въ ближайшую больницу. Тамъ ее еще разъ осмотрѣли, выслушали, выстукали. Затѣмъ, обложивъ всю грудь и спину горчичниками и компрессами, уложили въ постель.

Но никакіе компрессы, никакіе горчичники уже не

могли предотвратить ужасной болѣзни. Къ вечеру температура поднялась еще выше... Все тѣло Іи горѣло теперь какъ въ огнѣ. Она уже ничего не помнила, не сознавала больше... Дѣйствительность исчезла для нея... Начался бредъ. . . . . .

Ночь... Чуть свѣтитъ мягкимъ пріятнымъ свѣтомъ ночникъ подъ зеленымъ абажуромъ... Быстро, но безшумно, двигаются по больничной палатѣ женскаго отдѣленія бѣлыя фигуры сестрицъ. Съ крайней койки слышатся стоны... Запекшіяся отъ жара и потрескавшіяся губы произносятъ сумбурныя, непонятныя слова... Бѣлокурая голова безпокойно мечется по подушкѣ.

— Пить! — единственнымъ сознательнымъ словомъ срывается у больной.

Безшумно приближается къ кровати бѣлая фигура сестрицы и подноситъ стаканъ съ прохладительной жидкостью къ запекшимся горячимъ губамъ.

— Больно вамъ, голубушка? Гдѣ болитъ, родная?— спрашиваетъ участливый голосъ и гладко причесанная головка подъ бѣлой косынкой ниже склоняется надъ больною. Но больная молчитъ и только дико смотритъ въ склоненное надъ нею незнакомое лицо.

Вдругъ улыбка, безсознательная, полубезумная скользитъ по исхудалому лицу Іи.

— Мама—голубушка... Это вы?.. — шепчетъ она,—не уходите отъ меня, мамочка, моя радость. Здѣсь такъ страшно! Какая черная жуткая вода!.. Внизу омутъ... Тамъ утонула, говорятъ, воспитанница... А вотъ и другая... Это Зюнгейка... Смотрите—смотрите! Какая она смѣшная!.. у нея рыбій хвостъ и плавники... И корона на головѣ, какъ у морской царевны... И мечъ у пояса... Ай, ай, какъ больно... Зачѣмъ она ударила меня своимъ мечемъ?

Тутъ дикій бредъ переходитъ въ стоны... Сильнѣе мечется горячее тѣло... Жарче пылаетъ отуманенная голова.

— Надо впрыснуть морфій... больная безпокоится...— говоритъ одна сестра другой, и обѣ, склонясь надъ Іей, хлопочутъ около нея.

А днемъ пріѣзжаетъ Лидія Павловна съ Катей. Иногда онѣ берутъ кого-нибудь изъ воспитанницъ... Чаще всего Еву, Маню Струеву, Шуру или Зюнгейку Карачъ, особенно сильно полюбившихъ Ію. Но Ія не узнаетъ ихъ. Она не слышитъ плача Кати, не видитъ взглядовъ то затаенной надежды, то скорбнаго отчаянія, нѣсколькихъ паръ устремленныхъ на нее встревоженныхъ глазъ...

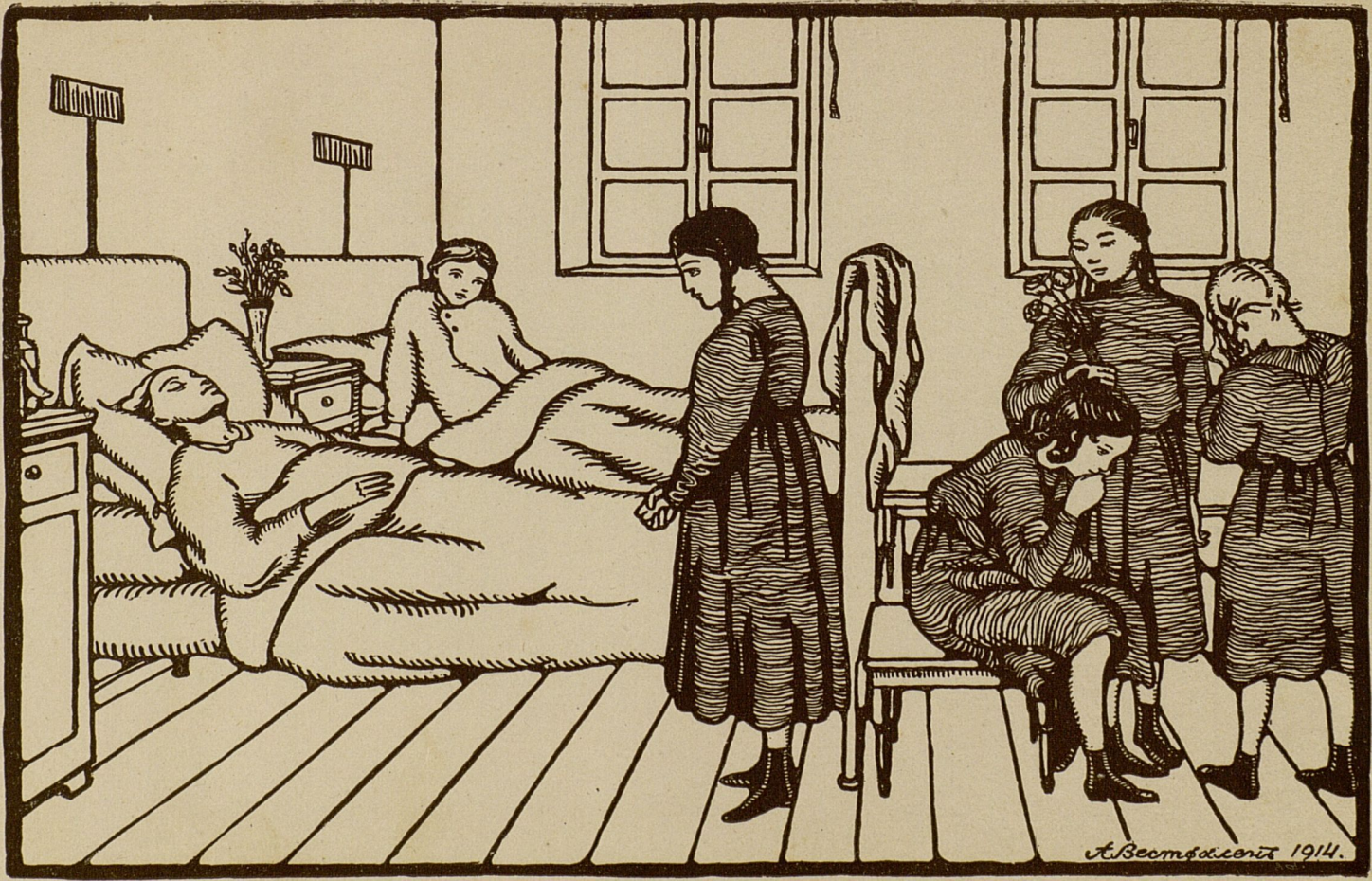
Ея здоровье ухудшается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ... Болѣзнь прогрессируетъ съ минуты на минуту. Къ воспаленію легкихъ присоединился теперь еще и гнойный плевритъ.

Однажды, больничный докторъ, отведя въ сторону Лидію Павловну, съ серьезнымъ сосредоточеннымъ лицомъ сказалъ ей:

— Есть у больной близкіе родные? Ихъ надо оповѣстить... Я больше не могу поручиться за ея жизнь... Случай серьезный...

Начальница, молча, кивнула головою и отошла отъ него съ угрюмымъ замкнутымъ лицомъ. Въ тотъ день она была особенно заботлива и предупредительна къ Катѣ, и осторожно приготовила къ печальному событію дѣвочку. А вечеромъ въ дортуарѣ четвертаго отдѣленія многія изъ воспитанницъ рыдали въ голосъ, узнавъ о возможности смерти Іи. Другія ходили съ блѣдными, растерянными лицами.

Шура Августова зарылась головою въ подушки и повторяла, съѣдаемая отчаяніемъ одно и то же, безъ конца:


A Beaumont 1914.

— Это изъ-за меня... Изъ-за меня одной она умираетъ... И если только это правда и она умретъ, я тоже не хочу жить больше... и не хочу, и не могу...

Со стиснутыми губами, съ бѣлымъ какъ снѣгъ лицомъ около нее появилась Катя...

— Шура, перестань, я сестра ея, а видишь, не прихожу въ отчаяніе раньше времени. Боже мой, да молчи же, не кричи такъ! и безъ тебя тяжело невѣроятно!

Поздно вечеромъ, когда всѣ пансіонерки уже спали, Катя сѣла на кровати за ширмами въ уголку сестры и полными отчаянія глазами, вглядывалась въ темноту осенней ночи.

Смутныя думы кружились въ ея юной головкѣ. Катя думала о томъ, что надо было завтра же отслужить молебенъ о здравіи болящей рабы Божіей Іи, что необходимо послать телеграмму въ Венецію Андрюшѣ о серьезномъ положеніи старшей сестры и письмо матери, осторожное, подготовляющее ее къ несчастью письмо, чтобы не испугать на смерть ихъ дорогую старушку.

Потомъ Катя опустилась на колѣни тутъ же, у постели Іи, и стала горячо молиться, безъ словъ однѣми мыслями, однимъ своимъ маленькимъ сердцемъ съ разросшейся въ немъ огромной тревогой за сестру...

Опять утро... Сырое, осеннее, съ непріятнымъ нуднымъ дождемъ, барабанящимъ въ оконныя стекла палаты... Сѣрый туманъ повисъ надъ городомъ и окуталъ своей промозглой пеленою дворцы и дома, сады, скверы. Нева нахмурилась и потемнѣла. Въ это утро Іи былъ сдѣланъ проколъ въ боку, пораженномъ плевритомъ. Отъ боли ли, или же вслѣдствіе выпущеннаго изъ бока гноя,

но больная пришла, наконецъ, въ сознаніе и открыла измученные глаза...

— Андрюша!—сорвалось съ ея губъ слабымъ, но радостнымъ звукомъ.

Надъ ея койкой между бѣлыми халатами докторовъ склонилась знакомая голова съ густою вьющеюся гривой. Сѣрые добрые глаза смотрѣли на нее съ неизъяснимой тревогой и любовью. А полныя добродушныя губы ободряюще улыбались ей.

— Андрюша!—еще разъ слабымъ голосомъ произнесла больная и, сдѣлавъ усиліе надъ собою, протянула руки.

Онѣ были осыпаны въ тотъ же мигъ поцѣлуями и залиты слезами, эти бѣдныя маленькія, до неузнаваемости исхудалыя и пожелтѣвшія ручки.

Андрей Аркадьевичъ Басановъ нѣсколько дней назадъ примчался въ Петербургъ, взволнованный телеграммой Кати.

Молодой художникъ уже недѣлю находился здѣсь. Онъ видѣлъ больную сестру въ самомъ отчаянномъ, самомъ печальномъ положеніи, всѣ послѣдніе дни... Она бредила, стонала и, никого не узнавая, металась въ кровати. И только сегодня, послѣ сдѣланной ей операціи сознательно глядѣла.

Радость и изумленіе выражали ея глаза.

— Іечка,— родная моя! Узнала? Узнала меня?—сорвалось съ губъ Басланова, и онъ осторожно обнялъ исхудавшія слабыя плечи сестры.

Съ этого дня началось медленное, но вѣрное выздоровленіе Іи. Слабая, какъ ребенокъ, только что начинающій учиться ходить, спустя три недѣли послѣ этого свиданія съ братомъ, Ія, вставъ впервые при помощи сестры милосердія со своей больничной койки, подошла къ окну.

Дворъ и садъ больницы были уже покрыты снѣгомъ. Когда заболѣла Ія, былъ только октябрь мѣсяцъ. Теперь же стояла середина ноября.

Съ обрѣзанными волосами, съ исхудавшимъ до неузнаваемости лицомъ, съ огромными вслѣдствіе этой худобы глазами, Ія казалась теперь скорѣе хрупкимъ подросткомъ, нежели взрослой восемнадцатилѣтней дѣвушкой.

Но радость жизни, хлынувшая живительнымъ потокомъ ей въ душу послѣ перенесенной тяжелой болѣзни, успѣла уже бросить первыя нѣжныя краски на ея измученное лицо и увеличила блескъ огромныхъ сѣрыхъ глазъ, ставшихъ прекрасными.

Эти глаза заблестѣли еще оживленнѣе, еще ярче, когда за спиною дѣвушки послышались знакомые шаги.

— Андрюша! Наконецъ-то! Ахъ, если бы ты зналъ, какъ я ждала тебя сегодня!

— Здравствуй, Іечка, здравствуй, родная. Привезъ тебѣ двѣ радости нынче,—ласково говорилъ молодой художникъ, цѣлуя руку сестры,—одна радость въ лицѣ Кати грѣется тамъ въ пріемной у камина, другая вотъ здѣсь,—и онъ протянулъ Ія письмо, полученное имъ наканунѣ изъ «Яблонекъ».

Старушка Басланова, узнавшая въ смягченной формѣ о болѣзни, постигшей старшую дочь, писала ей полныя материнскихъ заботъ и нѣжности строки.

Ія не могла не прослезиться, читая это письмо. Потомъ поцѣловала его и спрятала на груди.

— Ну, а теперь, слушай ворохъ новостей, которыя я принесъ съ собою, — улыбаясь проговорилъ Андрей;—во-первыхъ, наши переѣхали въ Петербургъ на постоянное жительство. Всей семьей тутъ: Нетти, ея родители и двое

маленькихъ внуковъ князя, дѣтей его старшей дочери отъ перваго брака. Во-вторыхъ, твое мѣсто классной дамы въ пансіонѣ Кубанской временно занято другой наставницей и пока ты окончательно не поправишься и не окрѣпнешь, я не пущу тебя служить,—тономъ, не допускающимъ возраженій, заключилъ молодой художникъ.

— Но, Андрюша, что же я буду дѣлать безъ работы?—испуганно вырвалось у дѣвушки.

— Не безпокойся, работа тебѣ найдется всегда. Внуки князя нуждаются въ хорошей учительницѣ и гувернанткѣ. Юрій Львовичъ не пожалѣетъ для нихъ ничего, лишь бы имѣть въ домѣ хорошаго человѣка въ качествѣ наставницы дѣтей. И тебѣ куда легче будетъ заниматься съ двумя малышами, нежели воспитывать цѣлое отдѣленіе почти взрослыхъ барышенъ, кстати сказать, довольно распущенныхъ и шаловливыхъ.

— Андрюша, постой, подожди...—волнуясь и густо краснѣя, прервала брата Ія,—ты такъ говоришь, точно не желаешь моего возвращенья въ пансіонъ. Неужели же Катя наболтала тебѣ что-либо?

— Что значитъ наболтала, Іечка? Я, дѣйствительно, знаю все вплоть до твоего самоотверженнаго подвига, спасшаго жизнь совершенно чужого тебѣ ребенка. Но это отнюдь не относится къ дѣлу. Разъ ты находишь возможнымъ оставаться при такихъ шаловливыхъ и избалованныхъ дѣтяхъ, я, со своей стороны, не имѣю никакого права тебѣ въ этомъ мѣшать. Но пока ты лежала здѣсь безъ памяти, Лидіи Павловнѣ пришлось хотя и временно пригласить на твое мѣсто одну, очень нуждающуюся въ средствахъ, барышню. Она оказалась хорошею, добросовѣстною воспитательницею, искренно любящею дѣтей. Со словъ Катя и пансіонерки относятся къ ней прекрасно. А глав-

ное, она совсѣмъ бѣдная и имѣетъ на плечахъ цѣлую семью. Такъ неужели же, ты, Ія, такая самоотверженная и благородная натура, пойдешь отнимать у нея мѣсто, къ которому она успѣла уже привыкнуть? Конечно, тамъ тебя ждутъ и примутъ съ распростертыми объятіями. Больше того скажу, твой уходъ изъ пансіона будетъ большимъ лишеніемъ для начальницы и ударомъ для дѣвочекъ, но... Но, сестренка, подумай о томъ, что тамъ, куда я зову тебя, ты еще нужнѣе... Когда ты увидишь воочію бѣдныхъ внучатъ Юрія Львовича, ты поймешь, какъ имъ будетъ нужна такая, именно, наставница, какъ ты...

И ласковые сѣрые глаза брата съ мольбою заглянули въ лицо сестры.

— Хорошо, Андрюша, я подумаю,—задумчиво послѣ нѣкотораго оклебанія проговорила послѣдняя. И дѣйствительно долго и серьезно передумывала она, все взвѣшивая прежде нежели рѣшиться на предложеніе брата.

Между тѣмъ выздоровленіе Іи быстро подвигалось впередъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ вышеописаннаго разговора молодая дѣвушка уже окрѣпла настолько, что могла выписаться изъ больницы.

Ея первымъ шагомъ по выздоровленіи была поѣздка въ пансіонъ.

Съ радостнымъ крикомъ сбѣжались къ ней навстрѣчу дѣвочки. Ію тормошили, цѣловали, обнимали... На всѣхъ лицахъ царила самая искренняя, самая неподкупная дѣтская радость при видѣ ея.

Особенно льнули къ ней ея недавніе враги: Шура и Зюнгейка.

Нечего и говорить, что обѣ дѣвочки выражали ей самыя непосредственныя, самыя восторженныя чувства.

Увидѣла Ія и классную даму, временно замѣнившую

ее. Увидѣла и сразу рѣшила дать возможность послѣдней остаться на ея мѣстѣ.

Худенькая, миніатюрная дѣвушка, съ необычайно добрымъ лицомъ и со спокойными, полными сдержаннаго достоинства манерами, очень понравилась Іи. А ея обращенье съ воспитанницами не оставляло желать ничего лучшаго.

Когда Ія сообщила о своемъ намѣреніи Лидіи Павловнѣ покинуть пансіонъ и принять мѣсто, предложенное ей братомъ, начальница сильно встревожилась и долго уговаривала молодую дѣвушку отмѣнить это «жестокое» по ея мнѣнію рѣшеніе. Но, такъ какъ Ія все-таки стояла на своемъ, госпожѣ Кубанской пришлось поневолѣ уступить дѣвушкѣ.

Теперь она только просила Ію объ одномъ: въ память ея самоотверженнаго поступка, спасенія Зюнгейки, разрѣшить воспитывать и содержать за счетъ пансіона ея младшую сестру Катю, на суммы, отпускаемыя имъ благотворительнымъ обществомъ.

— Это будетъ какъ бы медалью за спасеніе вами погибающей,—любезно заключила свою рѣчь начальница.

Іи, долго колебавшейся принять этотъ «подарокъ», какъ она мысленно назвала предложеніе начальницы, оставалось въ концѣ-концовъ согласиться.

Катя училась прекрасно и вполнѣ заслуживала освобожденія отъ платы. А эта плата такъ могла пригодиться Юліи Николаевнѣ въ ея маленькомъ хозяйствѣ!

Послѣднія колебанія исчезли, и молодая дѣвушка съ благодарностью пожала протянутую ей Кубанской руку.

Тутъ же, обѣ онѣ рѣшили скрыть отъ воспитанницъ окончательный уходъ Іи изъ пансіона, чтобы не волно-

вать сильно привязавшихся къ ней за послѣднее время дѣвочекъ.

Дѣтямъ было сообщено, что для выздоравливающей Іи Аркадьевны необходимы тишина и спокойствіе, для чего она и беретъ продолжительный отпускъ и будетъ жить у брата.

Съ такимъ оборотомъ дѣла пансіонерки не могли не примириться и, не подозрѣвая готовившагося имъ удара, онѣ безъ особаго волненія въ тотъ же вечеръ всею толпою провожали Ію, уѣзжавшую отъ нихъ въ домъ брата.

Ія уѣзжала... Недавняя жизнь классной дамы оставалась уже въ ея прошломъ...

Начиналась новая, еще невѣдомая, чужая... И съ легкимъ смятеніемъ, съ затаенной тревогой молодая дѣвушка вступила на этотъ новый, открывавшійся передъ нею путь...

Конецъ.

3576